This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

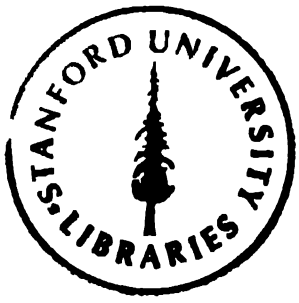
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`


STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

1001.

А. Мануиловъ.

Юридическ
кабине
В. К.

ПОНЯТІЕ ЦѢННОСТ

ПО УЧЕНІЮ

ЭКОНОМИСТОВЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ.

МОСКВА.
Университетская типография, Страстной бульваръ.
1901.

V Manuilov, И. И.

А. Мануиловъ.

ЮРИДИЧЕ
КАБИНЕТ
В. Ж.

ПОНЯТІЕ ЦѢННОСТИ

ПО УЧЕНІЮ

ЭКОНОМИСТОВЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ.

20784 соц. н.

(Смитъ, Рикардо и ихъ ближайшіе послѣдователи).

Критическое изслѣдованіе по исторіи основныхъ положеній теоретической экономіи.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1901.

HB203
M28

Изъ Ученыхъ Записокъ Императорскаго Московскаго Университета
Отдѣлъ Юридическаго Факультета.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предметомъ настоящаго сочиненія служитъ ученіе о цѣнност Едва ли необходимо оправдывать выборъ такой темы для научн работы: значеніе вопроса, которому посвящена эта книга, вниман которое съ давнихъ временъ удѣлялось ему въ экономической литер турѣ, съ достаточной убѣдительностью свидѣтельствуютъ о важност явленія, извѣстнаго подъ названіемъ оцѣнки хозяйственныхъ благ Не безъ основанія авторъ «Діалоговъ о политической экономіи» появившихся въ первой четверти нынѣшняго вѣка, на вопросъ сво его собесѣдника: «существуетъ ли въ политической экономіи како нибудь принципъ, изъ котораго все остальное можетъ быть выве дено?» отвѣчаетъ: «Да, существуетъ: такимъ принципомъ являетс ученіе о цѣнности, правильно изложенное» [1]). Это ученіе, по мнѣ нію одного изъ выдающихся представителей экономической наук въ наше время, Бемъ-Баверка, «находится, такъ сказать, в центральномъ пунктѣ политической экономіи: почти всѣ важныя и сложныя проблемы, въ особенности крупные вопросы о распредѣ леніи доходовъ—о поземельной рентѣ, о заработной платѣ, о про центѣ на капиталъ—имѣютъ свои корни въ теоріи цѣнности» [2]).

Съ тѣхъ поръ какъ были написаны упомянутые «Діалоги» про шло три четверти вѣка; но едва ли кто нибудь рѣшится сказать, какая теорія цѣнности въ настоящее время могла бы претендовать на всеобщее признаніе въ качествѣ «правильно изложеннаго ученія». Въ теченіе XIX столѣтія были сдѣланы разнообразнѣйшія попытки разрѣшить проблему цѣнности, но, по замѣчанію Бемъ-Баверка, значеніе достигнутыхъ результатовъ далеко не соотвѣтствуетъ затраченной работѣ. До сихъ поръ ученіе объ этомъ предметѣ не только не установилось, но оно находится въ настоящее время въ еще менѣе устойчивомъ состояніи, чѣмъ въ ту эпоху, когда

---

[1]) Dialogues of three Templars on Political Economy. London Magazine. 1824.

[2]) Grundzüge der Theorie des wirthschaftlichen Güterwerths. Conrad's Jahrb. N. F. XIII. 1886, стр. 8.

появились «Діалоги». Этотъ фактъ можетъ дать благодарный матеріалъ для скептическихъ размышленій о прогрессѣ теоретической экономіи; но въ дѣйствительности онъ скорѣе говоритъ въ пользу этой науки, чѣмъ противъ нея. За истекшее столѣтіе изученіе экономическихъ явленій сдѣлало такіе громадные успѣхи, фактическій матеріалъ, которымъ располагаетъ экономистъ, такъ разросся, что теоретическія основы политической экономіи не могли не подвергнуться пересмотру, провѣркѣ и переоцѣнкѣ. Мы находимся въ самомъ разгарѣ этого періода; и намъ приходится теперь болѣе чѣмъ когда либо останавливать вниманіе на принципахъ экономической науки и вновь ставить на очередь вопросы, которые нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ представлялись окончательно рѣшенными. Въ ряду этихъ вопросовъ первое мѣсто занимаетъ цѣнность. Въ 1848 г. Д. С. Милль писалъ, что «къ счастью, въ законахъ цѣнности не остается ничего, что̀ требовало бы выясненія со стороны современныхъ или будущихъ изслѣдователей; теорія этого предмета закончена» [1]). Въ наше же время, нѣтъ въ политической экономіи предмета болѣе спорнаго, чѣмъ теорія цѣнности: принципы этого ученія, которые Милль считалъ навсегда установленными, подвергаются теперь самой рѣшительной критикѣ, и нѣтъ ни одного изъ нихъ, подъ которымъ согласились бы подписаться безъ болѣе или менѣе серьезныхъ оговорокъ всѣ современные экономисты.

Однимъ изъ пунктовъ глубокихъ разногласій служитъ вопросъ объ отношеніи между цѣнностью и трудомъ, затраченнымъ на производство оцѣниваемаго предмета. Въ теченіе долгаго времени господствовала теорія, признававшая, что трудъ опредѣляетъ цѣнность. Нѣкоторые экономисты вводили въ это положеніе ограниченія, но во всякомъ случаѣ можно утверждать, что большинство изслѣдователей признавало безспорнымъ положеніе, по которому цѣнность продуктовъ, не составляющихъ предметовъ рѣдкости, т. е. цѣнность огромной массы благъ, потребляемыхъ человѣчествомъ, опредѣляется стоимостью ихъ производства. Вопросъ сводился къ тому, что по мнѣнію однихъ стоимость производства въ конечномъ счетѣ цѣликомъ выражается въ трудѣ, по мнѣнію же другихъ однимъ трудомъ она не исчерпывается.

Главными противниками ученій о цѣнности, основанныхъ на стоимости производства, выступили въ новѣйшее время австрійскіе экономисты. Исходя отъ понятія цѣнности, какъ субъективной оцѣнки предмета, они не ограничились оспариваньемъ принципа, по которому одинъ трудъ опредѣляетъ цѣнность продуктовъ, но заняли отрицательное положеніе и по отношенію къ общему принципу, по

---

[1]) Principles of Political Economy, 6 ed., 1865, I, стр. 537.

которому цѣнность большинства предметовъ опредѣляется стоимост
ихъ производства. По теоріи австрійцевъ, наоборотъ, цѣнность э.
ментовъ, составляющихъ стоимость производства, опредѣляется ц
ностью предмета, который производится изъ этихъ элементовъ.

Крупной заслугой экономистовъ субъективной школы, въ ос
бенности Бемъ-Баверка и Визера, является возбужденіе интереса
теоретическимъ вопросамъ и спеціально къ вопросу о цѣнности. І
своей критикѣ господствующаго ученія они не остановились пере
основными началами политической экономіи и съ необыкновенно
энергіей и большимъ талантомъ выдвинули противъ установившихс
положеній рядъ аргументовъ, съ которыми нельзя не считаться. Кам
панія, предпринятая австрійской школой въ пользу новаго учені
о цѣнности, раздѣлила экономистовъ на два лагеря. Въ одном
сгруппировались тѣ, которые полагаютъ, что единственнымъ осно
ваніемъ и мѣриломъ цѣнности служитъ полезность предметовъ, і
что стоимость производства играетъ подчиненную роль, получая сво
значеніе отъ принципа полезности и функціонируя лишь въ предѣлах
намѣчаемыхъ цѣнностью. Экономисты этого направленія, совершенно
послѣдовательно со своей основной точкой зрѣнія, отрицаютъ за тру-
домъ значеніе опредѣлителя цѣнности. Другой лагерь составляютъ
тѣ, которые отводятъ первенствующее значеніе вліянію стоимости
производства на цѣнность, полагая, что другія причины, напр. рѣд-
кость, отношеніе между спросомъ и предложеніемъ, имѣютъ второ-
степенное значеніе. Одна изъ группъ этого послѣдняго направленія
выдвигаетъ трудъ, какъ единственный факторъ цѣнности.

Экономисты, выступающіе противниками австрійцевъ, заявляютъ,
что для нихъ остаются руководящими принципами основныя начала
экономической теоріи, развитой классиками; и такимъ образомъ споръ
офиціально ведется между австрійской школой и послѣдователями
классической, подъ знаменемъ которой стоятъ также сторонники
Родбертуса и Маркса.

Невыгода положенія, въ которомъ находятся т. н. защитники
классической школы, заключается въ томъ, что ихъ воззрѣнія на
задачи и законы теоретической экономіи далеко не однородны, ко-
леблясь между Сеньоромъ и Миллемъ, съ одной стороны, и Марк-
сомъ и Энгельсомъ—съ другой. Всѣ они ведутъ начало своихъ идей
отъ классиковъ, но въ сущности въ своихъ принципіальныхъ взгля-
дахъ они отличаются другъ отъ друга столь же сильно, какъ и отъ
представителей противоположнаго направленія, съ которымъ они
борятся; а въ нѣкоторыхъ случаяхъ ихъ взаимныя разногласія даже
сильнѣе. Если судить по сочиненіямъ тѣхъ, которые въ полемикѣ
съ австрійцами ссылаются въ подтвержденіе своихъ взглядовъ на клас-
сическую школу, то можно придти къ заключенію, что классики не

имѣли цѣльной и опредѣленной теоріи цѣнности, но дали только рядъ неясныхъ и противорѣчивыхъ положеній, которыя послужили въ отдѣльности источниками разнообразныхъ теорій цѣнности, связанныхъ между собою лишь общимъ признаніемъ опредѣляющей роли стоимости производства.

Такое заключеніе было бы, однако, неправильнымъ. Въ сочиненіяхъ классиковъ, именно Смита и Рикардо, развито опредѣленное ученіе о цѣнности, но оно затемнено не всегда удачнымъ и яснымъ изложеніемъ предмета и въ особенности нѣкоторыми послѣдующими направленіями, основывавшими свои теоретическія воззрѣнія не на общихъ принципахъ ученія классической школы, а большею частью на отдѣльныхъ мнѣніяхъ того или другаго писателя. Для того, чтобы ученіе о цѣнности классиковъ появилось въ истинномъ свѣтѣ, необходимо разсмотрѣть его въ связи съ общей системой экономической теоріи, которую содержатъ ихъ сочиненія, и въ той исторической обстановкѣ, въ которой оно возникло и развилось.

Такая задача во всякомъ случаѣ могла бы представить историко-литературный интересъ; но она имѣетъ не только историческое значеніе. Классики, и въ частности Рикардо, выдвинули значеніе труда въ теоріи цѣнности, исходя изъ анализа эмпирическихъ законовъ капиталистическаго строя, и такъ какъ мы находимся въ томъ именно періодѣ хозяйственнаго развитія, начало котораго они наблюдали, то классическая теорія цѣнности можетъ быть приведена въ связь съ современной дѣйствительностью и можетъ служить для ея разъясненія.

Изученіе классической теоріи въ трудахъ главныхъ ея представителей показываетъ, что современныя ученія о цѣнности, основанныя на принципѣ стоимости производства и въ частности на трудовомъ началѣ, не представляютъ, по крайней мѣрѣ въ полномъ объемѣ, развитія идей классической школы; что многія изъ возраженій австрійскихъ теоретиковъ не относятся къ теоріи цѣнности классиковъ, хотя эта теорія основана на трудовомъ началѣ; наконецъ, что классическая теорія цѣнности заключаетъ въ себѣ данныя для дальнѣйшаго развитія на почвѣ тѣхъ же принциповъ.

Ограничивъ наше изслѣдованіе Смитомъ, Рикардо и ихъ ближайшими послѣдователями, мы полагали, что разъясненіе понятія цѣнности по ученію названныхъ экономистовъ можетъ содѣйствовать правильной постановкѣ этого важнаго вопроса въ экономической теоріи. Но прежде чѣмъ приступить къ изложенію и анализу теоріи классиковъ, необходимо познакомить читателя въ главнѣйшихъ чертахъ съ современнымъ положеніемъ вопроса о цѣнности; этой задачѣ и посвящены первыя двѣ главы книги. Мы остановились на австрійской школѣ быть можетъ подробнѣе, чѣмъ это требовалось ближайшимъ предме-

томъ нашего изслѣдованія по нѣсколькимъ соображеніямъ. Австрій теоретики сгруппировали въ своихъ возраженіяхъ противъ классі ской школы все заслуживавшее серіознаго вниманія въ болѣе ран литературѣ и присоединили къ старому много новаго. Кромѣ т австрійскіе теоретики, разработавъ общее понятіе цѣнности, облегч трудъ историка этого понятія, предоставивъ въ его распоряженіе выя средства для разъясненія и критики нѣкоторыхъ воззрѣній кла ковъ на оцѣнку хозяйственныхъ благъ. Все это побуждало подроб остановиться на ученіи о предѣльной полезности, тѣмъ болѣе, знакомство съ его началами сравнительно мало распростран у насъ.

Москва.
Декабрь 1900 г.

ГЛАВА I.

Ученіе классической школы о цѣнности вызываетъ противъ себя рядъ самыхъ рѣшительныхъ возраженій. Оспариваются не только тѣ или другія его положенія, но подрываются самые принципы, на которыхъ оно основано. Новѣйшая критика теоріи цѣнности Смита и Рикардо стремится сравнять съ землей воздвигнутое ими зданіе и на мѣстѣ его построить новое. Поэтому, приступая къ изслѣдованію воззрѣній экономистовъ классической школы, мы не можемъ не остановиться сначала на идеяхъ, выдвигаемыхъ взамѣнъ развитой ими теоріи. Это идеи такъ называемой австрійской школы, общей характеристикѣ которыхъ и посвящена настоящая глава.

Австрійская школа различаетъ цѣнность субъективную и объективную. Цѣнность въ субъективномъ смыслѣ есть то значеніе, которое имѣетъ какое нибудь благо или совокупность благъ для благосостоянія даннаго субъекта. Въ этомъ смыслѣ, говоритъ Бемъ-Баверкъ, я скажу о какомъ нибудь благѣ, что оно имѣетъ для меня цѣнность, если я признаю, что мое благосостояніе связано съ нимъ, что обладаніе имъ доставляетъ мнѣ удовлетвореніе какой либо потребности, извѣстное наслажденіе, которыхъ я лишился бы, если бы не имѣлъ этого блага; или что послѣднее избавляетъ меня отъ извѣстнаго неудобства или страданія, которыя я долженъ былъ бы претерпѣть, если бы благо не находилось въ моемъ обладаніи. Существованіе блага означаетъ въ этомъ случаѣ для меня выигрышъ, а его утрата ущербъ благосостоянія: оно для меня важно, имѣетъ для меня цѣнность.

Цѣнность въ объективномъ смыслѣ означаетъ, напротивъ, силу или способность блага приводить къ какой либо объективной цѣли. Такъ какъ на нѣмецкомъ языкѣ слово Werth можетъ обозначать не только оцѣнку въ изложенномъ выше субъективномъ смыслѣ, но также и пригодность предмета для той или другой цѣли, то нѣко-

торые нѣмецкіе экономисты и вмѣстѣ съ ними австрійскіе утверждаютъ, что можетъ существовать столько видовъ объективной цѣнности, сколько существуетъ внѣшнихъ цѣлей, къ которымъ можно стремиться. Питательность съѣдобныхъ предметовъ, тепловая энергія топлива, разрывная сила взрывчатыхъ веществъ и т. д.—всѣ подобныя свойства благъ, опредѣляющія ихъ пригодность для извѣстныхъ цѣлей выражаются по нѣмецки словомъ Werth въ соединеніи съ соотвѣтствующимъ существительнымъ, опредѣляющимъ спеціальное назначеніе предмета: такъ напр., Nährwerth означаетъ степень пригодности предмета для питанія; Heizwerth степень пригодности горючихъ матеріаловъ, Sprengwerth—взрывчатыхъ веществъ и т. п. [1]). Однако, не всѣ виды объективной цѣнности подлежатъ разсмотрѣнію экономиста: его интересуютъ только тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ хозяйственное значеніе. Въ ряду видовъ объективной цѣнности, относящихся къ этой послѣдней категоріи, самое важное значеніе имѣетъ мѣновая цѣнность благъ. Подъ этимъ терминомъ разумѣется объективное значеніе благъ въ обмѣнѣ—или, другими словами, возможность получить за нихъ черезъ обмѣнъ извѣстное количество другихъ хозяйственныхъ благъ,—возможность, представляемая какъ сила или свойство присущее предмету. Это то, что англійскіе экономисты называли покупательной силой (purchasing power), а нѣмцы обозначаютъ словомъ Tauschkraft—мѣновая сила.

Количество благъ, получаемыхъ въ обмѣнъ за данное благо и зависящее отъ его покупательной или мѣновой силы, представляетъ его цѣну [2]).

Мы увидимъ дальше, что австрійскіе экономисты различаютъ также понятіе субъективной мѣновой цѣнности, но здѣсь это по-

---

[1]) Насколько такое значеніе слова „цѣнность“ чуждо другимъ языкамъ, видно изъ слѣдующаго замѣчанія итальянца Берарди по поводу приведенныхъ въ текстѣ соображеній Бемъ-Баверка: „Non v'è alcuna ragione di chiamare *valore* calorifico l'attetudine a riscaldare della legna; non ve n'è per dire *valore* nutritivo quella a nutrire che il cibo possiede, ecc.; se la lingua ha già le espressioni *potere* calorifico, *potere* nutritivo, ecc. Da una innovazione come quella proposta non potrebbero attendersi che nuove confusioni. См. статью Le legge del valore secondo la dottrina della utilità limite (B. Berardi). Giornale degli economisti, Sett. 1895, стр. 271.

[2]) Böhm-Bawerk. Grundzüge der Theorie des wirthchaft. Güterwerths, нап. въ Jahrbücher für National- Ökonomie und Statistik, N. F. XIII, 1886, стр. 4—5 и 478.

нятіе еще не имѣетъ значенія. Намъ важно только провести черту разграничивающую двѣ самыхъ общихъ категоріи цѣнности, которыя устанавливаются излагаемымъ ученіемъ: цѣнность субъективную и цѣнность объективную, къ области которой относится понятіе объективной мѣновой цѣнности и тѣсно связанное съ нею понятіе цѣны.

Какое же отношеніе существуетъ между этими двумя категоріями цѣнности? Онѣ существенно отличаются между собою; ихъ различіе такъ же глубоко, какъ различіе между понятіями субъекта и объекта. Поэтому соединить эти двѣ категоріи въ одномъ понятіи невозможно. Ихъ необходимо строго различать. Въ этомъ состоитъ первое основное положеніе австрійской школы. Не только понятіе цѣнности, но и теорія цѣнности должна дифференцироваться: субъективная и объективная цѣнность представляютъ двѣ самостоятельныхъ группы явленій, и каждая требуетъ самостоятельной теоріи. Для того, чтобы рѣзче провести это различіе Бемъ-Баверкъ находитъ цѣлесообразнымъ ввести даже различные термины для обозначенія субъективной и объективной цѣнности. Для первой, по его мнѣнію, можно было бы сохранить слово «цѣнность», а для второй употреблять терминъ «мѣновая сила» [1]).

Принципіальное различіе между понятіями и явленіями субъективной и объективной цѣнности не вытекаетъ изъ отсутствія связи между этими категоріями; напротивъ, связь эта такъ сильна, что объективная мѣновая цѣнность, или мѣновая сила предмета, а вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣна могутъ быть выведены только изъ понятія субъективной цѣнности. Послѣднее является самымъ общимъ и кореннымъ понятіемъ цѣнности, и никакая теорія, не могущая объяснить явленія субъективной цѣнности, не можетъ быть признана законченной, даже если бы она не заключала въ себѣ ничего противорѣчащаго истинѣ. Это второе изъ основныхъ положеній австрійской школы.

По поводу изложенныхъ воззрѣній австрійскіе экономисты уже считаютъ себя въ оппозиціи классической школѣ. Смитъ и его послѣдователи пытались построить теорію цѣнности исключительно на изслѣдованіи объективной мѣновой цѣнности, или «покупательной силы» предметовъ; субъективная же цѣнность была оставлена ими совершенно безъ разсмотрѣнія, какъ предметъ, не подлежащій из-

[1]) Тамъ же, стр. 7.

слѣдованію экономиста. Въ этомъ, по мнѣнію австрійцевъ, заключается первый и главный источникъ ошибокъ, противорѣчій и недомолвокъ, составляющихъ недостатки классической теоріи цѣнности [1]). Визеръ полагаетъ, что задача ученія о цѣнности и его мѣсто въ ряду другихъ ученій только тогда раскрылось съ полной ясностью, когда достигнута была послѣдняя стадія въ развитіи теоріи цѣнности; именно, когда «предметомъ этой теоріи была признана не цѣнность, а субъективный актъ оцѣнки» [2]).

Ближайшая задача экономистовъ, раздѣляющихъ изложенныя выше положенія, заключалась въ томъ, чтобы изслѣдовать субъективный актъ оцѣнки. На этомъ предметѣ и сосредоточилось главнымъ образомъ ихъ вниманіе.

Развитое ими ученіе примыкаетъ къ двумъ идеямъ, высказывавшимся экономистами съ давнихъ поръ. Одна изъ нихъ заключается въ томъ, что цѣнность — понятіе, основанное на сужденіи человѣка о значеніи, которое имѣетъ для него предметъ; вторая, что это сужденіе зависитъ отъ полезности предмета. Зачатки субъективной теоріи цѣнности встрѣчаются, по мнѣнію Цуккеркандла, еще у Даванцатти, въ его сочиненіи Lezzione delle Monete, вышедшемъ въ 1588 г., и затѣмъ тотъ же взглядъ высказывали многіе другіе итальянскіе и французскіе экономисты XVII и XVIII вѣковъ [3]). Мы не имѣемъ въ виду слѣдить за исторіей развитія этой идеи, но считаемъ нелишнимъ остановиться на нѣкоторыхъ новѣйшихъ представителяхъ экономической науки, пытавшихся построить теорію цѣнности на указанныхъ началахъ: общая характеристика ихъ ученій поможетъ намъ яснѣе очертить принципъ австрійской школы, безъ разъясненія котораго мы не можемъ перейти къ вопросу о стоимости производства, раздѣляющему современныхъ экономистовъ.

Какъ ни разнообразны точки зрѣнія писателей XIX-го вѣка, пытавшихся до Джевонса, Менгера и др. построить теорію цѣнности на идеѣ полезности, всѣхъ ихъ объединяетъ отрицаніе самостоя-

---

[1]) Тамъ же, стр. 2.

[2]) Wieser. Ueber den Ursprung und die Hauptgesetze des wirthsch. Werthes. 1884, стр. 85.

[3]) См. характеристику этихъ писателей въ сочиненіи Zuckerkandl'a Theorie des Preises, 1889, стр. 46 и сл.

тельнаго значенія стоимости производства, какъ опредѣлителя цѣнности и, слѣдовательно, отрицаніе необходимой связи между трудомъ, затраченнымъ на производство предмета, и его цѣнностью. Это общая этимъ теоріямъ отрицательная черта. Кромѣ того онѣ характеризуются и общей всѣмъ имъ положительной чертой: ни одна теорія, пытавшаяся раньше австрійской школы построить ученіе о цѣнности на идеѣ полезности, не обошлась безъ помощи того или другого посторонняго принципа, который фактически и служилъ базисомъ теоріи, совершенно подчиняя себѣ принципъ полезности. У Сэ такимъ постороннимъ принципомъ служитъ трудъ, потому что, по его ученію, полезность предмета лишь въ такой мѣрѣ является источникомъ цѣнности, въ какой она сообщается предмету усиліями человѣка. Признавъ полезность основаніемъ цѣнности, онъ говоритъ, что отсюда вовсе не слѣдуетъ, будто цѣнность предметовъ поднимается до уровня ихъ полезности: «она поднимается только до уровня той полезности, которая сообщается имъ человѣкомъ» [1]). Ту же мысль высказываетъ Сэ и въ письмѣ къ Рикардо, отвѣчая на его возраженіе противъ признанія полезности предметовъ основаніемъ ихъ цѣнности [2]). При такой постановкѣ вопроса утвержденіе Сэ, что полезность есть основаніе цѣнности, можетъ имѣть только тотъ смыслъ, что цѣнностью обладаютъ лишь предметы, произведенные полезнымъ трудомъ: если затрата энергіи, произведенная человѣкомъ, была цѣлесообразна и повысила пригодность блага служить человѣческимъ потребностямъ, то предметъ, возникшій въ силу этого факта будетъ обладать цѣнностью. Отсюда можно съ одинаковымъ правомъ заключить какъ то, что основаніемъ цѣнности служитъ трудъ, затраченный на производство, при условіи цѣлесообразности этого труда и вытекающей изъ него полезности предмета, такъ и то, что цѣнность основывается на полезности предмета, насколько она обусловлена человѣческимъ трудомъ. На этихъ положеніяхъ, какъ таковыхъ, нельзя построить никакихъ дальнѣйшихъ выводовъ, если не показать, какой изъ двухъ отмѣченныхъ моментовъ, полезность или трудъ, служитъ основаніемъ для соизмѣ-

---

[1]) J. B. Say. Cours complet d'Economie politique. 2 ed. 1840, стр. 82.

[2]) См. выдержки изъ письма Сэ, помѣщенныя въ собраніи писемъ Рикардо къ Мальтусу: Letters of D. Ricardo to R. T. Malthus, ed. by J. Bonar, 1887, стр. 93.

ренія цѣнностей и опредѣляетъ ихъ количественныя измѣненія. Рикардо утверждалъ, что эти функціи выполняетъ трудъ, и представилъ доказательства въ пользу своего мнѣнія. Сэ же не показалъ, какимъ образомъ можетъ функціонировать въ этой роли полезность, понимаемая въ томъ смыслѣ, какой онъ придавалъ ей. Поэтому его взглядъ на цѣнность лишенъ научнаго значенія, и никакой пользы для развитія экономической теоріи онъ не принесъ.

Другіе писатели, исходившіе отъ понятія полезности, вводили въ свои теоріи отношеніе между количествомъ оцѣниваемыхъ предметовъ и потребностью въ нихъ, и въ конечномъ итогѣ давали для объясненія явленій цѣнности не больше, чѣмъ даетъ законъ спроса и предложенія. Къ числу наиболѣе выдающихся представителей этой группы принадлежитъ Книсъ, на теоріи котораго нелишне остановиться, потому что по своей идеѣ она близко подходитъ къ ученію Джевонса и австрійскихъ экономистовъ.

Кнису принадлежитъ одна изъ первыхъ попытокъ построить систематическое ученіе о цѣнности во всемъ его объемѣ исключительно на принципѣ полезности [1]). Основная идея Книса заключалась въ слѣдующемъ.

Люди цѣнятъ предметы внѣшняго міра по стольку, по скольку они удовлетворяютъ ихъ потребностямъ, т. е. поскольку они полезны имъ. Поэтому полезность является всеобщимъ признакомъ предметовъ, обладающихъ цѣнностью; и въ ней только и можетъ заключаться основаніе цѣнности. Предметы полезны ихъ обладателямъ тѣмъ, что послѣдніе могутъ или разсчитываютъ удовлетворить своимъ потребностямъ путемъ потребленія этихъ предметовъ. Это свойство служитъ основаніемъ потребительной цѣнности; но обширная категорія благъ, обладающихъ потребительной цѣнностью, можетъ быть полезна лицамъ, владѣющимъ ими, не тѣмъ, что эти лица потребятъ ихъ, а тѣмъ, что они обмѣняютъ ихъ на другія блага, при помощи которыхъ и будутъ удовлетворены ихъ потребности. Это свойство предметовъ служить не только непосредственнымъ, но и косвеннымъ орудіемъ для удовлетворенія потребностей человѣка является основаніемъ ихъ мѣновой цѣнности. Содержаніемъ понятія

---

[1]) Knies. Die Nationalökonomische Lehre vom Werth, напеч. въ Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft. 1855.

цѣнности служитъ представленіе о степени, въ которой присущи благамъ свойства, служащія основаніемъ потребительной и мѣновой цѣнности.

Центръ теоріи Книса составляетъ положеніе, что потребительная и мѣновая цѣнность не находятся въ противорѣчіи между собою какъ утверждалъ Прудонъ. Это положеніе, какъ и главное возраженіе противъ Прудона, Книсъ заимствуетъ у Гильдебрандта [1]), развивъ и дополнивъ мысль послѣдняго собственными соображеніями.

Гильдебрандтъ, возражая Прудону, видѣвшему одно изъ противорѣчій существующаго экономическаго порядка въ томъ, что увеличеніе потребительныхъ цѣнностей сопровождается пониженіемъ ихъ мѣновой цѣнности, говоритъ, что правильно выраженная мысль Прудона такова: съ увеличеніемъ количества полезныхъ предметовъ пропорціонально возрастаетъ ихъ потребительная цѣнность, а мѣновая падаетъ. Гильдебрандтъ утверждаетъ, что первое изъ этихъ положеній невѣрно: чѣмъ сильнѣе возрастаетъ количество какого-либо полезнаго предмета, тѣмъ при равенствѣ прочихъ условій сильнѣе падаетъ потребительная цѣнность каждой единицы этого предмета. Полезность и потребительная цѣнность предмета не одно и то же: первая есть свойство присущее самому предмету, вторая—отношеніе между человѣкомъ и предметомъ. Полезность предмета зависитъ отъ его естественныхъ свойствъ, потребительная цѣнность отъ того, какъ сильна и обширна потребность, которую онъ долженъ удовлетворить и какъ велико количество, въ которомъ имѣется этотъ предметъ. Измѣненіе этихъ величинъ влечетъ за собой измѣненіе потребительной цѣнности каждой единицы предмета. Эта мысль составляетъ основу теоріи Книса. Пользуясь терминологіей Рау [2]), онъ исходитъ отъ различія между понятіями родовой цѣнности (Gattungswerth) и конкретной [3]). Первое понятіе получается слѣдующимъ образомъ. Если мы разобьемъ на группы человѣческія потребности и распо-

---

[1]) B. Hildebrandt. Die Natonalökonomie der Gegenwart und Zukunft. 1848, стр. 316—320.

[2]) См. отдѣлъ объ оцѣнкѣ имущества въ учебникѣ Рау: Lehrbuch der politischen Oekonomie, I, 1887, стр. 56 и слѣд.

[3]) Мы оставляемъ въ сторонѣ устанавливаемое Книсомъ понятіе видовой цѣнности (Specieswerth), потому что оно не имѣетъ значенія въ данномъ случаѣ и можетъ только затемнить изложеніе.

ложимъ ихъ по степени ихъ настоятельности, то у насъ составится скáла потребностей, которымъ будутъ соотвѣтствовать категоріи предметовъ, способныхъ удовлетворить ихъ сообразно природнымъ свойствамъ, дѣлающимъ эти предметы полезностями. Если мы обозначимъ степени, на которыя раздѣляется наша скáла, цифрами, то получится рядъ чиселъ, напр. 10, 9, 8 и т. д., которыя и выразятъ собою родовую цѣнность соотвѣтствующей категоріи предметовъ въ ихъ совокупности. Родовыя цѣнности предметовъ будутъ относиться другъ къ другу какъ числа скáлы, совершенно независимо отъ того, какъ велико количество предметовъ каждой категоріи. Если потребность даннаго общества въ хлѣбѣ обозначена цифрою 10, а потребность въ желѣзѣ цифрою 9, то вся совокупность хлѣба, будетъ ли его много или мало, будетъ имѣть родовую цѣнность равную 10-ти, а все имѣющееся желѣзо, каково бы ни было его количество, будетъ имѣть родовую цѣнность равную 9.

Ограничиваясь пока одной потребительной цѣнностью, мы можемъ выразить мысль Книса слѣдующимъ положеніемъ: отношеніе между отдѣльными категоріями предметовъ полезныхъ человѣку зависитъ отъ рода потребности, которую они удовлетворяютъ. Установивъ такимъ образомъ понятіе родовой цѣнности, Книсъ опредѣляетъ конкретную цѣнность, какъ долю родовой цѣнности, приходящуюся на единицу продукта. Такъ напр. если всей потребности общества въ хлѣбѣ соотвѣтствуетъ урожай въ 24,000,000 центн., то конкретная потребительная цѣнность одного фунта хлѣба будетъ равняться $\frac{1}{2,400,000,000}$; если же урожай составитъ только 10,000,000 центн., то конкретная цѣнность 1 ф. хлѣба достигнетъ $\frac{1}{1000,000,000.}$ Такимъ образомъ потребительная цѣнность отдѣльныхъ единицъ каждаго продукта опредѣляется отношеніемъ между величиной родовой цѣнности этого продукта и его количествомъ.

Гильдебрандтъ поясняетъ эту мысль слѣдующими соображеніями. «Такъ какъ потребительная цѣнность всегда есть отношеніе предмета къ человѣку, то потребительная цѣнность каждой категоріи благъ измѣряется суммой и порядкомъ человѣческихъ потребностей, которыя она удовлетворяетъ, и тамъ, гдѣ не существуетъ людей и потребностей, не существуетъ также потребительной цѣнности. Поэтому, если потребности человѣческаго общества не измѣняются, остается

безъ измѣненія и сумма потребительной цѣнности, которою обладаетъ каждая категорія благъ, и эта сумма распредѣляется между отдѣльными единицами категоріи соотвѣтственно количеству этихъ единицъ. Чѣмъ больше становится число ихъ, тѣмъ меньше доля родовой потребительной цѣнности, приходящаяся на каждую единицу; и наоборотъ, чѣмъ меньше число единицъ даннаго предмета, тѣмъ больше доля каждой единицы въ потребительной цѣнности всей категоріи. Если предположить, что сумма потребностей какого-либо народа составляетъ 100, то потребительная цѣнность каждой категоріи благъ могла бы быть выражена въ процентахъ; и если бы напр. потребительная цѣнность желѣза была принята въ 5%, то при условіи, что потребность народа въ желѣзѣ не мѣняется, каждый разъ, когда возрастало бы производство желѣза, происходило бы также иное распредѣленіе 5% потребительной цѣнности между отдѣльными количествами произведеннаго продукта. Въ то время какъ при производствѣ въ 500 центнеровъ каждый центнеръ желѣза обладалъ бы $\frac{1}{100}$ % всей потребительной цѣнности народа, при производствѣ въ 5000, 50000, 500000 и т. д. центнеровъ, потребительная цѣнность каждаго центнера понижалась бы до 0,001, 0,0001, 0,00001% и т. д. общей суммы всѣхъ потребительныхъ цѣнностей народа» [1]). При такомъ взглядѣ на потребительную цѣнность Гильдебрандтъ и Книсъ не видѣли никакого противорѣчія между потребительной и мѣновой цѣнностью. Если покупательная сила предметовъ, какъ показываетъ опытъ, вообще уменьшается, когда предложеніе возрастаетъ при томъ же спросѣ или спросъ сокращается при неизмѣнности предложенія, то подобныя измѣненія мѣновой цѣнности вполнѣ соотвѣтствуютъ измѣненіямъ потребительной цѣнности, происходящимъ при тѣхъ же условіяхъ.

Для цѣлей нашего изложенія, лишь подготовляющаго разъясненіе идеи предѣльной полезности, нѣтъ надобности болѣе подробно останавливаться на теоріи Книса и подвергать разсмотрѣнію всѣ ея положенія, противъ которыхъ можно возражать. Достаточно отмѣтить только то, что отграничиваетъ теорію Книса и Гильдебрандта отъ новѣйшаго направленія. Изложенная теорія неудовлетворительна

---

[1]) Die Natonalökonomie der Gegenwart und Zukunft, стр. 319.

уже по той причинѣ, что она не даетъ признака, по которому можно было бы отличить хозяйственныя блага, предметы являющіеся объектами хозяйственной дѣятельности человѣка, отъ свободныхъ благъ, на которыя эта дѣятельность не распространяется. Напр. потребность въ воздухѣ также сильна у человѣка, какъ и потребность въ пищѣ, и поэтому должна занять одно изъ самыхъ высокихъ мѣстъ въ скалѣ, о которой говоритъ Книсъ. Изъ этого слѣдуетъ, что воздухъ, взятый въ цѣломъ, представляетъ родовую потребительную цѣнность весьма значительной величины; слѣдов. по той же теоріи и каждое отдѣльное количество воздуха, напр. кубическій метръ его, представляетъ извѣстную долю этой родовой потребительной цѣнности; и эта доля, опредѣляющая конкретную потребительную цѣнность кубическаго метра воздуха, по ученію Книса, опредѣлитъ и его мѣновую цѣнность [1]). Желая повидимому предупредить это возраженіе, Книсъ вступаетъ въ весьма туманное разсужденіе, изъ котораго можно заключить, что онъ приписываетъ цѣнность только тѣмъ благамъ, которыя обладаютъ какъ потребительной, такъ и мѣновой цѣнностью. «Подъ цѣнностью, говоритъ онъ, вообще понимаютъ степень пригодности благъ, обозначающую ихъ полезное значеніе (Nutzeffect), какъ въ той мѣрѣ въ какой они становятся предметами потребленія или пользованія, такъ и въ той мѣрѣ, въ какой они вымѣниваются на другія блага» [2]).

Изъ этого опредѣленія неясно, должны ли блага, имѣющія цѣнность, обладать обоими признаками, указанными Книсомъ, или они могутъ обладать также и однимъ изъ нихъ; и эта неясность не устраняется дальнѣйшими объясненіями автора, несомнѣнно свидѣтельствующими о томъ, что мы имѣемъ дѣло съ слабымъ пунктомъ его теоріи.

Если предположить, что по мнѣнію Книса цѣнность связана только съ однимъ изъ признаковъ, приведенныхъ въ его опредѣле-

---

[1]) Любопытно, что другой болѣе ранній представитель той же теоріи цѣнности, Кондильякъ, пришелъ къ такому же выводу и открыто призналъ его. Считая единственнымъ основаніемъ цѣнности полезность предметовъ въ смыслѣ ихъ пригодности удовлетворять человѣческимъ потребностямъ, онъ утверждалъ, что и свободныя блага имѣютъ цѣнность, хотя и крайне незначительную вслѣдствіе того, что они существуютъ въ избыточномъ количествѣ. Le Commerce et le Gouvernement. 1776. Prem. Part. Chap. I—II. Цит. по сочиненію Zuckerkandl'a: Zur Theorie des Preises, 1889, стр. 56.

[2]) Die Nationalökonomische Lehre vom Werth, стр. 427.

ніи, то построенная имъ теорія приводитъ къ заключенію, что и тѣ блага, которыя мы называемъ свободными и которыя не служатъ объектами хозяйственной дѣятельности, обладаютъ цѣнностью. Если же признать непремѣннымъ признакомъ хозяйственныхъ благъ ихъ способность служить предметами мѣны, то мы должны придти къ заключенію, что въ изолированномъ хозяйствѣ, не участвующемъ въ мѣновомъ оборотѣ, понятіе цѣнности должно отсутствовать: между тѣми и для такого хозяйства блага внѣшней природы будутъ распадаться на двѣ большихъ категоріи: къ одной изъ нихъ будутъ отнесены предметы, съ которыми нужно будетъ хозяйничать, и эти блага будутъ имѣть цѣнность; къ другой же категоріи будутъ принадлежать такія блага, какъ воздухъ, солнечный свѣтъ, на которыя не будетъ распространяться хозяйственная дѣятельность человѣка.

Къ этому именно пункту теоріи цѣнности, касающемуся ея принципа и лежащему въ основѣ элементарныхъ понятій экономической теоріи, и примыкаетъ идея предѣльной полезности.

Вернемся къ положенію Гильдебрандта и Книса о родовой и конкретной цѣнности, ограничиваясь потребительной цѣнностью. По мнѣнію этихъ писателей, родовая потребительная цѣнность каждой категоріи предметовъ опредѣляется силою потребности, которой эта категорія удовлетворяетъ. Цѣнность каждой единицы продукта или то, что они называютъ конкретной цѣнностью, представляетъ долю родовой цѣнности, т. е. является результатомъ дѣленія величины потребности, подлежащей удовлетворенію, на число единицъ продукта, предназначеннаго для этой цѣли. Противъ этого положенія можно было бы возразить многое съ той точки зрѣнія, что понятіе величины потребности у Книса, какъ и у Гильдебрандта, остается необъясненнымъ, такъ что трудно сказать: слѣдуетъ ли понимать подъ этимъ силу, или интензивность потребности, выраженную въ числѣ, или количество предметовъ, требуемыхъ обществомъ для удовлетворенія его потребностей каждой категоріи. Въ первомъ случаѣ возникаетъ вопросъ: по какому правилу переводить въ числовую форму человѣческія потребности; во второмъ: какъ опредѣлять цѣнность предметовъ при помощи отношенія между двумя количествами ихъ. Если обществу нужны только

1000 ф. хлѣба, то выходитъ, что при урожаѣ въ 10,000 ф. цѣнность каждаго фунта опредѣлится въ $\frac{1}{10}$, но чего [1])?

На этихъ возраженіяхъ, однако, нѣтъ надобности останавливаться, потому что въ настоящее время оспаривается не построеніе теоріи, развитой Гильдебрандтомъ и Книсомъ, а ея принципъ, заключавшійся въ томъ, что цѣнность отдѣльной единицы каждаго предмета представляетъ частное, полученное путемъ дѣленія извѣстной величины, представляющей родовую цѣнность, на число единицъ предмета, имѣющихся въ наличности. Придя къ этому результату Гильдебрандтъ и Книсъ окольнымъ путемъ вернулись къ закону спроса и предложенія въ его элементарной, чисто-механической формѣ. Теорія Книса, по конечному результату ничѣмъ не выше, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и ниже ученія Лодердэля, или Маклёда, считавшихъ

---

[1]) Книсъ даетъ по этому пункту противорѣчивыя положенія. То онъ утверждаетъ что „величина потребительной цѣнности предметовъ зависитъ отъ интензивности человѣческой потребности, которую они удовлетворяютъ, и отъ интензивности, съ которой они удовлетворяютъ эту потребность (Zeitsch. für die Gesammte Staatswiss., 1855, стр. 429); то онъ говоритъ о количествѣ предметовъ, требуемыхъ даннымъ хозяйствомъ, какъ величинѣ, выражающей его потребность. „Свою родовую цѣнность для потребленія, замѣчаетъ онъ на стр. 441, получаютъ они (блага) черезъ признаки, которые характеризуютъ родъ потребности, удовлетворяемой ими, а свою конкретную цѣнность черезъ отношеніе, въ которомъ на почвѣ этого положенія (т. е. при данномъ мѣстѣ благъ соотвѣтственно скалѣ потребностей) ихъ наличная масса находится къ размѣру того количества, въ которомъ выражается потребность". Тоже самое на стр. 442. Цуккеркандль (Theorie des Preises, стр. 115) ставитъ Кнису въ заслугу то, что въ отличіе отъ Гильдебрандта онъ признаетъ родовую потребительную цѣнность измѣняющейся величиной. Такъ напр. по мнѣнію Книса можетъ наступить повышеніе или пониженіе потребительной цѣнности хлѣба въ зависимости отъ роста населенія, неурожая другихъ хлѣбныхъ растеній и т. д. Утверждая это Книсъ, очевидно, говоритъ о количествѣ предметовъ, требуемомъ для удовлетворенія данной потребности, а не о классификаціи потребностей по ихъ роду, отъ которой онъ ставитъ въ зависимость родовую потребительную цѣнность въ другихъ мѣстахъ своего сочиненія. (Напр. на той же стр. 442, на которой выражается и количественный принципъ). Противорѣчіе Книса объясняется тѣмъ, что оставаясь на точкѣ зрѣнія Гильдебрандта онъ не въ состояніи былъ бы найти основаніе для числового выраженія потребностей; выраженіе же „требуемое количество" (begehrtes Quantum) какъ будто устраняетъ это неудобство, но за то оно создаетъ другое затрудненіе, о которомъ говорится въ текстѣ. Книсъ проводитъ свою теорію между этими двумя подводными камнями, пользуясь то однимъ, то другимъ выраженіемъ для опредѣленія потребности. Конечно, это не спасаетъ его теоріи, но создаетъ противорѣчіе, проходящее черезъ всю его работу.

отношеніе между спросомъ и предложеніемъ единственнымъ и конечнымъ регуляторомъ цѣнности [1]).

Ученіе Гильдебрандта и Книса заключало, однако, въ себѣ идею, которая должна была получить дальнѣйшее развитіе; именно, что потребительная цѣнность также, какъ и мѣновая, измѣняется въ зависимости отъ отношенія, какое существуетъ между потребностью и количествомъ предмета. Шэффле выразилъ эту идею, опредѣливъ цѣнность какъ «этическую сторону блага», какъ значеніе, которое благо въ силу своей пригодности имѣетъ для экономическаго сознанія хозяйствующаго субъекта. Это было не ново и мало убѣдительно, потому что Шэффле не объяснилъ, почему значеніе блага для хозяйствующаго субъекта понижается съ возрастаніемъ количества благъ, а безъ этого объясненія его теорія, какъ и всѣ ея предшественницы, сводилась къ простому констатированію факта подъ другимъ названіемъ.

Джевонсъ, Менгеръ и другіе писатели, примкнувшіе къ нимъ, дѣлаютъ попытку объяснить указанный фактъ и построить на этомъ объясненіи не только теорію цѣнности и цѣны, но и всю систему теоретической экономіи.

Съ ихъ точки зрѣнія, Гильдебрандтъ и Книсъ совершенно вѣрно замѣтили, что потребительная цѣнность предмета не то же самое, что его пригодность служить удовлетворенію человѣческихъ потребностей; вѣрно также и то, что она представляетъ величину измѣняющуюся независимо отъ естественныхъ свойствъ предмета; но безусловно невѣрно опредѣлять цѣнность отдѣльныхъ единицъ какого-либо блага, какъ долю родовой цѣнности цѣлаго.

Предметъ, удовлетворяющій какой либо человѣческой потребности или нѣсколькимъ потребностямъ, представляетъ благо, потому что онъ обладаетъ полезностью, сообщаемой ему въ большей или меньшей степени характеромъ потребности, которую онъ удовлетворяетъ; но полезность цѣлаго не служитъ основаніемъ цѣнности: она одинаково присуща какъ хозяйственнымъ, такъ и свободнымъ благамъ. Признакъ, отличающій первыя отъ послѣднихъ, заключается въ томъ, что только

---

[1]) См. An Inquiry into the Nature and Origin of Public Wealth etc. By the earl of Landerdale, 1804, стр. 11, и The Elements of Political Economy by H. D. Macleod, 1858, стр. 124.

въ хозяйственныхъ благахъ отдѣльныя единицы обладаютъ цѣнностью; и основаніемъ ея служитъ полезность, но не та доля полезности цѣлаго, которая пришлась бы на каждую единицу при раздѣлѣ всей суммы полезности на число единицъ блага, если бы даже такой раздѣлъ былъ возможенъ, а такъ называемая предѣльная полезность. Опредѣленіе этого понятія составляетъ основное начало теоріи цѣнности Джевонса и австрійскихъ экономистовъ.

Каждая отдѣльная единица какого-либо блага, даже не отличаясь по своимъ естественнымъ свойствамъ отъ другихъ единицъ и удовлетворяя потребности одной и той же категоріи, тѣмъ не менѣе можетъ представлять весьма различныя полезности въ зависимости отъ количества, въ которомъ такія единицы имѣются. Такъ, напр., если бы я обладалъ 1 фунтомъ хлѣба и не могъ разсчитывать на увеличеніе своего запаса пищи въ теченіе такого времени, въ какое я имѣлъ бы возможность поддерживать свою жизнь однимъ фунтомъ хлѣба, то при такихъ условіяхъ это количество хлѣба было бы предназначено удовлетворить настоятельнѣйшую мою потребность; его утрата была бы для меня равносильна лишенію жизни, и полезность, которой онъ обладалъ бы съ моей точки зрѣнія, опредѣлялась бы высшей мѣрой, какой вообще способна достигать полезность какого-нибудь предмета. Въ силу настоятельности той потребности, которой долженъ былъ бы удовлетворить упомянутый фунтъ хлѣба, я перенесъ бы на него очень высокій интересъ, который выразился бы въ особенно внимательной организаціи потребленія. Я примѣнилъ бы къ хлѣбу съ возможной строгостью хозяйственный принципъ,—смотрѣлъ бы на него какъ на хозяйственное благо и цѣнилъ бы его также высоко, какъ свою жизнь. Полезность хлѣба была бы основаніемъ его цѣнности и опредѣляла бы величину послѣдней. Положеніе нѣсколько измѣнилось бы, если бы на тотъ же періодъ времени я обладалъ 2 фунтами хлѣба. Второй фунтъ уже не былъ бы безусловно необходимъ для поддержанія моей жизни, хотя онъ былъ бы мнѣ нуженъ для подкрѣпленія моихъ силъ. Если бы я лишился его, я испыталъ бы упадокъ энергіи, пониженіе рабочей способности, но не умеръ бы съ голода. Второй фунтъ хлѣба, обладая тѣми же питательными свойствами, какъ и первый и удовлетворяя той же потребности въ пищѣ, представлялъ бы тѣмъ не менѣе для меня меньшую полезность; я переносилъ бы на него меньшій интересъ

и поэтому меньше цѣнилъ бы его: цѣнность его была бы меньше, чѣмъ цѣнность того фунта хлѣба, который раньше одинъ составлялъ весь мой запасъ пищи. Было бы, однако, неправильно предполагать, будто обладая двумя фунтами хлѣба я цѣнилъ бы одинъ изъ нихъ выше другого. Вслѣдствіе ихъ одинаковой пригодности служить удовлетворенію моей потребности въ пищѣ, я относился бы къ нимъ совершенно одинаково: какой бы изъ нихъ я ни утратилъ, № 1 или № 2, я лишился бы возможности удовлетворить только менѣе настоятельную потребность въ поддержаніи силъ, но съ помощью оставшагося фунта могъ бы поддержать свою жизнь. Слѣдов., обладая двумя фунтами хлѣба, я оцѣнивалъ бы каждый изъ нихъ съ точки зрѣнія наименѣе важной потребности, которой я могъ бы удовлетворить съ помощью того или другого фунта. Эта наименѣе важная потребность опредѣляла бы то, что Джевонсъ называетъ «предѣльной степенью полезности» (final degree of utility), а австрійскіе экономисты — «предѣльной полезностью» (Grenznutzen). Предѣльная полезность даннаго количества единицъ какого-нибудь блага служитъ основаніемъ для оцѣнки всѣхъ наличныхъ его единицъ: предѣльная полезность опредѣляетъ цѣнность.

Продолживъ нашъ примѣръ, мы придемъ при помощи того же разсужденія къ выводу, что съ дальнѣйшимъ увеличеніемъ фунтовъ хлѣба будетъ падать ихъ предѣльная полезность и вмѣстѣ съ ней и цѣнность, пока наконецъ не наступитъ такой моментъ, когда дальнѣйшее увеличеніе хлѣба будетъ безполезно и даже обременительно, потому что самая ничтожная доля потребности въ немъ окажется уже удовлетворенной. Если бы для какого-нибудь хозяйства, которое, какъ и во всемъ этомъ разсужденіи, мыслится изолированнымъ, наступило такое положеніе, при которомъ вслѣдствіе изобилія хлѣба оно могло бы безъ страха за свое питаніе въ настоящемъ и по крайней мѣрѣ въ непосредственномъ будущемъ равнодушно смотрѣть на утрату болѣе или менѣе значительныхъ количествъ хлѣба,—предѣльная полезность послѣдняго была бы равна нулю; и хлѣбъ до тѣхъ поръ, пока продолжалось бы такое положеніе, былъ бы въ условіяхъ свободнаго блага, не имѣющаго цѣнности. Таково напр. отношеніе къ водѣ со стороны человѣка, живущаго у потока, изъ котораго онъ въ любое время можетъ получить столько воды, сколько ему нужно для удовлетворенія всѣхъ его потребностей, начиная отъ

самой важной потребности его организма въ питьѣ и кончая наименѣе существенной, напр. устройствомъ фонтановъ въ саду. Этотъ человѣкъ можетъ относиться совершенно равнодушно къ тому, что потокъ каждую минуту уноситъ мимо него тысячи бочекъ воды, которыми онъ не пользуется: лишаясь ихъ, онъ тѣмъ не менѣе не лишается возможности удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ въ водѣ; поэтому предѣльная полезность воды равняется для него нулю, и вода, не представляя цѣнности, не служитъ и хозяйственнымъ благомъ. Другое дѣло, если бы тотъ же человѣкъ, черпая воду изъ колодца, могъ бы получать ежедневно лишь столько ведеръ, сколько ему необходимо для удовлетворенія всѣхъ его потребностей; въ такомъ случаѣ утрата одного ведра воды уже лишала бы его возможности удовлетворить какой-нибудь потребности. Конечно, онъ предпочелъ бы въ такомъ случаѣ отказаться отъ удовлетворенія наименѣе важной изъ нихъ; и эта наименѣе важная потребность, отъ удовлетворенія которой пришлось бы отказаться при утратѣ ведра воды, опредѣляла бы предѣльную полезность послѣдней и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣнность всѣхъ имѣющихся ведеръ воды [1]).

---

[1]) Теорія предѣльной полезности, основная идея которой изложена въ текстѣ, имѣетъ теперь обширную литературу. Главными сочиненіями, въ которыхъ излагаются ея принципы, являются слѣдующія: *W. Stanley Jevons.* The Theory of Political Economy, 3 ed., 1888; *C. Menger.* Grundsätze der Volkswirthschaftslehre, 1872; *F. von Wieser.* Ueber den Ursprung und die Gesetze des wirthschaftlichen Werthes, 1884; его же: Der Natürliche Werth, 1889; *E. v. Böhm—Bawerk:* Positive Theorie des Kapitales, 1889, 3-я кн., отд. 1 и 2; его же: Grundzüge der Theorie des wirthschaftlichen Güterwerths (въ Jahrb. für Nationalökon. u. Stat., N. F. XIII, 1886); его же статья въ американскомъ журналѣ Annals of the American Academy of Political and Social Science, vol. V, № 2, Sept. 1894; та же статья въ журналѣ Zeitschrift für Volkswirthschaft, Socialpolitik und Verwaltung, III Bd. II Heft, 1894; его же статья „Цѣнность" въ Handw. der Staatswiss., появившаяся въ нѣсколько сокращеномъ видѣ въ Revue d'Economie Politique, Juin 1894; *R. Zuckerkandl:* Zur Theorie des Preises, 1889; W. *Smart*: предисловіе къ англ. переводу сочиненія Визера „Natural Value", 1893; его же: An Introduction to the Theory of Value on the lines of Menger, Wieser and Böhm-Bawerk, 1891; наконецъ, нельзя не упомянуть о прекрасной статьѣ Д. Бонара (J. Bonar): The Ausrian Economists and their view on Value, въ The Quarterly Journal of Economics, vol. 3, oct. 1888. Кромѣ перечисленныхъ сочиненій, въ американскихъ и европейскихъ журналахъ, особенно во второй половинѣ 80-хъ и первой половинѣ 90-хъ гг., появились многочисленныя статьи большею частью полемическаго характера, касающіяся отдѣльныхъ принциповъ австрійской школы. На нихъ сдѣланы будутъ ссылки, по мѣрѣ надобности, въ дальнѣйшемъ изложеніи. Въ русской литературѣ укажемъ ст. г. Тугана-Барановскаго въ октябр. выпускѣ Юрид. Вѣсти. за 1890 г. и книгу г. Залѣсскаго: „Ученіе о происхожденіи прибыли на капиталъ". Отд. I, гл. 4.

Въ послѣднемъ примѣрѣ вода, взятая въ цѣломъ, обладаетъ высокой полезностью, въ чемъ легко убѣдиться, если представить себѣ, что потокъ, изъ котораго предположенный нами человѣкъ черпалъ воду, высохъ бы и что въ округѣ не оказалось бы никакого другого источника воды; но полезность воды, взятой въ цѣломъ, какъ она ни велика, все-таки не служила бы основаніемъ цѣнности. Послѣдняя можетъ возникнуть лишь тогда, когда рѣчь идетъ о конкретномъ количествѣ даннаго предмета по отношенію къ данной конкретной потребности и когда оказывается, что наличное количество предмета таково, что утрата каждой его единицы влечетъ за собой неудовлетвореніе извѣстной доли потребности, которой онъ по своимъ естественнымъ свойствамъ можетъ удовлетворить.

Такова идея субъективной теоріи, развитой въ трудахъ экономистовъ австрійской школы. Эта идея дала возможность вывести теорію цѣнности, основанную на принципѣ полезности, изъ противорѣчій, съ которыми не въ состояніи были совладать Гильдебрандтъ и Книсъ. Насколько сама она состоятельна, мы разсматривать здѣсь не будемъ, потому что все изложенное выше имѣетъ цѣлью только служить ступенью для разъясненія точки зрѣнія австрійскихъ экономистовъ по вопросу о стоимости производства и въ частности труда, какъ основанія и опредѣлителя цѣнности, и для оцѣнки возраженій, выдвинутыхъ ими по этому вопросу противъ ученія классической школы.

Замѣтимъ, кстати, что основная идея Джевонса, Менгера и ихъ сторонниковъ до сихъ поръ не подвергалась обстоятельной критикѣ. Лучшее, что было высказано по этому предмету, сколько мнѣ извѣстно, принадлежитъ Бонару, критическія замѣчанія котораго въ указанной выше статьѣ въ Quarterly Journal of Economics показываютъ, что принципъ предѣльной полезности во всякомъ случаѣ даетъ точки опоры для серьезныхъ замѣчаній критическаго характера [1]).

[1]) Приводимъ вкратцѣ нѣкоторыя замѣчанія Бонара. По его мнѣнію, разсужденіе австрійскихъ экономистовъ объ отношеніи между потребностями и субъектомъ потребностей, съ одной стороны, и средствами удовлетворенія послѣднихъ, съ другой, слишкомъ легко превращаютъ экономическое разсужденіе въ психологическое. Даже Бемъ-Баверкъ, считающій, что легко провести демаркаціонную линію между этими областями, на практикѣ не свободенъ отъ смѣшенія психологіи съ экономикой. Утилитарная психологія и этика окрашиваютъ всю его теорію, какъ они окрасили теорію Дже-

Для насъ въ настоящемъ случаѣ не имѣетъ значенія критическая оцѣнка идеи предѣльной полезности, потому что даже при предположеніи полной справедливости этой идеи, какъ принципа

вонса, такъ что самую возможность доктрины предѣльной полезности онъ ставитъ въ зависимость отъ соизмѣримости страданій и наслажденій. По мнѣнію Бонара, общія заключенія австрійскихъ теоретиковъ не вносятъ революціи въ экономическую доктрину, такъ что услуга, оказанная экономической наукѣ Джевонсомъ и австрійцами, повидимому сводится къ болѣе ясному опредѣленію понятія „субъективной цѣнности". „Предѣльная полезность, замѣчаетъ Бонаръ, скорѣе опредѣленіе цѣнности, чѣмъ объясненіе ея причинъ; повидимому, очарованіе новаго термина (который самъ требуетъ объясненія) привелъ ихъ (Джевонса и австрійцевъ) къ преувеличенію его достоинствъ въ ущербъ болѣе жизненныхъ частей ихъ собственной доктрины". Бонаръ полагаетъ, что главная заслуга школы Джевонса и Менгера заключается въ доказательствѣ того, что причины субъективной цѣнности являются причинами вообще всякой цѣнности, какъ потребительной, такъ и мѣновой. (Quart. Jour. of Economics, vol. III, 1889, стр. 24—27). Послѣднее замѣчаніе Бонара мы неможемъ раздѣлить по соображеніямъ, изложеннымъ въ текстѣ. Кромѣ статьи Бонара отмѣтимъ еще слѣдующія работы, представляющія болѣе или менѣе серьезную критику основныхъ положеній австрійской школы. Прежде всего слѣдуетъ указать статьи Дитцеля въ Jahrb. für Nat. Oekon. u. Statistik. за 1890 г. (N. F. XX): Die Klassische Wertheorie und die Theorie von Grenznutzen и за 1891 (III F. I): Zur klassischen Werth—und Preistheorie. Объ этихъ статьяхъ и вызванной ими полемикѣ намъ придется говорить особо; точно также и о статьяхъ Маквэна (S. M. Macvane): Böhm—Bawerk on Value and Wages въ Quart. Journal of Economics за 1890—91 г. и Austrian theory of Value въ Annals of the American Academy of Polit. and Social Science (Sept. 1894) и полемикѣ этого экономиста съ Визеромъ. Укажемъ еще упоминавшуюся выше критическую статью Берарди въ Giornale degli economisti, sett. и слѣд., 1895: La legge del Valore secondo la dottrina della utilità limite, въ которой авторъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: „Теорія предѣльной полезности ничто иное какъ теорія спроса и предложенія; съ той разницей, что желая казаться чѣмъ то новымъ она употребляетъ болѣе долгое время, чтобы придти туда, куда непосредственно приходитъ теорія спроса и предложенія". Это заключеніе, не обнаруживающее у автора умѣнія различать теоретическія тонкости, характеризуетъ всю статью и лишаетъ значенія даже тѣ замѣчанія, въ которыхъ заключается доля справедливости. Весьма любопытны замѣчанія Визера по этому же предмету. См. его сочиненіе: Ueber den Ursprung und die Hauptgesetze des wirthschaftlichen Werthes, 1884, стр. 180 и слѣд.

Бургенъ (Bourguin), авторъ статей De la mesure de la valeur, печатавшихся въ Revue d'Economie politique въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ 1895 г. (мартъ и слѣд.) указываетъ на необоснованность положенія Вальраса и Джевонса относительно возможности точно измѣрять интензивность потребностей и предѣльную полезность предметовъ. (Mars, стр. 231).

Замѣтимъ здѣсь же, что попытка Визера построить всю систему теоретической экономіи на принципѣ предѣльной полезности также не подверглась до сихъ поръ обстоятельной критикѣ; между тѣмъ научная оцѣнка доктринъ, приводимыхъ въ книгѣ Der Natürliche Werth, настоятельно необходима.

субъективной цѣнности, попытка австрійской школы объяснить съ точки зрѣнія этого принципа явленія объективной мѣновой цѣнности и цѣны и связанный съ ними вопросъ о значеніи, которое имѣетъ стоимость производства, должна быть признана несостоятельной.

Мы говорили до сихъ поръ о субъективной оцѣнкѣ благъ, имѣя въ виду только ихъ потребительную цѣнность и предполагая, что оцѣнивающій субъектъ имѣетъ дѣло съ готовыми предметами; вопросъ объ ихъ производствѣ совершенно не возбуждался: блага, возникающія при непремѣнномъ условіи затраты человѣческаго труда, разсматривались наравнѣ съ предметами, доставляемыми природой въ готовомъ видѣ. Это условіе остается въ силѣ и при дальнѣйшемъ изложеніи ученія австрійской школы въ настоящей главѣ; но теперь предстоитъ изложить въ основныхъ чертахъ ученіе теоретиковъ предѣльной цѣнности объ объективной мѣновой цѣнности и цѣнѣ. Хотя эти два понятія, какъ было уже указано выше, не тождественны, тѣмъ не менѣе законы, которыми они опредѣляются, одни и тѣ же, потому что цѣна предмета въ обмѣнѣ тѣмъ выше или ниже, чѣмъ больше или меньше его покупательная сила.

Кромѣ условія, указаннаго выше, именно, что блага разсматриваются внѣ отношенія къ производству, здѣсь предполагается еще, что субъекты, участвующіе въ мѣнѣ, или вѣрнѣе въ куплѣ-продажѣ, руководствуются исключительно интересомъ выгоды, опредѣляющимъ слѣдующія три правила для ихъ дѣйствій: 1) вообще вступать въ обмѣнъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда мѣна приноситъ выгоду; 2) предпочитать бо́льшую выгоду, проистекающую отъ мѣны передъ мéньшей и 3) скорѣе произвести мѣну съ меньшей выгодой, чѣмъ вовсе не произвести ея [1]). Но что значитъ получить выгоду при мѣнѣ? По словамъ Бемъ-Баверка, это значитъ слѣдующее: лицо, обладающее извѣстнымъ предметомъ, производитъ ему субъективную оцѣнку, и, если оно имѣетъ въ виду обмѣнять этотъ предметъ на другой, то оно сдѣлаетъ это лишь въ томъ случаѣ, если предметъ, который это лицо разсчитываетъ получить въ результатѣ мѣнового акта, имѣетъ въ его глазахъ болѣе высокую субъективную цѣнность, чѣмъ то, что отдается за него. Если человѣкъ обмѣниваетъ лошадь на

[1]) Böhm-Bawerk. Grundzüge etc., стр. 489.

корову, это значитъ, что субъективная цѣнность лошади для него меньше, чѣмъ субъективная цѣнность коровы. Поэтому Бемъ-Баверкъ рѣшительно отвергаетъ ученіе о томъ, что при обмѣнѣ отдаются другъ за друга эквиваленты. Если понимать слово «цѣнность» въ субъективномъ смыслѣ, говоритъ онъ, то эквивалентность между благами отдаваемымъ и получаемымъ при обмѣнѣ, не только не необходима, но даже невозможна; ибо никто не вступитъ въ обмѣнъ, если послѣдній не приноситъ никакой выгоды, а онъ дѣйствительно не приноситъ никакой выгоды, когда предметъ, отдаваемый въ обмѣнъ, имѣетъ для насъ какъ разъ такую же цѣнность, какъ тотъ, который получается при мѣнѣ [1]).

Если отъ мѣны мы перейдемъ къ куплѣ-продажѣ, то въ наше разсужденіе долженъ войти новый элементъ—деньги. При этомъ новомъ условіи лицо, желающее получить за предметъ, которымъ оно обладаетъ, нѣчто находящееся въ обладаніи другихъ, должно сначала произвести актъ продажи имѣющагося у него предмета, т. е. обмѣнять его на деньги. Продавецъ долженъ произвести субъективную оцѣнку предмета, который онъ хочетъ продать, и денегъ, какъ блага, которое онъ желаетъ получить за него. Затѣмъ ему придется рѣшить, какая сумма денегъ представляетъ для него такую же цѣнность, какъ и продаваемый имъ предметъ. Рѣшеніе этого вопроса установитъ минимальную цѣну, при которой онъ согласится обмѣнять свой предметъ на деньги. Если описаннымъ психологическимъ процессомъ будетъ установлено, что продавецъ цѣнитъ лошадь столько же, сколько 50 р., то согласно предположеннымъ выше правиламъ, регулирующимъ дѣйствія сторонъ, вступающихъ между собою въ мѣновыя отношенія, онъ рѣшитъ, что для него будетъ выгодно продать лошадь за всякую цѣну, превышающую 50 р., но онъ не согласится отдать ее за эту цѣну и тѣмъ менѣе за цѣну ниже указанной.

Выйдя на рынокъ съ такимъ готовымъ рѣшеніемъ, продавецъ встрѣтитъ съ другой стороны готовое рѣшеніе покупателя, т. е. того, кто обладая деньгами, имѣетъ желаніе отдать ихъ за лошадь. Покупатель, основываясь на субъективной оцѣнкѣ денегъ и лошади, при помощи психологическаго процесса, аналогичнаго тому,

---

[1]) Тамъ же, стр. 490.

который совершился у продавца, установить максимальную цѣну, которую онъ дастъ за лошадь. Предположимъ, что эта цѣна—40 р.

Если бы продавецъ и покупатель остановились на предположенныхъ выше цѣнахъ, сдѣлка между ними не могла бы состояться, потому что одинъ считалъ бы для себя невыгоднымъ продать дешевле 50 руб., а другой нашелъ бы убыточной всякую цѣну выше 40 р. Купля-продажа могла бы состояться лишь въ томъ случаѣ, если бы покупатель назначилъ себѣ предѣльную цѣну выше 50 р., напр., въ 60 р. При этомъ условіи фактически рыночная цѣна установилась бы въ предѣлахъ между этими двумя величинами; но на какомъ именно пунктѣ, это зависѣло бы отъ разнообразнѣйшихъ причинъ, опредѣлить которыя теоретическимъ изслѣдованіемъ невозможно.

Изъ приведеннаго примѣра видно, что субъективная оцѣнка, основанная на законѣ «предѣльной полезности», служитъ основаніемъ опредѣляющимъ «предѣльныя цѣны», въ границахъ которыхъ устанавливаются рыночныя цѣны. Законъ субъективной цѣнности опредѣляетъ также объективную цѣнность и цѣну, т. е. покупательную силу предмета и количество каждаго изъ другихъ предметовъ, которое можетъ быть получено въ обмѣнъ за него. Таковъ основной законъ образованія цѣнъ, проявленіе котораго въ дѣйствительности осложняется разнообразнѣйшими причинами.

Ученіе австрійскихъ теоретиковъ объ объективной мѣновой цѣнности и цѣнѣ, представлено выше въ простѣйшемъ видѣ, именно, при предположеніи, что на рынкѣ встрѣчаются только одинъ покупатель съ однимъ продавцемъ. Постепенно осложняя предполагаемыя условія, австрійскіе экономисты выводятъ законъ образованія цѣнъ при соперничествѣ ряда покупателей и продавцевъ. Для цѣлей нашего изложенія нѣтъ необходимости останавливаться на ходѣ этого разсужденія. Оно приводитъ теоретиковъ австрійской школы къ признанію принциповъ того именно закона, который выше формулированъ, какъ выводъ изъ анализа простѣйшаго случая и, такъ какъ наши возраженія направлены противъ принциповъ изложеннаго закона, то мы считаемъ излишнимъ останавливаться на подробномъ развитіи идей, лежащихъ въ его основѣ. Для интересующихся этимъ вопросомъ въ примѣчаніи представлено краткое изложеніе разсужденій Бемъ-Баверка и др.

по этому предмету [1]). Здѣсь же мы можемъ ограничиться сказаннымъ, чтобы перейти къ разсмотрѣнію основъ изложеннаго ученія.

Согласно тому, что было высказано раньше, мы не возражаемъ противъ закона субъективной оцѣнки на основаніи предѣльной полезности, хотя отнюдь не считаемъ его неуязвимымъ. Мы предполагаемъ, что принципъ этого закона вѣренъ и ставимъ вопросъ: можетъ ли

---

[1]) Предположимъ, что на рынкѣ имѣется одинъ продавецъ лошади, опредѣлившій для себя ея предѣльную цѣну по закону субъективной оцѣнки самой лошади и денегъ, которыя онъ хочетъ получить за нее, въ 100 руб.; но въ отличіе отъ простѣйшаго случая, о которомъ говорится въ текстѣ, на рынкѣ не одинъ, а два покупателя: A_1 остановился на предѣльной цѣнѣ въ 300 р., а A_2—въ 200 р. Оба покупателя не могутъ купить одну лошадь; слѣдовательно между ними начнется соперничество, которое при нормальныхъ условіяхъ должно окончиться побѣдой A_1 какъ сильнѣйшаго покупателя. На какомъ, однако, пунктѣ установится продажная цѣна лошади, или вѣрнѣе, въ какихъ предѣлахъ будетъ лежать этотъ пунктъ? Если бы A_1 предложилъ меньше 200 р. за лошадь, A_2 могъ бы продолжать съ нимъ борьбу; поэтому онъ долженъ предложить во всякомъ случаѣ болѣе 200 р., но онъ сочтетъ для себя невыгоднымъ дать больше 300 р.; слѣдовательно, между этими двумя цифрами установится рыночная цѣна. Если будетъ не два покупателя, а больше, вопросъ рѣшится по тому же правилу. Предположимъ напр., что на рынкѣ пять покупателей, желающихъ пріобрѣсти лошадь: A_1 установилъ для себя ея предѣльную цѣну въ 300 р., A_2—въ 280 р., A_3—въ 250 р., A_4—въ 220 р. и A_5—въ 200 р. При этихъ условіяхъ лошадь опять достанется сильнѣйшему, но предѣлами для рыночной цѣны будутъ субъективныя оцѣнки покупателя A_1 и оцѣнка слѣдующаго покупателя A_2, котораго первый долженъ устранить съ рынка, чтобы купить лошадь: такимъ образомъ, цѣна установится между 300 р. и 280 р.

Предположимъ обратный случай: на рынкѣ одинъ покупатель A_1, для котораго предѣльная цѣна лошади 300 р., но рядъ, напр. 5, продавцевъ лошадей, качества которыхъ предполагаются одинаковыми. Предположимъ, что предѣльныя цѣны продавцевъ такія: для B_1—100 р., B_2—120 р., B_3—150 р., B_4—200 р. и B_5—250 р. Конечно, каждый продавецъ желалъ бы сбыть свою лошадь и притомъ возможно выгоднѣе; и само-собой разумѣется, что наибольшіе шансы на это имѣетъ тотъ продавецъ, который цѣнитъ свою лошадь всего ниже, т. е. B_1. Если бы онъ предложилъ ее за 100 р., то всѣ другіе продавцы должны были бы отступить, потому что они сочли бы невыгоднымъ продать своихъ лошадей за такую цѣну, которая была бы ниже ихъ предѣльныхъ цѣнъ. Покупателю B_1 нѣтъ, однако, надобности непремѣнно отдавать свою лошадь за 100 р.: онъ могъ бы, пользуясь условіями торга, повышать цѣну до предѣла въ 120 р., но не выше его, потому что при болѣе высокой цѣнѣ B_2 уже могъ бы выступить его соперникомъ. Поэтому рыночная цѣна установилась бы между 100 р. и 120 р.

Наконецъ, разсмотримъ самый сложный случай, когда рядъ продавцовъ предметовъ одного и того же рода и качества встрѣчается на рынкѣ съ рядомъ покупателей тѣхъ же предметовъ. Расположимъ продавцовъ и покупателей съ предѣльными цѣнами

экономистъ, даже становясь на почву этого закона, удовлетвориться вышеизложеннымъ ученіемъ объ образованіи цѣнъ?

Формулируя конечный результатъ своего изслѣдованія по вопросу о цѣнѣ, Бемъ-Баверкъ говоритъ, что «цѣна отъ начала до кон-

---

лошади, которыя установлены ими на основаніи субъективныхъ оцѣнокъ, въ слѣдующей таблицѣ:

Покупатели:		Продавцы:	
A_1 установилъ предѣльную цѣну лошади въ	300 р.	B_1 установилъ предѣльную цѣну лошади въ	100 р.
A_2	280 „	B_2	110 „
A_3	260 „	B_3	150 „
A_4	240 „	B_4	170 „
A_5	220 „	B_5	200 „
A_6	210 „	B_6	215 „
A_7	200 „	B_7	250 „
A_8	180 „	B_8	260 „
A_9	170 „		
A_{10}	160 „		

Въ какихъ предѣлахъ при этихъ условіяхъ установится рыночная цѣна лошадей? На 10 покупателей имѣется только 8 лошадей, слѣдовательно не всѣ могутъ пріобрѣсти по лошади. Хотя даже самый слабый покупатель A_{10} могъ бы, если бы не имѣлъ конкурентовъ, совершить сдѣлку купли-продажи съ продавцами B_1 и B_2, которые цѣнятъ своихъ лошадей ниже его, однако, при данныхъ условіяхъ, цѣна лошадей установится въ такихъ границахъ, при которыхъ съ обѣихъ сторонъ отпадутъ слабѣйшіе элементы и спросъ сравняется съ предложеніемъ. Предположимъ, что торгъ начнется съ 130 р. По этой цѣнѣ всѣ покупатели могли бы купить лошадь, но изъ продавцовъ только двое, B_1 и B_2, нашли бы выгоднымъ продать своихъ лошадей; слѣдовательно на 10 платеже-способныхъ покупателей пришлось бы только 2 лошади. Очевидно, при такомъ положеніи соперничество между покупателями не прекратилось бы, и цѣна продолжала бы расти. Предположимъ, она достигла бы 185 р. Изъ покупателей только первые 7 могли бы дать такую цѣну, но только 4 продавца (B_1, B_2, B_3 и B_4) могли бы продать своихъ лошадей съ выгодой за эту цѣну. Поэтому цѣна въ 185 р. не была бы той, при которой спросъ сравнялся бы съ предложеніемъ. При цѣнѣ, напр., въ 205 р. на рынкѣ осталось бы 6 покупателей и 5 продавцовъ. Наконецъ, если бы цѣна превысила 210 р. и достигла, напр., 212 р., то отступилъ бы 6-й покупатель, и на рынкѣ было бы 5 покупателей, изъ которыхъ самый слабый согласился бы дать за лошадь не болѣе 220 р., и 5 продавцовъ, изъ которыхъ наименѣе сильный въ конкурентной борьбѣ согласился бы продать не дешевле 200 р. Между этими предѣлами въ 200 и 220 р. и установилась бы рыночная цѣна. (См. Böhm-Bawerk: Grundzüge etc., стр. 192 и слѣд.).

Такова теорія образованія цѣнъ, по ученію Бемъ-Баверка и др. При всѣхъ изложенныхъ комбинаціяхъ предѣлы установленія рыночныхъ цѣнъ опредѣляются предѣльными цѣнами, которыя основываются на субъективной оцѣнкѣ; т. е. конечнымъ закономъ образованія цѣнъ служитъ законъ предѣльной полезности.

ца представляетъ продуктъ субъективныхъ оцѣнокъ». Ее можно назвать «равнодѣйствующей встрѣчающихся на рынкѣ субъективныхъ оцѣнокъ товара и предмета, въ которомъ выражается цѣна (Preisgut)» [1]). Исходя отъ этого взгляда, основаннаго на ученіи Менгера и принятаго Визеромъ, мы должны заключить, что цѣна продуктовъ, разсматриваемая независимо отъ условій ихъ производства, опредѣляется субъективными оцѣнками двухъ категорій: во-первыхъ, оцѣнкой самого предмета, служащаго объектомъ купли — продажи; во-вторыхъ оцѣнкой денегъ, потому что онѣ представляютъ то хозяйственное благо, въ которомъ выражаются цѣны всѣхъ товаровъ. Для того, чтобы продавецъ и покупатель выступили на рынокъ съ опредѣленнымъ рѣшеніемъ продать товаръ не дешевле такой-то цѣны или купить его не дороже такой-то суммы, необходимо, чтобы у нихъ предварительно установился взглядъ на субъективную цѣнность и товара, и денегъ: они должны рѣшить какая сумма денегъ имѣетъ въ ихъ глазахъ такую же субъективную цѣнность, какъ и данный товаръ [2]). Какимъ образомъ совершается субъективная оцѣнка товара, мы знаемъ: субъектъ оцѣниваетъ его по закону предѣльной полезности, т. е. въ концѣ концовъ соотвѣтственно интересу, который онъ переноситъ на данный предметъ, исходя отъ значенія потребности, удовлетворяемой имъ. Но какъ производится субъективная оцѣнка денегъ? Чѣмъ опредѣляется ихъ предѣльная полезность?

На вопросъ объ оцѣнкѣ денегъ, имѣющей столь существенное значеніе въ изложенномъ выше ученіи о цѣнѣ, даетъ обстоятельный отвѣтъ только одинъ Визеръ. Исходя отъ теоріи субъективной оцѣн-

---

[1]) Grundzüge etc., стр. 503.

[2]) Визеръ излагая законъ образованія цѣнъ, развитый Менгеромъ и Бемъ-Баверкомъ, замѣчаетъ: „но при цѣнѣ на ряду съ потребностью имѣетъ рѣшающее значеніе еще одно обстоятельство, отсутствующее при цѣнности, именно оцѣнка денегъ со стороны покупателей, въ связи съ ихъ богатствомъ и доходами". Der Natürliche Werth, стр. 41. Значеніе субъективной оцѣнки денегъ при образованіи цѣнъ еще сильнѣе отмѣчаетъ Бемъ-Баверкъ. Говоря объ условіяхъ, опредѣляющихъ субъективныя оцѣнки продавцовъ и покупателей, онъ замѣчаетъ, что напр. высокая оцѣнка со стороны покупателя можетъ явиться результатомъ двухъ причинъ: съ одной стороны—высокой субъективной оцѣнки товара, а съ другой низкой субъективной оцѣнки денегъ. Grundzüge etc., стр. 511.

ки благъ, онъ высказываетъ по этому предмету слѣдующія положенія.

Деньги всегда оцѣниваются ихъ обладателями по ихъ мѣновой цѣнности. Онѣ полезны тѣмъ, что ихъ расходуютъ на пріобрѣтеніе благъ, обѣщающихъ удовлетвореніе потребностей, которыя иначе остались бы неудовлетворенными. «Мѣновая цѣнность денегъ это антиципированная потребительная цѣнность благъ, которыя можно пріобрѣсти за деньги [1])». Изъ этого опредѣленія естественно вытекаетъ вопросъ: отъ чего же зависитъ родъ, количество и качество предметовъ, которые можно пріобрѣсти за данную сумму денегъ? Безъ разъясненія этого вопроса приведенное опредѣленіе не имѣетъ никакого значенія, потому что мѣновая цѣнность денегъ не болѣе какъ отраженная потребительная цѣнность предметовъ, которые можно получить за нихъ.

Визеръ разъясняетъ этотъ вопросъ, указывая рядъ условій, имѣющихъ опредѣляющее вліяніе на цѣнность денегъ. Эти условія слѣдующія: величина денежной суммы, находящейся въ обладаніи субъекта; родъ и количество благъ, которыя можно пріобрѣсти при существующихъ условіяхъ рынка и цѣнахъ на блага; польза, которую могутъ принести эти блага, а также та, которая уже обезпечена обладаніемъ другихъ благъ; наконецъ, размѣры и настоятельность потребности. Денежная единица получаетъ свою цѣнность отъ самаго мелкаго расхода, который по матеріальнымъ условіямъ владѣльца экономически можетъ быть покрытъ; всякая большая денежная сумма и все имущество въ денежной формѣ получаютъ эту предѣльную цѣнность единицы столько разъ, сколько въ нихъ заключается такихъ единицъ. Разныя лица могутъ оцѣнивать одинаковыя суммы денегъ весьма различно. Обстоятельство, всего больше вліяющее на оцѣнку денегъ, заключается въ величинѣ имущества и дохода. Крейцеръ значитъ для бѣднаго больше, чѣмъ гульденъ для богатаго и т. д. [2]).

Изъ приведеннаго разсужденія для насъ важно второе условіе, оказывающее опредѣляющее вліяніе на цѣнность денегъ. — Это — «родъ и количество благъ, которыя можно пріобрѣсти при суще-

[1]) Der Natürliche Werth, стр. 46.
[2]) Тамъ же.

ствующихъ условіяхъ рынка и цѣнахъ на блага». Принимая во вниманіе это условіе мы приходимъ къ такому выводу: рыночныя цѣны товаровъ представляютъ результатъ комбинаціи предѣльныхъ цѣнъ, съ которыми продавцы и покупатели являются на рынокъ; сами же предѣльныя цѣны представляютъ продукты субъективныхъ оцѣнокъ товаровъ и денегъ; оцѣнка товаровъ производится по закону предѣльной полезности; этотъ же законъ опредѣляетъ и цѣнность денегъ; но предѣльная полезность денегъ зависитъ отъ полезности благъ, которыя можно купить за нихъ, а родъ и количество этихъ благъ зависитъ отъ ихъ цѣнъ. Въ конечномъ результатѣ неизвѣстная, величина, которую нужно было опредѣлить, именно цѣна товара А опредѣляется при помощи другой неизвѣстной величины — цѣны другихъ товаровъ Б, В, Г и т. д. Для того, чтобы вывести законъ образованія цѣны одного товара, предполагаются опредѣленныя цѣны другихъ товаровъ [1]).

Теоретики предѣльной полезности до сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, не указали выхода изъ этого круга. Къ такому же неразрѣшимому вопросу приводитъ, по нашему мнѣнію, и та часть ученія австрійской школы, которая разсматриваетъ цѣну и цѣнность въ связи съ условіями производства благъ. Здѣсь мы встрѣчаемся, наконецъ, съ вопросомъ о стоимости производства и ролью, которую она играетъ въ отношеніи цѣнности и цѣны.

Австрійскіе теоретики самымъ рѣшительнымъ образомъ возражаютъ противъ принципа, по которому мѣновая цѣнность и цѣна, поскольку она является ея выраженіемъ, для предметовъ, которые могутъ быть производимы въ неограниченномъ количествѣ, опре-

---

[1]) Редакторъ англійскаго перевода книги Визера и его послѣдователь, Смартъ, пополняетъ разсужденіе австрійскаго экономиста слѣдующимъ примѣромъ, подтверждающимъ сдѣланный въ текстѣ выводъ: „Цѣнность, которую представляетъ для меня шиллингъ, говоритъ Смартъ, зависитъ: 1) отъ числа шиллинговъ, которые я могу израсходовать, 2) отъ того, что и въ какомъ количествѣ я могу купить въ лавкахъ за одинъ шиллингъ и 3) отъ того, какъ я могу употребить предметы, которые стоятъ шиллингъ, когда я пріобрѣту ихъ, и послѣднее въ свою очередь зависитъ: а) отъ того, сколько у меня уже имѣется такихъ же благъ и б) отъ моей природной или пріобрѣтенной способности потреблять и употреблять подобныя блага". Прим. Смарта на стр. 47, Natural Value, by F. v. Wieser, 1893. Слѣдов. цѣнность шиллинга зависитъ отъ рыночныхъ цѣнъ товаровъ, а цѣны товаровъ въ конечномъ счетѣ зависятъ отъ субъективной цѣнности товаровъ и цѣнности шиллинга!

дѣляются стоимостью ихъ производства или вѣрнѣе воспроизводства, независимо отъ того, сводить ли стоимость къ одному или нѣсколькимъ элементамъ. Съ доводами, приводимыми противъ этого взгляда, мы познакомимся ниже; здѣсь же разсмотримъ, какъ разрѣшаетъ вопросъ сама австрійская школа.

Какой бы теоріи ни держаться относительно цѣнности и цѣны, нельзя отрицать приведеннаго выше положенія о вліяніи стоимости производства на мѣновую цѣнность и цѣну, какъ эмпирическаго закона, получающаго широкое примѣненіе. Стоимость производства опредѣляетъ мѣновую цѣнность и цѣну значительной массы товаровъ, и вліяніе этого фактора такъ велико, что при равенствѣ всѣхъ прочихъ условій онъ самъ-по-себѣ можетъ оказывать и, дѣйствительно, оказываетъ вліяніе на мѣновую цѣнность и цѣну товаровъ.

Австрійская школа признаетъ это положеніе, какъ эмпирическій законъ, но утверждаетъ, что теоретическій анализъ сводитъ его къ закону субъективной цѣнности, основанному на предѣльной полезности, который и является всеобщимъ закономъ экономической цѣнности. [1]) Упомянутый эмпирическій законъ дѣйствуетъ лишь въ предѣлахъ, отграничиваемыхъ ему общимъ закономъ.

Посмотримъ, какъ это положеніе доказывается.

До сихъ поръ мы говорили только объ оцѣнкѣ хозяйственныхъ благъ вообще; теперь придется различать двѣ категоріи благъ: блага потребительныя или блага перваго порядка, въ качествѣ продуктовъ, и затѣмъ блага производственныя или блага второго порядка, въ качествѣ факторовъ производства.

Имѣя въ виду это раздѣленіе, представимъ себѣ простѣйшую форму производства.

Передъ нами такое потребительное благо, для изготовленія котораго требуется только одно производственное благо; при этомъ мы

[1]) „Теоретики предѣльной полезности никогда не оспаривали фактическое существованіе закона стоимости производства, никогда не отрицали фактической, эмпирической связи между среднимъ цѣнами благъ, могущихъ быть воспроизведенными, и размѣрами расходовъ, которые производитель долженъ произвести, для того, чтобы имѣть возможность доставить ихъ на рынокъ“... Böhm-Bawerk. Zur theoretischen National-Ökonomie der letzten Jahren. напеч. въ Zeitschrift für Volkswirthschaft, Socialpolitik und Verwaltung. VII Bd., III Heft. 1898. стр. 410. См. о томъже: статью Бемъ-Баверка въ Jahrb. für Nat. Oek. u. Stat., III F., Bd. 3, 1892. „Werth, Kosten u. Grenznutzen“, стр. 328 и слѣд.

предполагаемъ еще, что изъ одного блага второго порядка можетъ быть произведено только одно благо перваго порядка и что производственный процессъ совершается очень быстро, уничтожая безъ остатка благо второго порядка, какъ самостоятельный предметъ. Наше разсужденіе пріурочивается къ моменту, непосредственно предшествующему началу производства. Спрашивается, чѣмъ въ этотъ моментъ опредѣлится цѣнность производственнаго блага? Передъ нами только производственное благо, но хозяйственный расчетъ, приведшій къ составленію плана производства, отправляется отъ предвидѣнія того блага, которое будетъ получено, когда производственный процессъ закончится. Это будущее благо—цѣль процесса, и отъ него беретъ начало интересъ, основывающійся на предѣльной полезности задуманнаго продукта и сообщающій ему цѣнность. Производственное благо представляетъ полезность лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно дастъ возможность изготовить благо перваго порядка; если бы оно было утрачено, производство не могло бы состояться, и желаемый продуктъ не былъ бы полученъ. Поэтому, интересъ, съ которымъ связано для даннаго лица обладаніе ожидаемымъ продуктомъ, до начала производства переносится на производственное благо. Цѣнность перваго опредѣляетъ цѣнность второго. Это основной законъ стоимости производства. Не цѣнность факторовъ производства опредѣляетъ цѣнность продукта, а наоборотъ цѣнность продукта опредѣляетъ цѣнность факторовъ производства, т. е. его стоимость [1]).

Однако, эмпирическій законъ, признанный и австрійскими теоретиками, показываетъ, что въ массѣ случаевъ происходитъ какъ

---

[1]) Къ какой путаницѣ можетъ привести эта точка зрѣнія, показываетъ разсужденіе Генриха Кона, автора недавно вышедшей монографіи о субъективной цѣнности. Высказавшись самымъ рѣшительнымъ образомъ въ пользу ученія австрійской школы о цѣнѣ, какъ результатѣ субъективныхъ оцѣнокъ, Конъ идетъ дальше Бемъ-Баверка и другихъ австрійскихъ теоретиковъ, отрицая самое понятіе объективной цѣнности. Соотвѣтственно этому взгляду онъ полагаетъ также, что стоимость не служитъ опредѣлителемъ цѣнности, и въ подтвержденіе своихъ словъ говоритъ о томъ, что производство нѣкоторыхъ предметовъ становится возможнымъ только тогда, когда цѣны ихъ начинаютъ покрывать расходы производства; таковы напр., сельско-хозяйственные продукты. Но фактъ, приводимый Кономъ, какъ разъ служитъ доводомъ противъ него, свидѣтельствуя, что стоимость производства не зависитъ отъ цѣны продукта, а напротивъ обусловливаетъ производство послѣдняго опредѣленной цѣной; слѣдов., опредѣляетъ минимальную цѣну продукта. Dr. Heinrich Kohn. Die subjective Natur des Werthes. 1899. Стр. 34.

разъ противоположное изложенному. Это противорѣчіе, только кажущееся съ точки зрѣнія теоріи, о которой здѣсь говорится, объясняется слѣдующимъ образомъ.

Отношенія между благами потребительными и производственными не такъ просты, какъ мы предположили выше. Очень немного такихъ производственныхъ благъ, изъ которыхъ можетъ быть изготовляемо потребительное благо только одного рода: въ очень значительномъ числѣ случаевъ одно производственное благо можетъ служить для изготовленія нѣсколькихъ, очень часто длиннаго ряда, различныхъ продуктовъ. Цѣнность такихъ производственныхъ благъ опредѣляется болѣе сложнымъ закономъ, хотя въ конечномъ счетѣ ея основаніемъ все-таки служитъ предѣльная полезность продукта.

Представимъ себѣ, что изъ производственнаго блага A могутъ быть изготовлены потребительныя блага $Б$, $В$ и $Г$ и что предѣльная полезность этихъ благъ, служащая основаніемъ ихъ субъективной оцѣнки, достигаетъ наивысшей нормы у $Б$, понижаясь затѣмъ для $В$ и представляя наименьшую величину для $Г$. Предположимъ далѣе, что въ данный моментъ благо A имѣется въ такомъ количествѣ, что изъ него могутъ быть изготовляемы всѣ три продукта, помѣченные выше. Что послужитъ при такихъ условіяхъ основаніемъ для оцѣнки A?

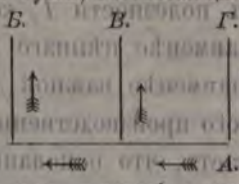
Для того, чтобы отвѣтить на поставленный вопросъ, нужно слѣдовать тому же пути, который привелъ насъ къ понятію предѣльной полезности; нужно спросить себя, что мы сдѣлали бы, если бы количество блага A сократилось, такъ что нельзя было бы уже изготовлять всѣ три продукта, которые изготовлялись раньше? Разумѣется, мы отказались бы отъ производства наименѣе цѣннаго для насъ предмета, именно, блага $Г$. Отсюда видно, что съ той долей произведеннаго блага A, которую мы утратили, у насъ связывался интересъ, вытекающій изъ полезности $Г$, котораго мы теперь лишились. Полезность этого наименѣе цѣннаго для насъ блага опредѣляла собою полезность наименѣе важной для насъ части A, т. е. предѣльную полезность этого производственнаго блага и его цѣнность.

Изъ сказаннаго вытекаетъ, что основаніемъ цѣнности производственнаго блага A служитъ субъективная цѣнность продукта $Г$, но разъ опредѣленная по этому закону, который есть законъ предѣльной полезности, цѣнность A сама уже вліяетъ опредѣляющимъ образомъ на

цѣнности другихъ потребительныхъ благъ, которыя изготовляются изъ него, т. е. *В* и *Б*. Поэтому, если наблюдать только эти два послѣднихъ блага, то дѣйствительно окажется, что стоимость ихъ производства, т. е. цѣнность производственнаго блага *А*, опредѣляетъ ихъ собственную цѣнность, такъ что при пониженіи цѣнности *А* понизится и цѣнность *Б* и *В*, а при повышеніи первой повысится и вторая. Это явленіе только и наблюдаютъ тѣ, которые утверждаютъ, что стоимость производства опредѣляетъ цѣнность продуктовъ; ихъ ошибка заключается не въ томъ, что они неправильно передаютъ совершающееся на ихъ глазахъ, а въ томъ, что они принимаютъ эмпирической законъ, дѣйствующій только въ извѣстныхъ предѣлахъ, за всеобщій теоретическій законъ, сводящій объясняемое явленіе къ его конечнымъ причинамъ. Дѣйствительно, цѣнности продуктовъ *Б* и *В* опредѣляются не ихъ собственной предѣльной полезностью, а цѣнностью *А*, но чѣмъ же опредѣляется послѣдняя? Оказывается, что ее опредѣляетъ цѣнность продукта *Г*, которая основывается на его предѣльной полезности [1]).

До сихъ поръ рѣчь шла о цѣнности производственныхъ благъ и вліяніи, которое она оказываетъ на цѣнность продуктовъ. Въ дѣйствительности, однако, мы имѣемъ дѣло съ цѣнами производственныхъ благъ и вліяніи, которое онѣ оказываютъ на цѣны продуктовъ. И въ этомъ случаѣ, по ученію теоретиковъ австрійской школы, конечное объясненіе реальныхъ явленій дается основнымъ закономъ субъективной цѣнности, основаннымъ на принципѣ предѣльной полезности: цѣна производственнаго блага опредѣляется цѣною наименѣе важнаго потребительнаго блага, которое производится изъ него,

[1]) Бемъ-Баверкъ поясняетъ законъ стоимости производства такой фигурой, въ которой мы измѣняемъ только буквы, обозначающія блага:



Буквы обозначаютъ блага, какъ въ текстѣ, а стрѣлки направленіе, въ которомъ цѣнность одного блага вліяетъ на цѣнность другихъ.

Законъ стоимости производства изложенъ на основаніи сочиненій Визера и Бемъ-Баверка, названныхъ выше.

а цѣна послѣдняго согласно уже изложенному выше закону образованія цѣнъ является продуктомъ ряда субъективныхъ оцѣнокъ, встрѣчающихся на рынкѣ.

Бемъ-Баверкъ поясняетъ изложенное на примѣрѣ желѣза и желѣзныхъ продуктовъ, которымъ пользуется также Визеръ и которымъ нѣсколько ниже воспользуемся и мы. «Субъективная оцѣнка желѣзныхъ продуктовъ потребителями находится въ началѣ явленій, связанныхъ между собою цѣпью причинной зависимости. Она ближайшимъ образомъ помогаетъ опредѣлить цифры денежной оцѣнки, съ которыми потребители могутъ принять участіе въ спросѣ на желѣзные продукты. Затѣмъ эти цифры денежной оцѣнки опредѣляютъ уже извѣстнымъ образомъ на рынкѣ желѣзныхъ продуктовъ равнодѣйствующую цѣнъ послѣднихъ. Цѣна продуктовъ въ свою очередь указываетъ производителямъ (мѣновую) цѣнность, которую они могли бы придать желѣзу, какъ производственному благу, и вмѣстѣ съ тѣмъ цифру оцѣнки, съ которой они могли бы выступить въ качествѣ соперниковъ по покупкѣ желѣза; и изъ этихъ оцѣночныхъ цифръ получается, наконецъ, рыночная цѣна желѣза» [1]).

Визеръ, формулировавъ теорію стоимости производства, основанную на принципѣ предѣльной полезности [2]), приводитъ въ поясненіе сказаннаго слѣдующій примѣръ, тоже относящійся къ желѣзу. «Изъ того же желѣза, говоритъ онъ, изъ котораго граждане страны дѣлаютъ оружіе, чтобы охранять свою честь и свое имущество, независимость своего существованія и развитіе своего національнаго богатства, изготовляются также тысячи хозяйственныхъ

[1]) Böhm—Bawerk. Kapital u. Kapitalzins, II, 1889, стр. 238.

[2]) Приводимъ эту формулировку, въ виду ея опредѣленности и важности самаго предмета. Замѣтивъ, что правило субъективной оцѣнки продуктовъ претерпѣваетъ глубокое измѣненіе подъ вліяніемъ закона стоимости продуктовъ, Визеръ говоритъ, что „правило субъективной оцѣнки остается въ силѣ въ указанной выше формѣ, лишь для тѣхъ категорій продуктовъ, которыя заключаютъ въ себѣ наименьшую предѣльную полезность, имѣющую опредѣляющее значеніе. Что же касается продуктовъ другихъ категорій, обладающихъ болѣе высокой предѣльной полезностью, чѣмъ наименьшая принятая въ основу цѣнности общаго производственнаго блага, то примѣняющееся къ нимъ правило оцѣнки таково, что, при условіи нормальнаго теченія производства, цѣнность ихъ проистекаетъ не изъ ихъ собственной, а изъ вышеупомянутой наименьшей предѣльной полезности въ ряду родственныхъ по производству категорій благъ эта предѣльная полезность имѣетъ опредѣляющее значеніе". Ueber den Ursprung etc. стр. 150.

предметовъ. Поэтому цѣнность оружія, взятая сама по себѣ, была бы значительно выше, но теперь, при условіи нормальнаго теченія производства и если на время оставить въ сторонѣ другіе факторы производства, она будетъ опредѣляться исключительно цѣнностью употребленнаго матеріала, проистекающей въ свою очередь отъ цѣнности незначительнѣйшихъ хозяйственныхъ предметовъ, какъ продуктовъ наименьшей предѣльной полезности» [1]).

Таковы принципы, на основаніи которыхъ австрійскіе теоретики и ихъ послѣдователи разрѣшаютъ вопросъ объ отношеніи между цѣнностью и цѣною, съ одной стороны, и стоимостью производства — съ другой. Изложенное ученіе осложняется введеніемъ еще одного момента, измѣняющаго предположенное выше условіе, что для производства каждаго хозяйственнаго блага или цѣлой категоріи ихъ всегда требуется только одинъ факторъ, каковымъ и является разсматриваемое благо второго порядка. Въ дѣйствительности въ производствѣ всегда участвуетъ нѣсколько производственныхъ благъ и во всякомъ случаѣ по меньшей мѣрѣ два: сырой матеріалъ и трудъ. Поэтому сторонники изложеннаго выше ученія должны были выяснить, какимъ образомъ по закону предѣльной полезности опредѣляется цѣнность отдѣльныхъ производственныхъ благъ, принимающихъ участіе въ производствѣ въ соединеніи съ другими благами второго порядка. Этому предмету посвящена теорія т. н. «комплементарныхъ», или дополняющихъ другъ друга, благъ. О вліяніи труда на цѣнность мы будемъ говорить ниже, что же касается вообще только что упомянутой теоріи, то мы можемъ не входить въ ея разсмотрѣніе, потому что она не измѣняетъ изложенныхъ выше принциповъ, которые одни имѣютъ здѣсь значеніе для насъ.

Переходя къ разсмотрѣнію этихъ принциповъ, мы послѣдуемъ порядку обратному тому, который принятъ былъ въ нашемъ изложеніи, и остановимся прежде всего на примѣрѣ Визера. По нашему мнѣнію, его одного достаточно для того, чтобы усомниться въ идеѣ, которая положена въ его основу. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, можно серьезно утверждать, что цѣнность желѣза, если бы изъ него производилось только оружіе гражданъ, опредѣлялась бы такъ же высоко, какъ ихъ

[1]) Тамъ же, стр. 150—151.

честь, имущество, независимость и развитіе національнаго богатства, и это при условіи, что желѣзо представляетъ благо, которое можно получать въ любомъ количествѣ при извѣстныхъ затратахъ на его добычу? Если твердо стоять на этомъ положеніи, то законъ предѣльной полезности по видимости остается въ силѣ, но по существу онъ вступаетъ въ такой рѣшительный конфликтъ съ дѣйствительностью, что самая послѣдовательность его защиты становится для него губительной. Съ другой стороны признать, что при высказанномъ предположеніи цѣнность оружія опредѣлялась бы цѣнностью желѣза, а не наоборотъ, какъ утверждаютъ Визеръ и др., значитъ нанести непоправимый ударъ всему зданію, сооруженному австрійскими теоретиками для того, чтобы объяснить дѣйствительность при помощи закона предѣльной полезности.

Что касается примѣра Бемъ-Баверка, то сила его и связаннаго съ нимъ теоретическаго разсужденія держится на общемъ законѣ образованія цѣнъ, основанномъ на принципѣ субъективной цѣнности. Поэтому намъ остается только сослаться на возраженія, представленныя выше, противъ этого закона: если эти возраженія справедливы, то изъ построенія Бемъ-Баверка выпадаетъ краеугольный камень, и оно рушится.

Наконецъ, обращаемся къ теоріи цѣнности производственныхъ благъ. Возвращаясь къ примѣру, приведенному выше при изложеніи этой теоріи, мы напомнимъ, что цѣнность производственнаго блага А, опредѣляющая цѣнность потребительныхъ благъ Б и В, сама опредѣляется цѣнностью потребительнаго блага Г, которая въ свою очередь выводится по закону предѣльной полезности. Центръ тяжести всего разсужденія лежитъ въ послѣднемъ пунктѣ, и стройность теоріи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ея убѣдительность зависятъ исключительно отъ того, что этотъ послѣдній пунктъ предполагается уже разъясненнымъ и поэтому нетребующимъ подробнаго разсмотрѣнія. Между тѣмъ это предположеніе невѣрно.

Когда разъяснялось правило субъективной оцѣнки, основанное на законѣ предѣльной полезности, вопросъ разсматривался безъ всякаго отношенія къ производству; предполагалось, что оцѣнивающій субъектъ имѣетъ дѣло съ опредѣленнымъ количествомъ предметовъ, которые ему приходилось оцѣнивать съ точки зрѣнія своихъ потребностей. При такихъ условіяхъ дано было два основанія для

выведенія закона цѣнности: потребности субъекта, каждая въ ея градаціи, и количество однородныхъ предметовъ оцѣнки. Изъ этихъ двухъ данныхъ одно утрачиваетъ свою опредѣленность, какъ только вопросъ разсматривается въ связи съ производствомъ.

Вернемся къ нашему примѣру: цѣнность производственнаго блага A зависитъ отъ цѣнности I', — но отчего же зависитъ послѣдняя: отъ двухъ условій—потребности субъекта и количества самого блага. Потребность можетъ быть принята за данное, но другое дѣло количество предмета: оно зависитъ отъ размѣровъ производства и такъ какъ мы имѣемъ дѣло съ продуктами, воспроизводимыми въ любомъ количествѣ, то теперь нельзя уже остановиться на той стадіи разсужденія, которой можно было удовлетвориться при установленіи правила субъективной оцѣнки безъ отношенія къ производству. Приходится спросить: отъ чего же зависитъ количество, въ которомъ предметъ будетъ производиться? Мы не можемъ утверждать, не противорѣча всѣмъ извѣстному эмпирическому закону, что размѣры производства зависятъ единственно отъ потребностей человѣка. Мы знаемъ, что даже въ натуральномъ хозяйствѣ, гдѣ вліяніе потребностей на производство обнаруживается яснѣе, количество производимыхъ предметовъ, зависитъ не только отъ желанія хозяина, но также отъ количества матеріаловъ, которыми онъ располагаетъ, и количества труда, который онъ можетъ и хочетъ употребить на производство. Первое изъ этихъ условій мы можемъ оставить въ сторонѣ, предполагая, что количество матеріаловъ необходимыхъ хозяйствующему субъекту, практически неограничено. Такое предположеніе не противорѣчитъ дѣйствительности; но нельзя предположить то же въ примѣненіи къ труду [1]). Человѣкъ можетъ затрачи-

[1]) Этотъ вопросъ затрогиваетъ Дитцель для того, чтобы вывести изъ него заключеніе о значеніи труда, какъ фактора, вліяющаго на образованіе цѣнности. „Развѣ, говоритъ онъ, не надлежало, вполнѣ допуская, что отношеніе между наличнымъ количествомъ блага и потребностью опредѣляетъ величину цѣнности, отвести въ образованіи цѣнности руководящую роль фактору „количество труда“, который, насколько идетъ рѣчь о благахъ „воспроизводимыхъ по желанію“, опредѣляетъ упомянутое „отношеніе“, потому что имъ обусловлена величина одного изъ его членовъ, именно, наличное количество блага? „Dietzel: Die klassische Werttheorie und die Theorie vom Grenznutzen, въ Jahrb. für Nat. Oekon. и Stat. N. F. Bd. XX, стр. 582. См. тамъ же стр. 597: „Трудъ вліяетъ на снабженіе, а снабженіе на степень полезности, которая опредѣляетъ цѣнность или мѣновое отношеніе. Изъ этихъ положеній я могу

вать только строго опредѣленное количество энергіи и не всегда онъ хочетъ производить такую затрату.

Отъ чего же зависитъ, какое количество труда онъ употребитъ на изготовленіе того или другого предмета? На этотъ вопросъ можно отвѣтить двояко: или что количество труда, о которомъ идетъ рѣчь, будетъ зависѣть отъ цѣнности производимаго предмета, или, что оно будетъ зависѣть отъ другихъ причинъ.

Въ первомъ случаѣ мы возвращаемся къ идеѣ Маклёда, по теоріи котораго не трудъ опредѣляетъ цѣнность продуктовъ, а наоборотъ послѣдняя привлекаетъ трудъ, сама же опредѣляется отношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ [1]). Подчиняя подобно австрійскимъ теоретикамъ, стоимость производства цѣнности продукта, Маклёдъ не разъяснилъ сколько нибудь удовлетворительнымъ образомъ, отъ чего же зависятъ размѣры производства, опредѣляющія предложеніе предмета. Если отвѣтить на этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ отвѣчалъ Маклёдъ, мы попадемъ въ заколдованный кругъ: цѣнность при данномъ спросѣ зависитъ отъ снабженія, т. е. отъ размѣровъ производства, а размѣръ производства, или количество труда, привлекаемаго предметомъ, по выраженію Маклёда, зависятъ отъ цѣнности предмета [2]). На языкѣ же австрійскихъ экономистовъ та же мысль выражается такъ: цѣнность предѣльнаго предмета, отъ которой зависитъ цѣнность производственныхъ благъ, сама зависитъ отъ потребности въ немъ и его количества; послѣднее — отъ количества труда, предназначеннаго на его производство, а это количество труда—отъ цѣнности предмета. Какъ и у Маклёда получается уравненіе съ двумя неизвѣстными: цѣнностью предмета и количествомъ труда, которое будетъ предназначено для его изготовленія.

Маклёдъ выходитъ изъ этого круга заявляя, что «въ тѣхъ случаяхъ, когда производство можетъ быть расширяемо безгранично, люди научаются приспособлять снабженіе къ спросу, такъ чтобы цѣнность предмета приблизительно согласовалась со стоимостью его производства» [3]), что̀ по существу представляетъ лишь констатиро-

---

только вывести, что трудъ поскольку онъ опредѣляетъ наличное количество блага—„снабженіе“, является первичной причиной, опредѣляющей величину цѣнности.“

[1]) Macleod. The Elements of Political Economy. 1858, стр. 124.

[2]) Тамъ же, стр. 23.

[3]) Тамъ же, стр. 124.

ваніе эмпирическаго закона, по которому стоимость производства опредѣляетъ цѣнность. Австрійскіе экономисты останавливаются передъ вопросомъ, который возбуждаетъ недоразумѣніе, скрывая послѣднее закономъ субъективной цѣнности, выведеннымъ при иныхъ условіяхъ, именно, безъ отношенія къ производству.

Если отвѣтить на поставленный выше вопросъ такъ, что количество труда, которое будетъ затрачено на производство предмета и отъ котораго зависитъ его количество, опредѣляется не цѣнностью предмета, а иными причинами, то нужно признать, что теорія предѣльной полезности не даетъ окончательнаго объясненія цѣнности, потому что одинъ изъ элементовъ этого объясненія представляется вопросомъ, остающимся безъ отвѣта.

Высказанныя выше соображенія приводятъ къ заключенію, что новое направленіе теоретической экономіи, желающее исходить въ ученіи о цѣнности отъ началъ, принципіально различающихся отъ тѣхъ, которыя были приняты классической школой, не даетъ удовлетворительнаго отвѣта на вопросъ о факторахъ образованія объективной мѣновой цѣнности и цѣны въ современномъ хозяйствѣ. Тѣмъ не менѣе субъективная школа отнюдь не отрицаетъ важности этого вопроса. Бемъ-Баверкъ призналъ ее въ одной изъ первыхъ своихъ полемическихъ статей противъ Дитцеля и, отвѣчая на вызовъ послѣдняго, изложилъ въ журналѣ Конрада ученіе объ образованіи цѣнъ, разсмотрѣнное выше. Еще болѣе выразительно и опредѣленно высказывается по этому предмету Визеръ въ своемъ сочиненіи о естественной цѣнности. Изложивъ ученіе о субъективной мѣновой цѣнности, онъ говоритъ: «Внѣ единичнаго хозяйства, по отношенію къ другимъ лицамъ, никто не можетъ прямо проводить своей собственной личной оцѣнки денегъ и денежной цѣнности благъ. Никто не въ состояніи будетъ побудить дѣловаго человѣка отдать ему товаръ за полцѣны только на томъ основаніи, что ему труднѣе заплатить половину цѣны, чѣмъ другому двойную цѣну. Ни одинъ дѣловой человѣкъ не можетъ продать свой товаръ въ два раза дороже, чѣмъ другіе, только по той причинѣ, что ему необходимо получить въ два раза больше барыша для удовлетворенія своихъ потребностей въ самомъ необходимомъ. Всякому нужна полная субъективная оцѣнка денегъ *внутри его хозяйства*, а также для того, чтобы онъ могъ дѣйствовать внѣ его, но его дѣйствія лишь постольку въ состояніи

будутъ вліять на движеніе благъ въ обширномъ *хозяйственномъ оборотѣ* отъ одного хозяйства къ другому и, наконецъ, къ его собственному, поскольку ему удастся оказать вліяніе на цѣны благъ. Въ оборотѣ имѣютъ прямое рѣшающее значеніе цѣны. Блага выпадаютъ на долю тѣхъ, которые платятъ наиболѣе высокія цѣны; и, прежде всего, цѣнами, которыхъ можно ожидать при продажѣ, опредѣляется размѣръ расходовъ, которые будутъ произведены для производства. Товаръ, продающійся всего дороже, больше всего привлекаетъ и производственныхъ средствъ. Мѣсто благъ въ народнохозяйственномъ оборотѣ, ихъ внѣшняя народно-хозяйственная сила прямо опредѣляется ихъ цѣнами, какъ бы отдѣльныя лица ни судили объ ихъ внутреннемъ значеніи.

«Когда въ общежитіи говорятъ о цѣнности благъ, то имѣютъ въ виду мѣсто, которое они занимаютъ въ народномъ хозяйствѣ соотвѣтственно отношенію ихъ цѣнъ между собою. Товаръ, рыночная цѣна котораго достигаетъ 1000 гульденовъ, представляетъ для всякаго, согласно общепринятому словоупотребленію, въ 10 разъ большую цѣнность, чѣмъ другой товаръ, рыночная цѣна котораго составляетъ только 100 гульд. Самое дорогое благо является также и самымъ цѣннымъ. Это правило подвергается только одному ограниченію. Только тѣ цѣны признаются цѣнностями благъ, которыя уплачиваются за блага при обычныхъ условіяхъ; напротивъ, исключительныя цѣны, цѣны ростовщическія или спекулятивныя не служатъ основаніемъ цѣнности; поэтому блага съ очень колеблющимися цѣнами по обычному представленію, не имѣютъ постоянной «внутренней» цѣнности.

«Необходимо имѣть особое обозначеніе для порядка благъ въ народно-хозяйственномъ оборотѣ, и невозможно избрать другое обозначеніе, кромѣ цѣнности; не только потому, что къ этому вынуждаетъ обычный языкъ, но и по той причинѣ, что это обозначеніе имѣетъ внутреннее основаніе. То, чѣмъ является для единичнаго хозяйства субъективная цѣнность, измѣряющая каждую *затрату* и каждое *поступленіе* благъ и опредѣляющая возможность расширенія производства и потребленія, представляетъ для народнаго хозяйства вышеупомянутый порядокъ, устанавливаемый соотвѣтственно объективнымъ цѣнамъ; этотъ порядокъ служитъ въ народномъ хозяйствѣ мѣрой затратъ и поступленій, и отъ него зависятъ распредѣленіе

и производство. Нужно однако замѣтить, что понятіе цѣнности, мѣняетъ свой первоначальный смыслъ, когда его переносятъ изъ сферы субъективнаго отношенія къ потребности въ сферу объективнаго отношенія къ цѣнѣ. Субъективной цѣнности соотвѣтствуетъ опредѣленное сознаніе, что удовлетвореніе потребности зависитъ отъ обладанія благомъ, ей соотвѣтствуетъ *опредѣленная степень интереса*; напротивъ, объективной цѣнности соотвѣтствуетъ только опредѣленная цѣна, *опредѣленный размѣръ платежа*, который долженъ быть произведенъ при куплѣ — продажѣ. Субъективная цѣнность измѣряется степенями желанія, объективная количествами денегъ, цифрами цѣнъ» [1]).

Мы привели эту выдержку для того, чтобы возможно полнѣе охарактеризовать взглядъ Визера, какъ одного изъ главныхъ представителей субъективной школы, на объективную мѣновую цѣнность и цѣну и ихъ отношеніе къ субъективной цѣнности. Сфера послѣдней ограничивается единичнымъ хозяйствомъ; въ народнохозяйственномъ же оборотѣ основаніемъ цѣнности служитъ цѣна, такъ что порядокъ благъ соотвѣтственно ихъ цѣнностямъ опредѣляется относительными величинами ихъ цѣнъ. Эта форма цѣнности, которую Визеръ называетъ «цѣнностью въ оборотѣ» (der Verkehrswerth), представляется, по его мнѣнію, наиболѣе важной, потому что она господствуетъ въ самой обширной сферѣ, въ народномъ хозяйствѣ. Съ нею связано объясненіе важнѣйшихъ явленій современнаго экономическаго строя, такъ что политической экономіи, по словамъ того же автора, приходится имѣть дѣло почти исключительно съ объективной мѣновой цѣнностью и цѣною.

Разсужденіе Визера показываетъ, что онъ отнюдь не считаетъ закона субъективной цѣнности приложимымъ къ объясненію явленій мѣноваго народнаго хозяйства. Послѣднія управляются особымъ закономъ; но это законъ эмпирическій, и теоретикъ, который ограничился бы его сферой, никогда не могъ бы разъяснить явленіе цѣнности по существу и не въ состояніи былъ бы найти ея истиннаго мѣрила. Въ какомъ же направленіи слѣдуетъ идти для того, чтобы выяснить теоретическую основу закона, управляющаго обмѣномъ? Къ этому вопросу сводятся въ конечномъ итогѣ разногласія по вопросу о

---

[1]) F. Wieser. Der Natürliche Werth, стр. 48—50.

цѣнности; но въ рѣшеніи, которое предлагаетъ австрійская школа въ концѣ концовъ единственно обоснованнымъ пунктомъ оказывается все тотъ же эмпирическій законъ, формулированный классиками [1]). Этотъ законъ играетъ настолько важную роль въ теоріи предѣльной полезности, что Бемъ-Баверкъ возражая Дитцелю, обвинявшему австрійскихъ теоретиковъ въ игнорированіи связи между стоимостью производства и цѣнностью [2]), счелъ нужнымъ заявить слѣдующее:

---

[1]) Неудовлетворительность австрійской теоріи какъ разъ въ томъ пунктѣ, который отмѣченъ въ текстѣ, уже обращала на себя вниманіе изслѣдователей. Такъ напр. Макфэрлэнъ выдвигаетъ въ своей книгѣ „О цѣнности и распредѣленіи“ рядъ возраженій противъ теоріи предѣльной полезности, и между прочимъ останавливается и на этомъ вопросѣ. „Когда австрійскіе экономисты говорятъ намъ, замѣчаетъ Макфэрлэнъ, что въ конечномъ итогѣ цѣнность даже свободно воспроизводимыхъ благъ зависитъ отъ предѣльной полезности, а не отъ стоимости, то, конечно, представляется вполнѣ умѣстнымъ вопросъ: чѣмъ же опредѣляется точка, на которой устанавливается этотъ предѣлъ? Разумѣется, непосредственный отвѣтъ заключается въ томъ, что она опредѣляется ограниченіемъ снабженія блага; увеличьте его количество и, при равенствѣ прочихъ условій, предѣльная полезность понизится. Это, однако, возбуждаетъ дальнѣйшій вопросъ: какимъ образомъ или чѣмъ опредѣляется размѣръ снабженія? Относительно предметовъ рѣдкости ясно, что этотъ размѣръ зависитъ отъ неопредѣленныхъ вліяній монополіи, но для свободно воспроизводимыхъ благъ единственнымъ ограниченіемъ снабженія служитъ стоимость благъ или предѣльное пожертвованіе, связанное съ его производствомъ. Ошибка австрійскихъ экономистовъ заключается въ предположеніи, что въ предѣльной полезности мы имѣемъ явленіе, неподдающееся дальнѣйшему анализу, — предположеніе въ значительной мѣрѣ справедливое, пока мы ограничиваемся предметами рѣдкости“. Изъ другихъ интересныхъ замѣчаній Макфэрлэна отмѣтимъ еще одно. Въ ученіи объ образованіи цѣнъ австрійская теорія, по мнѣнію американскаго экономиста, говоритъ только о предѣлахъ, въ которыхъ цѣна должна установиться, но не опредѣляетъ пункта, на которомъ она установится при данныхъ условіяхъ. По теоріи Бемъ-Баверка, цѣна можетъ установиться ниже пункта, опредѣляемаго оцѣнкой послѣдняго покупателя; изъ чего слѣдуетъ, что этотъ послѣдній, предѣльный, покупатель пользуется извѣстнымъ излишкомъ, т.-е. что предѣльная полезность непримѣнима, въ качествѣ точнаго опредѣлителя цѣны. C. W. Macfarlane. Value and Distribution, Philad. 1899. Стр. 45 и 70 и слѣд. Другой американскій экономистъ Гринъ также выражаетъ неудовлетворенность по поводу ученія австрійской школы о цѣнахъ. По его мнѣнію, теоретики предѣльной полезности, объявивъ единственнымъ основаніемъ цѣнности субъективную оцѣнку благъ, въ концѣ-концовъ вернулись къ старой идеѣ о томъ, что мѣновая цѣнность благъ представляетъ отношеніе между предметами, а не отношеніе предметовъ къ человѣческому благополучію. D. J. Green. Wieser's Natural Value. Annals of the American Academy, Jan. 1895. Подробную критику теоріи Бемъ-Баверка и между прочимъ вопроса объ отношеніи между стоимостью производства и цѣнностью см. въ послѣднемъ сочиненіи Гобсона: The Economics of Distribution. 1900. Стр. 104 и слѣд.

[2]) H. Dietzel: Die Klassische Werththeorie und die Theorie von Grenznutzen, въ Jahrb. für Nat. Oek. и Stat., N F. Bd. XX, 1890, стр. 575 и слѣд. Дитцель очень мѣтко за-

«И мы, писалъ онъ, имѣя въ виду представителей теоріи предѣльной полезности, вполнѣ признаемъ дѣйствіе закона стоимости для благъ, воспроизводимыхъ въ любомъ количествѣ... Законъ стоимости существуетъ: стоимость производства оказываетъ сильное вліяніе на цѣнность благъ... Это фактъ, настолько подтверждаемый опытомъ, что относительно него не можетъ быть сомнѣній»... «Стоимость управляетъ цѣнностью»[1])... Словомъ изъ всего того, что составляетъ фактическую и существенную часть закона стоимости, именно, что стоимость «управляетъ» цѣнностью благъ воспроизводимыхъ по желанію, что мы какъ общее правило оцѣниваемъ послѣднія по стоимости производства, что измѣненія, происходящія на сторонѣ стоимости, вызываютъ измѣненія цѣнности и т. д.—изъ всего этого мы, теоретики предѣльной полезности, не отрицали ни одной іоты, и ни одинъ изъ этихъ пунктовъ не вызывалъ съ нашей стороны возраженія». Разногласіе начинается тогда, когда возникаетъ вопросъ: чѣмъ опредѣляется стоимость производства? Теоретики австрійской школы вполнѣ основательно утверждаютъ, что сведеніе цѣнности и цѣны къ стоимости производства не является рѣшеніемъ задачи. Нужно свести самую стоимость къ причинѣ или причинамъ, лежащимъ внѣ цѣнности; необходимо, какъ выражается Бемъ-Баверкъ, найти архимедову точку цѣнности. «Единственное разногласіе (между теоретиками предѣльной полезности и ихъ противниками) заключается въ томъ, что мы не считаемъ, что довели до конца объясненіе (цѣнности), формулировавъ законъ стоимости. Онъ не представляетъ архимедовой точки, которая могла бы послужить опорнымъ пунктомъ для всего ученія, не требуя сама никакой опоры»[2]). Этому требованію не удовлетворяютъ теоріи, которыя довольствуются понятіемъ стоимости производства, какъ суммы цѣнностей производ-

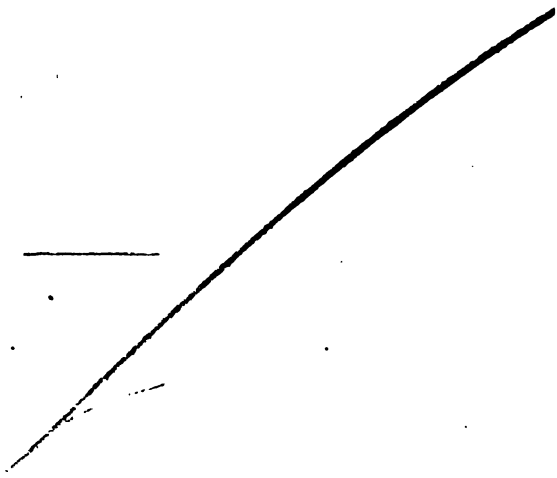
---

мѣчаетъ, что ученіе о предѣльной полезности было развито сначала для благъ, которыя не могутъ быть воспроизведены и оно никогда не могло сбросить съ себя скорлупу яйца, изъ котораго возникло (стр. 576). Такое же замѣчаніе дѣлаетъ американскій экономистъ Маввенъ. См. его статью The Austrian Theory of Value въ Annals of the American Academy of Political and Social Science, Nov. 1893, стр. 31.

[1]) Böhm-Bawerk. Werth, Kosten u. Grenznutzen, Jahrb. für Nat. Oek. u Stat., 1892, стр. 328 и сл.

[2]) Böhm-Bawerk, тамъ же стр. 329, см. также статью Визера „The theory of Value“ въ Annals of the American Academy of Political and Social Science, March, 1892, стр. 45 и др.

ственныхъ благъ, употребленныхъ на изготовленіе продукта, потому что это значитъ сводить цѣнность одного предмета къ цѣнности другого. Если цѣнность продукта опредѣляется цѣнностью благъ, употребленныхъ на его изготовленіе т. е. расходами производства, то возникаетъ вопросъ: чѣмъ же опредѣляется цѣнность самихъ этихъ благъ [1]). Двѣ теоріи свободны отъ этого возраженія, потому что онѣ дѣлаютъ попытку найти архимедову точку цѣнности. Одна изъ нихъ видитъ ее въ предѣльной полезности продукта; другая— въ трудѣ, употребленномъ на его изготовленіе. Первая изъ этихъ теорій не можетъ быть принята за удовлетворительное объясненіе дѣйствительности, потому что объясненіе цѣнности и цѣны предлагаемое ею или предполагаетъ уже цѣнность и цѣну другихъ предметовъ или же останавливается передъ вопросомъ, на который не дается отвѣта. Остается такъ называемая трудовая теорія цѣнности.



[1]) См. Wieser. Ueber den Ursprung etc., стр. 97 и слѣд.

ГЛАВА II.

Всѣ теоріи цѣнности, находящія точку опоры въ стоимости производства, признаютъ что трудъ затраченный на изготовленіе продукта, вліяетъ на его цѣнность. Несмотря,однако, на общую точку отправленія, теоріи этого типа весьма расходятся въ пониманіи и примѣненіи принципа, объединяющаго ихъ. Одни, говоря о трудѣ, имѣютъ въ виду количество затраченной энергіи, другіе цѣнность рабочей силы. Это первый пунктъ различія. Второй заключается въ томъ, что нѣкоторые теоретики считаютъ трудъ однимъ изъ факторовъ цѣнности, а другіе единственнымъ факторомъ. Наконецъ, не мало экономистовъ, не выдерживающихъ въ своемъ ученіи о цѣнности опредѣленнаго взгляда; переходя отъ одной точки зрѣнія къ другой, несмотря на ихъ внутреннее противорѣчіе, они скрываютъ этимъ несостоятельность своихъ теоретическихъ построеній. Теоріи, признающія причинную связь между трудомъ и цѣнностью, несмотря на существенныя различія между ними, всѣ ведутъ свое начало отъ классической экономіи; и это обстоятельство заставляетъ остановиться на нихъ и оцѣнить ихъ значеніе.

Въ ряду воззрѣній указаннаго рода слѣдуетъ прежде всего отмѣтить теорію, разсматривающую трудъ, какъ производственное благо, имѣющее цѣнность. Представителемъ этого взгляда среди новыхъ писателей является Дитцель, выступившій противникомъ австрійской школы, въ качествѣ защитника классической теоріи цѣнности.

Критика, направленная Дитцелемъ противъ ученія предѣльной полезности, сводится къ тому, что Менгеръ, Бемъ-Баверкъ и другіе теоретики того же направленія, съ одной стороны, не дали ничего существенно новаго сравнительно съ тѣмъ, что было уже извѣстно до нихъ, а съ другой внесли въ экономическую теорію невѣрныя и безплодныя идеи, спутавшія ясныя и опредѣленныя по-

ложенія классиковъ. Дѣло, однако, не въ критическихъ замѣчаніяхъ Дитцеля, только отчасти справедливыхъ, а въ его собственныхъ воззрѣніяхъ.

Дитцель выступаетъ сторонникомъ закона, по которому стоимость опредѣляетъ цѣнность предметовъ, воспроизводимыхъ по желанію. Но что понимать подъ стоимостью? Отвѣтъ, который даетъ Дитцель на этотъ вопросъ, является крайне неопредѣленнымъ и противорѣчивымъ. Прежде всего онъ выражается въ томъ смыслѣ, что подъ стоимостью слѣдуетъ разумѣть цѣнность производственныхъ благъ, употребленныхъ для изготовленія продукта. «Потребительное благо, говоритъ онъ, имѣетъ по меньшей мѣрѣ такую цѣнность, какая придается производителемъ и покупателемъ производственнымъ благамъ, представляющимъ стоимость. Потребительное благо является «хозяйственнымъ» и обладаетъ «экономической» цѣнностью лишь по той причинѣ, что производственныя блага, которыя необходимо употребить на его изготовленіе или воспроизведеніе, представляютъ «полезные» и «рѣдкіе» силы или предметы—потому что они «экономическія» блага; и потребительное благо будетъ обладать экономической цѣнностью въ такой мѣрѣ, въ какой осуществляется послѣднее условіе» [1]).

Въ другихъ мѣстахъ своего изслѣдованія Дитцель, говоря о стоимости производства, какъ будто сводитъ ее къ одному труду, но подъ послѣднимъ онъ разумѣетъ то количество трудовой энергіи, то цѣнность рабочей силы, какъ производственнаго блага. Заявивъ, что субъективная цѣнность благъ, которыя могутъ быть воспроизведены, опредѣляется количествомъ труда, необходимаго для того, чтобы воспроизвести ихъ [2]), Дитцель затѣмъ говоритъ о внутренней причинной связи между «цѣнностью труда» (Arbeiswerth), или прибавляетъ онъ «стоимостью», понимаемой какъ цѣнность (Kostenwerth), и потребительной цѣнностью, т. е. цѣнностью потребительнаго блага [3]). Сбивчивость терминологіи Дитцеля побудила Бемъ-Баверка, прежде чѣмъ отвѣчать своему противнику, обратиться къ нему за нѣкоторыми разъясненіями. Одинъ изъ вопросовъ, предложенныхъ имъ, относился къ пониманію термина «стоимость про-

[1]) H. Dietzel: Die klassische Werththeorie etc, стр. 580.
[2]) Тамъ же, стр. 586.
[3]) Тамъ же, стр. 587.

изводства» и «количество труда», употребленнаго на производство. Бемъ-Баверкъ спрашивалъ, имѣетъ ли онъ право понимать Дитцеля въ томъ смыслѣ, что цѣнность опредѣляется высотою всѣхъ расходовъ производства, въ которые входитъ не одинъ трудъ, и что подъ выраженіемъ «количество труда» слѣдуетъ разумѣть не только количество, но и цѣнность труда [1])? Дитцель отвѣчалъ на этотъ вопросъ утвердительно [2]). Тогда Бемъ-Баверкъ весьма убѣдительно показалъ, что Дитцель въ концѣ-концовъ стоитъ на той же почвѣ, какъ и теоретики предѣльной полезности. Дѣйствительно, по его теоріи цѣнность потребительныхъ благъ опредѣляется цѣнностью производственныхъ, а цѣнность послѣднихъ, насколько можно судить по изложенію Дитцеля, цѣнностью рабочей силы. Но чѣмъ же опредѣляется этотъ послѣдній элементъ? Оказывается: полезностью предметовъ, которые могутъ быть изготовлены при помощи даннаго количества труда. Такъ Робинзонъ, на хозяйствѣ котораго Дитцель поясняетъ свою точку зрѣнія, оцѣниваетъ рабочую силу при помощи слѣдующаго разсужденія. «Хижина избавляетъ меня отъ 10 часовъ труда; поэтому она имѣетъ такую же цѣнность, какъ тѣ продукты, въ которыхъ я буду нуждаться впослѣдствіи и которые при помощи этого количества рабочей силы я покупаю у природы [3])». Другими словами: цѣнность хижины опредѣляется цѣнностью рабочей силы, а цѣнность послѣдней цѣнностью другихъ продуктовъ, которые могутъ быть произведены при ея помощи. Это ничто иное, какъ теорія предѣльной полезности, но въ менѣе опредѣленномъ и стройномъ изложеніи.

«Чѣмъ по существу, справедливо спрашивалъ Бемъ-Баверкъ, отличается ученіе Дитцеля отъ того, которое предлагаютъ теоретики предѣльной полезности? Можетъ быть, Дитцель знаетъ это, но я не знаю. Дитцель выводитъ цѣнность благъ, воспроизводимыхъ по желанію, непосредственно изъ количества и цѣнности употребленнаго на нихъ производственнаго блага—труда; мы, теоретики предѣльной полезности дѣлаемъ тоже. Дитцель выводитъ цѣнность производствен-

---

[1]) Böhm-Bawerk. Ein Zwischenwort für Werththeorie, Jahrb. für Nat. Oek. und Stat., N. F. Bd. XXI, 1890, стр. 521.

[2]) H. Dietzel. Zur klasischen Werth—und Preistheorie; тотъ же журналъ, III. F. Bd. I, 1891, стр. 690 и сл.

[3]) Die klassische Werthheorie, стр. 587.

наго блага «трудъ» изъ его предѣльной полезности; и мы также. По Дитцелю, предѣльная полезность труда выражается въ цѣнности наименѣе важныхъ изъ потребительныхъ благъ, которыя можно было бы произвести при его помощи; или, какъ мы говоримъ, въ цѣнности его предѣльнаго продукта; мы держимся того же мнѣнія [1])». Если въ этихъ замѣчаніяхъ мнѣнія Дитцеля и притянуты нѣсколько къ теоріи предѣльной полезности, то остается тѣмъ не менѣе вполнѣ вѣрнымъ, что положенія, отъ которыхъ отправляется Дитцель, логически приводятъ къ выводу, сдѣланному Бемъ-Баверкомъ.

Возраженія, выдвинутыя Бемъ-Баверкомъ противъ Дитцеля, могутъ быть съ такимъ же успѣхомъ направлены противъ всякой теоріи, которая, сводя стоимость производства къ одному труду, понимаетъ послѣдній какъ цѣнность рабочей силы. Въ какой бы формѣ эта мысль ни представлялась, ея защитникамъ придется отвѣтить на вопросъ: чѣмъ же опредѣляется цѣнность самого труда? Если они отвѣтятъ, какъ Маршаллъ, что соперничество стремится приравнять заработную плату каждаго рабочаго къ «чистому продукту его труда», что̀ означаетъ цѣнность продукта, въ производствѣ которой онъ участвуетъ, по вычетѣ всѣхъ остальныхъ расходовъ производства [2]), то опо́рной точкой ихъ теоріи долженъ быть признанъ принципъ предѣльной полезности: цѣнность продукта опредѣляетъ цѣнность труда, а послѣдняя—стоимость производства. Если же на поставленный выше вопросъ послѣдуетъ отвѣтъ, что цѣнность труда опредѣляется издержками содержанія рабочей силы, то ученіе, построенное на этомъ положеніи, теряетъ всякое значеніе, потому что оно приводитъ къ заколдованному кругу. Издержки содержанія рабочей силы представляютъ совокупную цѣнность продуктовъ, потребляемыхъ рабочимъ; слѣдовательно, цѣнность даннаго продукта сводится къ цѣнности труда, затраченнаго на его изготовленіе, а цѣнность труда къ цѣнности продуктовъ, потребляемыхъ рабочимъ [3]). Ученіе, основанное на издержкахъ содержанія рабочей

---

[1]) Böhm-Bawerk. Werth, Kosten, Grenznutzen, стр. 336.

[2]) Elements of Economics of Industry, 1892, Bk. VI, ch. ii, § 2 и „Principles“.

[3]) Böhm-Bawerk. The Ultimate Standard of Value. Annals etc., Sept. 1894, стр. 33 и сл. См. также Wieser. Ueber den Ursprung etc. стр. 110 и сл. Дитцель еще больше приблизился къ положеніямъ австрійской школы въ своемъ сочиненіи Theoretische Socialökonomik; по этому поводу см. интересныя замѣчанія Бемъ-Баверка

силы, можетъ быть принято за дѣйствительное объясненіе только въ томъ случаѣ, если цѣнность продуктовъ, потребляемыхъ рабочимъ, будетъ сведена къ количеству, а не къ цѣнности труда, затраченнаго на ихъ производство. Но здѣсь мы переходимъ къ трудовой теоріи въ ея чистомъ видѣ; что же касается теорій, принимающихъ за основаніе цѣнность труда, то входить въ ихъ обсужденіе было бы излишне, такъ какъ всѣ возраженія, сдѣланныя выше противъ теоріи предѣльной полезности, относятся и къ ученію Дитцеля, полагавшаго, между тѣмъ что онъ выступаетъ представителемъ классической экономіи.

Другой противникъ австрійской школы, американскій экономистъ Маквэнъ, также выступилъ въ качествѣ защитника классической теоріи, хотя принципы его ученія существенно отличаются отъ воззрѣній Дитцеля. Признавая, какъ и онъ, стоимость производства конечнымъ опредѣлителемъ цѣнности предметовъ, воспроизводимыхъ по желанію, Маквэнъ считаетъ совершенно неправильнымъ взглядъ, котораго держатся относительно стоимости Дитцель и австрійскіе экономисты.

При анализѣ понятія стоимости, по мнѣнію Маквэна, нужно различать точку зрѣнія частно-хозяйственную, которой держится капиталистъ-предприниматель, и народно-хозяйственную, на которой стоитъ экономистъ-теоретикъ. Съ частно-хозяйственной точки зрѣнія стоимость производства представляетъ сумму цѣнностей тѣхъ производственныхъ благъ, которыя затрачиваются предпринимателемъ на изготовленіе продукта; съ народно-хозяйственной—пожертвованія, которыя человѣкъ неизбѣжно долженъ понести ради производства благъ, на какихъ бы началахъ ни былъ организованъ производственный процессъ. Стоимость производства въ первомъ смыслѣ Маквэнъ называетъ предпринимательской или денежной, а во второмъ—экономической или реальной. Переходя къ опредѣленію составныхъ элементовъ реальной стоимости производства, Маквэнъ отрицаетъ возможность сводить ихъ къ одному труду. Для производства блага недостаточно, чтобы человѣкъ затратилъ на его изготовленіе извѣстный запасъ трудовой энергіи; нужно еще чтобы, затративъ свой трудъ,

---

въ статьѣ Zur theoretischen Nationalökonomie der letzten Jahren. Zeitschrift für Volkswirthsch. etc., 7 Bd. III Heft, 1898.

онъ выждалъ его результатовъ; и такъ какъ «ожидать благъ послѣ того, какъ потрудились для ихъ полученія, тяжело, то эта необходимость ожиданія должна быть во всѣхъ случаяхъ включаема въ составъ стоимости [1])». Трудъ и ожиданіе исчерпываютъ содержаніе стоимости.

При первомъ же ознакомленіи съ теоріей Маквэна приходитъ на мысль элементъ «воздержанія», введенный въ ученіе о цѣнности Сеньоромъ и затѣмъ принятыя Кэрнсомъ и многими другими экономистами. Предвидя, что читатель естественно склоненъ будетъ считать обѣ теоріи основанными на одномъ и томъ же началѣ, Маквэнъ приводитъ рядъ доводовъ, которые должны показать, что его элементъ «ожиданія» не то же, что сеньоровское «воздержаніе». Эти доводы слѣдующіе.

Прежде всего желательно имѣть такое опредѣленіе стоимости, которое примѣнялось бы ко всякому производству, при какихъ бы условіяхъ оно ни совершалось; между тѣмъ воздержаніе не представляетъ всеобщаго и необходимаго пожертвованія въ производствѣ: оно строго примѣнимо только къ предпріятіямъ, основаннымъ на наемномъ трудѣ. Дальнѣйшее соображеніе, говорящее противъ идеи Сеньора, заключается въ томъ, что производство должно было предшествовать воздержанію. Первое богатство, отъ котораго воздержались, обладало стоимостью производства, въ составъ которой воздержаніе несомнѣнно не входило.

Желательно также совершенно отдѣлить стоимость производства отъ вопроса о заработной платѣ; между тѣмъ воздержаніе тѣсно связано съ вознагражденіемъ труда, потому что плата рабочаго служитъ мѣри-

---

[1]) S. Macvane. The working Principles of Political Economy. 1890, стр. 99. Кромѣ этого сочиненія Маквэнъ напечаталъ рядъ статей, въ которыхъ подвергъ критическому разбору ученіе австрійскихъ теоретиковъ и развилъ свою точку зрѣнія на цѣнность. Въ статьѣ Böhm-Bawerk on Value and Wages, напечатанный въ Quart. Journ. of Economics, vol. V, 1890—91, Маквэнъ представилъ рядъ возраженій противъ ученія австрійской школы. Ему отвѣчалъ въ Annals of the American Academy of Pol. and. Soc. Science, March 1892,—Визеръ, подвергшій критикѣ ученіе Рикардо, на котораго опирается Маквэнъ, и формулировавшій основанія, по которымъ онъ и его единомышленники отвергаютъ рикардовскую теорію и держатся идеи предѣльной полезности. Маквэнъ отвѣтилъ двумя статьями: Marginal Utility and Value (Quart. Journ. April 1893) и Austrian Theory of Value (Annals, Nov. 1893). Въ обѣихъ статьяхъ не мало интересныхъ и вѣрныхъ замѣчаній по поводу австрійской теоріи.

ломъ воздержанія предпринимателя: если, при равенствѣ прочихъ условій, заработная плата повысится, предприниматель долженъ подвергнуть себя болѣе сильному воздержанію для того, чтобы получить данный продуктъ. Если заработная плата понижается, происходитъ обратное. Поэтому, утверждая, что воздержаніе входитъ въ составъ стоимости производства, мы должны сказать, что стоимость производства измѣняется, вмѣстѣ съ измѣненіями заработной платы.

Стоимость производства въ отличіе отъ того, что экономисты обыкновенно называли «стоимостью труда», по мнѣнію Маквэна,—вопросъ объ отношеніи между людьми, съ одной стороны, и матеріалами и силами природы—съ другой. Это вопросъ о совокупности усилій, или пожертвованій, которыя долженъ понести человѣкъ для того, чтобы получить продукты, ему необходимые. Природа требуетъ только труда, или труда и ожиданія. Какимъ образомъ люди будутъ нести и раздѣлять между собой эти пожертвованія, это вопросъ, касающійся ихъ отношеній между собою; онъ принадлежитъ къ области заработной платы и прибыли, а не производства, какъ таковаго. Воздержаніе класса предпринимателей можетъ быть разсматриваемо, какъ элементъ въ «предпринимательской стоимости». Это пожертвованіе, дѣлаемое съ цѣлью полученія прибыли, скорѣе чѣмъ въ видахъ производства, взятаго само по себѣ. Оно является элементомъ въ стоимости прибыли, а не въ стоимости производства [1]).

Можно согласиться съ Маквэномъ, что его ученіе свободно отъ нѣкоторыхъ возраженій, вызываемыхъ теоріей Сеньора; тѣмъ не менѣе въ конечномъ итогѣ идея «ожиданія» такъ же мало разъясняетъ образованіе цѣнностей, какъ и идея воздержанія.

Если даже предположить, что совершенно невѣрно, будто отъ воли капиталистовъ, какъ класса, всегда зависитъ, дать ли цѣнностямъ, составляющимъ капиталъ, назначеніе въ цѣляхъ личнаго потребленія или производства, то и при этомъ условіи воздержаніе означаетъ только то, что капиталистъ не воспользовался своимъ имуществомъ въ качествѣ потребительныхъ благъ, и далъ ему извѣстное назначеніе въ области производства. Теорія воздержанія утверждаетъ: во-первыхъ, что этотъ актъ капиталиста представляетъ

---

[1]) Working Principles, стр. 387 и сл.

пожертвованіе съ его стороны, и во-вторыхъ, что за него капиталистъ долженъ быть вознагражденъ [1]).

Второе утвержденіе уже предполагаетъ существованіе продукта, т.-е. цѣнности, изъ которой капиталистъ получитъ вознагражденіе за актъ воздержанія; поэтому или приходится признать, что на образованіе цѣнности повліялъ разсчетъ капиталиста на вознагражденіе; или же нужно объяснить образованіе цѣнности независимо отъ условія вознагражденія. Если остановиться на мнѣніи Кэрнса, какъ самаго выдающагося представителя этой теоріи, то первая точка зрѣнія должна быть безусловно отброшена: элементъ вознагражденія ни въ какомъ случаѣ не можетъ входить въ понятіе стоимости. «Изъ всѣхъ идей въ области экономическаго мышленія, говоритъ Кэрнсъ, возражая Миллю, двѣ глубочайшимъ образомъ противоположны другъ другу. Это стоимость производства и вознагражденіе за нее:—пожертвованіе, понесенное человѣкомъ въ производствѣ, и то, что природа даетъ человѣку взамѣнъ этого пожертвованія... Такимъ образомъ, стоимость и вознагражденіе экономическія антитезы настолько, что небольшая стоимость и большое вознагражденіе вполнѣ равнозначущія выраженія» [2]).

Въ такомъ случаѣ остается разсматривать воздержаніе капиталиста исключительно какъ актъ пожертвованія, аналогичный труду, и съ этой точки зрѣнія объяснить его вліяніе на образованіе цѣностей. Отличіе воздержанія отъ труда заключается въ томъ, что оно представляетъ актъ отрицательнаго характера [3]). Если смыслъ его тотъ, что капиталистъ оказалъ услугу производству, предоставивъ ему свой капиталъ, то это объясняетъ только основаніе, по которому онъ требуетъ себѣ часть произведенной цѣнности, но ничего не говоритъ о процессѣ ея образованія. Если все дѣло въ томъ, что безъ участія капитала цѣнность не могла бы быть произведена, то нужно признать капиталъ факторомъ образованія цѣнности, совершенно независимо отъ того, кѣмъ и по какимъ мотивамъ было дано позволеніе пользоваться имъ, хотя бы безъ такого позволенія производство не могло состояться. Если отецъ раз-

---

[1]) См. напр. Cairnes: Some leading Principles of Political Economy, 1884, стр. 80 и слѣд.

[2]) Тамъ же, стр. 49.

[3]) Тамъ же, стр. 80.

рѣшилъ сыну работать въ мастерской, то никто не будетъ сомнѣваться въ томъ, что факторомъ образованія цѣнностей, въ производствѣ которыхъ участвовалъ мальчикъ, нужно признать его трудовую энергію, а не разрѣшеніе отца, хотя безъ послѣдняго условія мальчикъ не работалъ бы. Это единственная точка зрѣнія, съ которой теорія воздержанія можетъ имѣть вообще какой-нибудь смыслъ; но и при такомъ толкованіи, наиболѣе благопріятномъ для нея, она не имѣетъ никакого прямого отношенія къ образованію цѣнности. Строгое же проведеніе аналогіи между воздержаніемъ и трудомъ, какъ факторами цѣнности, можетъ привести только къ абсурду, именно, къ утвержденію, что непотребленіе капиталиста создаетъ цѣнность.

Ученіе Маквэна въ концѣ-концовъ также мало даетъ для пониманія процесса образованія цѣнностей, какъ и теорія воздержанія. Идея Маквэна заключается въ слѣдующемъ. Предположимъ простѣйшій случай. Производитель, который работаетъ не по найму, а за свой собственный счетъ и для собственнаго потребленія, затратилъ извѣстный, необходимый по техническимъ условіямъ запасъ энергіи на производство нужнаго ему предмета; но этого мало: природа не сразу даетъ ему продуктъ, для изготовленія котораго онъ сдѣлалъ все, что могъ; она заставляетъ его ждать, и это ожиданіе представляетъ пожертвованіе, которое входитъ въ составъ стоимости. Прежде всего нужно замѣтить, что элементъ ожиданія при предположенныхъ нами условіяхъ, т.-е. при производствѣ для личнаго потребленія, отнюдь не представляется безусловно необходимымъ: во множествѣ случаевъ продуктъ оказывается готовымъ въ тотъ самый моментъ, когда производство его заканчивается. Правда, въ другихъ случаяхъ производитель, затративъ трудъ для извѣстнаго блага, получаетъ его лишь по истеченіи нѣкотораго промежутка времени. Таково напр. положеніе земледѣльца или виноградаря. Первому приходится выжидать, пока хлѣбъ взойдетъ и созрѣетъ, второму—пока произойдетъ процессъ броженія винограднаго сока. Они должны ожидать. Что же это значитъ? Это значитъ, что имъ не приходится предпринимать никакихъ дѣйствій для производства хлѣба и вина, потому что естественные процессы, которымъ подвергаются зерно и виноградный сокъ, совершаются безъ помощи человѣка. Если, кромѣ труда, эти процессы содѣйствуютъ образованію цѣнностей, то нужно объяснить, почему и какимъ образомъ природа создаетъ цѣнность въ тѣхъ

случаяхъ, когда она работаетъ безъ участія человѣка, и не создаетъ ея, когда ея силы помогаютъ человѣку въ его работѣ. Если же отвергнуть этотъ взглядъ, то становится совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ земледѣлецъ или виноградарь участвуютъ въ образованіи цѣнности хлѣба и вина тогда, когда они ничего не дѣлаютъ для производства этихъ предметовъ, занимаясь можетъ быть въ это время изготовленіемъ другихъ продуктовъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ хлѣбу и вину.

Элементъ ожиданія можетъ оказать вліяніе на относительную цѣнность продуктовъ земледѣльца и виноградаря, когда они вступятъ между собою въ обмѣнъ. Если предположить, что оба они затратили на изготовленіе своихъ продуктовъ одинаковое количество труда, но виноградарь долженъ былъ ожидать въ два раза больше времени, чѣмъ земледѣлецъ, то въ такомъ случаѣ вино будетъ обмѣниваться на хлѣбъ не пропорціонально количеству труда, затраченнаго на производство каждаго изъ нихъ, а въ отношеніи менѣе выгодномъ для вина. Это фактъ, который нужно объяснить и котораго не можетъ объяснить терминъ «ожиданіе». Послѣднее указываетъ только на то, что продуктъ не былъ готовъ, когда закончился трудовой процессъ, обусловленный его производствомъ, но почему въ промежутокъ времени, протекшій между этимъ моментомъ и появленіемъ продукта въ готовомъ видѣ, возросла цѣнность, ради которой былъ затраченъ трудъ, это остается необъясненнымъ. Если природа или капиталъ являются причинами этого факта, то ожиданіе не объясняетъ ихъ дѣйствія на цѣнность. Если же природа и капиталъ не причемъ, то нужно признать одно изъ двухъ: или что цѣнность продукта возросла потому, что на нее повліяло вознагражденіе, котораго потребовалъ производитель за ожиданіе, или же, что отрицательный моментъ *неучастія* въ производствѣ способенъ производить цѣнность. Въ первомъ случаѣ мы придемъ къ принципу, безусловно отвергаемому Маквэномъ, именно, къ признанію доходовъ элементами цѣнности; во второмъ получается абсурдъ. Въ томъ и другомъ случаѣ—тотъ же результатъ, какой получился отъ анализа теоріи воздержанія: и Маквэнъ, и Кэрнсъ одинаково стремились построить ученіе о цѣнности на принципѣ стоимости, понимаемой какъ «затрата» или «пожертвованіе», и обоимъ, чтобы спасти свою теорію, приходится прикрыть ея несостоятельность терминомъ

ничего необъясняющимъ, или отказаться отъ принципа, послужившаго ея основаніемъ.

Устранивъ разсмотрѣнныя выше теоріи, мы ограничили поле изслѣдованія ученіемъ о цѣнности, исходящимъ отъ труда, какъ количества энергіи, затраченной на производство. Это трудовая теорія въ ея чистомъ видѣ. Возраженія, направленныя противъ ея принципа, могутъ быть выражены въ слѣдующихъ пунктахъ; именно: что всѣ факторы производства не могутъ быть сведены къ труду, что трудъ не служитъ основаніемъ субъективной оцѣнки предметовъ и, наконецъ, что онъ не является опредѣлителемъ объективной цѣнности и цѣны.

Разсмотримъ эти возраженія.

Для техника представляется безспорнымъ, что трудъ не единственный факторъ производства, такъ какъ безъ содѣйствія природы производство не можетъ совершаться; но съ хозяйственной точки зрѣнія, если отправляться отъ закона стоимости, нужно признать факторами производства только тѣ условія производственнаго процесса, которыя вліяютъ на стоимость. Это трудъ, капиталъ и земля. Противники теоріи цѣнности, основанной на стоимости, утверждаютъ, какъ мы видѣли выше, что сведеніе цѣнности къ стоимости производства ничего не объясняетъ, потому что это значитъ сводить цѣнность одного продукта къ цѣнности другихъ; но это возраженіе не касается тѣхъ сторонниковъ трудовой теоріи, которые утверждаютъ, что они имѣютъ въ виду не цѣнность, а количество труда, непосредственно затраченнаго на производство, и что цѣнность остальныхъ элементовъ стоимости можетъ быть также сведена къ количеству труда, затраченнаго на ихъ производство. Это положеніе основывается на теоріи ренты Рикардо и его же ученіи о трудѣ, косвенно затраченномъ на производство. На основаніи этого ученія, согласно тому пониманію его, которое вообще установилось въ литературѣ, рента не вліяетъ на цѣну продуктовъ земли, потому что цѣна ихъ опредѣляется ихъ цѣнностью на послѣднемъ участкѣ, не приносящемъ ренты. Такимъ образомъ, вопросъ сводится къ разсмотрѣнію роли только двухъ факторовъ—труда и капитала. Первый разсматривается какъ количество энергіи, затраченной на производство; что же касается второго, то онъ представляетъ такой же продуктъ, какъ всякій другой, и слѣдовательно его цѣнность

опредѣляется согласно общему закону, т. е. по количеству труда, затраченнаго на производство предметовъ, составляющихъ капиталъ.

Вся сила приведенной аргументаціи опирается на ученіе Рикардо о рентѣ, потому что оно даетъ возможность утверждать, что земля не имѣетъ самостоятельной цѣнности; ея покупательная сила, и если подразумѣвать подъ этимъ мѣновую цѣнность, то ея мѣновая цѣнность и цѣна опредѣляются цѣнностью и цѣною продукта, которыя въ свою очередь зависятъ отъ количества труда, затраченнаго на ихъ производство. Цѣнность земли не оказываетъ вліянія на цѣнность продукта и можетъ быть игнорируема при обсужденіи вліянія отдѣльныхъ факторовъ производства на стоимость, а слѣдовательно и на цѣнность. Эти заключенія необходимо вытекаютъ изъ ученія Рикардо о рентѣ, но подобно всей рикардовской системѣ и эта теорія имѣетъ гипотетическій характеръ: она вѣрна лишь при наличности извѣстныхъ условій, и одно изъ нихъ. заключается въ томъ, что запасъ земли, равный по качеству худшему участку, практически неограниченъ и всѣмъ доступенъ. Только при этомъ условіи можно утверждать, что послѣдній участокъ не будетъ приносить ренты, потому что если бы земельный собственникъ потребовалъ ея, фермеръ обратился бы къ обработкѣ другого участка такого же качества. Но что произошло бы, если другого такого участка не оказалось? Тогда случилось бы одно изъ двухъ: или фермеръ предпочелъ бы вложить свой капиталъ въ промышленность и получать на него обычный процентъ, вмѣсто того, чтобы урѣзывать свой доходъ, чтобы платить ренту; или же цѣна на хлѣбъ поднялась бы настолько, чтобы оплачивать не только расходы на послѣднемъ участкѣ, но и доходъ землевладѣльца. Тогда возникла бы рента и на послѣднемъ участкѣ; и ея причиной была бы не цѣнность продукта, опредѣляемая трудомъ, а цѣнность земли, опредѣляемая ея рѣдкостью, по терминологіи Рикардо, и ея предѣльной полезностью, по терминологіи австрійской школы. Рикардо всегда предполагаетъ, что земля худшаго качества находится въ условіяхъ свободнаго блага, и тогда можетъ существовать только дифференціальная рента, которая не вліяетъ на стоимость и черезъ нее на цѣнность. Въ дѣйствительности, бываетъ однако иначе: земля всѣхъ качествъ представляетъ хозяйственное благо, потому что ея количество ограничено; и это обстоятельство служитъ основаніемъ ея цѣнности и причиной, вы-

зывающей существованіе абсолютной ренты. Поэтому, цѣнность земли какъ фактора производства нельзя свести къ труду.

Основная мысль изложеннаго возраженія была высказана Книсомъ въ его сочиненіи о кредитѣ, а въ новѣйшее время развита Визеромъ и др. [1]).

Нельзя отрицать справедливости приведенныхъ соображеній, оставаясь вмѣстѣ съ Рикардо на почвѣ того положенія, что цѣнность имѣетъ два источника: рѣдкость и трудъ. Если рѣдкость вообще можетъ служить причиной цѣнности, то земля, при ограниченномъ ея количествѣ, всегда будетъ хозяйственнымъ благомъ, обладающимъ цѣнностью, независимо отъ труда; и это справедливо для всякой организаціи народнаго хозяйства, будетъ ли служить ея основаніемъ право частной собственности или нѣтъ.

Что касается другого фактора производства, капитала, то аргументы, представляемые противъ его сведенія къ труду, неубѣдительны. Авторы, возражающіе противъ такого сведенія, разсуждаютъ слѣдующимъ образомъ.

Книсъ руководится тѣмъ, что капиталъ необходимъ для производства и поэтому нужно вознаграждать тѣхъ, которые соглашаются предоставить его въ пользованіе другихъ. Онъ доказываетъ, что по существу дѣло нисколько не измѣнилось бы, если бы мѣсто частнаго капиталиста заняло государственное или частное учрежденіе или общество рабочихъ. Во всякомъ случаѣ, капиталъ не могъ бы быть предоставленъ въ пользованіе подъ условіемъ, чтобы производители потребительнаго блага только возмѣщали израсходованныя доли капитала. Это было бы противно принципу справедливости, правилу «равное право для всѣхъ» [2]).

Соображенія Книса относятся къ вопросу о происхожденіи и справедливости или законности процента на капиталъ, но не имѣютъ никакого отношенія къ цѣнности продуктовъ, составляющихъ капиталъ. Орудія производства, сырые матеріалы—такія же хозяйственныя блага, какъ и продукты потребленія. Поэтому принципъ, опредѣляющій цѣнность послѣднихъ, примѣнимъ и къ тѣмъ предме-

---

[1]) K. Knies. Der Credit. II. 1879, стр. 68. Wieser. Der natürliche Werth, стр. 116 и сл.

[2]) Der Credit, II, стр. 72.

тамъ, которые, представляя блага, воспроизводимыя по желанію, служатъ цѣлямъ производства.

Столь же мало основательны соображенія Визера. Утверждая, что при оцѣнкѣ капитала люди руководствуются не тѣмъ, что на него затрачено было такое-то количество труда, а тѣмъ, какую пользу можно получить отъ него въ производствѣ, онъ заключаетъ, что капиталы оцѣниваются по ихъ полезности, а не по принципу трудовой цѣнности [1]). Такимъ образомъ вопросъ сводится къ тому, можетъ ли трудъ вообще служить основаніемъ оцѣнки. Если можетъ, то и цѣнность капиталовъ будетъ опредѣляться трудомъ; если же нѣтъ, то вопросъ о сведеніи цѣнности капитала къ труду является излишнимъ.

Мы подошли ко второму возраженію противъ трудовой теоріи, развитому Визеромъ; именно, что трудъ вообще не можетъ служить основаніемъ субъективной оцѣнки хозяйственныхъ благъ. Вопросъ, подлежащій изслѣдованію, заключается въ слѣдующемъ: можно ли найти объясненіе оцѣнки благъ въ томъ, что блага стоятъ труда?

Визеръ отвѣчаетъ на поставленный вопросъ условно. Если предположить, что другіе факторы производства, кромѣ труда, не принимаются во вниманіе, то нельзя отрицать того, что соображеніе о трудѣ, необходимомъ для производства предмета, можетъ вліять на его оцѣнку. Это соображеніе опредѣляетъ цѣнность, но лишь при извѣстныхъ условіяхъ хозяйственной жизни, именно, когда существуетъ избытокъ рабочихъ силъ. При такихъ условіяхъ утрата какого-либо предмета вызываетъ въ умѣ субъекта представленіе о трудѣ, который онъ долженъ будетъ потратить, чтобы произвести другой такой же предметъ; и это представленіе, основанное на идеѣ труда, и опредѣляетъ оцѣнку благъ. Таково отношеніе между трудомъ и субъективной цѣнностью въ первобытномъ хозяйствѣ. Иное дѣло современное положеніе, когда вслѣдствіе расширенія потребностей, рабочая сила представляетъ производственное благо, имѣющееся въ ограниченномъ количествѣ. При этихъ условіяхъ трудъ оцѣнивается такъ же, какъ и всѣ другія блага, т. е. на основаніи его полезности, какъ фактора производства. Рабочая сила сдѣлалась хозяйственнымъ бла-

---

[1]) Ueber den Ursprung etc., стр. 112 и сл.

гомъ, имѣющимъ свою самостоятельную цѣнность, исходящую отъ полезности продукта. При утратѣ какого-либо продукта наши соображенія не останавливаются на количествѣ труда, которое придется затратить для того, чтобы воспроизвести этотъ предметъ. Вслѣдствіе ограниченности рабочей силы, которою мы располагаемъ, намъ необходимо сообразить, какой предѣльный продуктъ могъ бы быть произведенъ при помощи даннаго количества рабочей силы. Этимъ путемъ опредѣлится цѣнность послѣдней и цѣнность того продукта, который мы желаемъ воспроизвести [1]). Если трудъ не служитъ опредѣлителемъ субъективной цѣнности, то онъ не можетъ служить также и опредѣлителемъ объективной мѣновой цѣнности и цѣны, — потому что послѣднія представляютъ продуктъ столкновенія субъективныхъ оцѣнокъ на рынкѣ.

Приведенныя соображенія предполагаютъ доказанной и принятой теорію предѣльной полезности, такъ что единственное заключеніе, къ которому они могутъ привести, сводится къ тому, что ставъ на точку зрѣнія предѣльной полезности нельзя признать трудовой теоріи; что̀ неподлежитъ никакому сомнѣнію. Поэтому Визеръ вѣрно резюмируетъ свои доводы, замѣчая, что «трудовая теорія будетъ опровергнута, какъ только теорія предѣльной полезности будетъ закончена» [2]). Но до сихъ поръ она не закончена.

Не возбуждая вопроса о принципѣ субъективной цѣнности, мы напомнимъ, что по нашему мнѣнію австрійская теорія не представила еще, съ точки зрѣнія принятаго ею принципа, удовлетворительнаго объясненія объективной мѣновой цѣнности и цѣны. Поэтому, если бы даже все высказанное Визеромъ объ отношеніи между трудомъ и субъективной цѣнностью было вѣрно, это не давало бы права заключать, что трудъ не играетъ никакой роли при опредѣленіи объективной цѣны: связь между субъективной и объективной цѣнностью не доказана.

Намъ остается еще разсмотрѣть возраженія противъ трудовой теоріи, относящіяся къ области образованія цѣнъ. Они выдвинуты Бемъ-Баверкомъ, сужденія котораго мы и приводимъ.

---

[1]) Тамъ же, стр. 108 и слѣд.

[2]) Тамъ же, стр. 120.

«Въ томъ варіантѣ трудовой теоріи, типъ котораго всего яснѣе выраженъ въ соціалистической литературѣ, говоритъ Бемъ-Баверкъ, ссылаются для объясненія явленій цѣнности на какія нибудь данныя, опредѣляемыя внѣшними, чисто техническими отношеніями и поэтому не требующія объясненія въ области экономической науки или по крайней мѣрѣ въ ученіи о цѣнности; таковы, напр., количество труда, число рабочихъ часовъ, которыхъ стоило или могло бы стоить изготовленіе продукта. Подобная теорія можетъ быть вѣрна или невѣрна, но во всякомъ случаѣ она представляетъ законченную, готовую теорію. Она доводитъ объясненіе до такого пункта, который лежитъ внѣ явленія, составляющаго предметъ изслѣдованія, и поэтому представляетъ для нея архимедову точку. Если для объясненія цѣнности какого-либо блага я могу сослаться на то, что его изготовленіе стоило семь часовъ труда, то я сослался на извѣстный самостоятельный фактъ, надъ которымъ нечего больше мудрить. Если вообще для объясненія цѣнности я могу сослаться на этотъ фактъ, то при такой ссылкѣ объясненіе можетъ считаться законченнымъ. Вопросъ, конечно, заключается въ томъ, могу ли я ссылаться на этотъ фактъ. Здѣсь въ качествѣ Сциллы теоріи стоимости производства (понимаемой какъ трудовая теорія) угрожаетъ подводная скала фактовъ. О нее разбивается объясненіе, основанное на количествѣ труда, и всякое другое того же рода, потому что просто фактически невѣрно, что цѣнность благъ, воспроизводимыхъ по желанію, находится въ зависимости исключительно отъ количества затраченнаго на нихъ труда. Напр., блага, требующія для своего производства затраты одинаковыхъ количествъ труда, но въ періоды времени различной продолжительности и съ затратой неодинаковыхъ капиталовъ, какъ свидѣтельствуетъ опытъ, представляютъ вполнѣ различныя цѣнности. Или, если при затратѣ совершенно одинаковыхъ количествъ труда повышается вознагражденіе, которое уплачивается за него, то на практикѣ дѣло не обойдется безъ повышенія цѣнности соотвѣтствующаго продукта» [1]). Приведенная выдержка, формулируя главное возраженіе Бемъ-Баверка противъ трудовой теоріи, оставляетъ желать многаго въ отношеніи точности, не опредѣляя, идетъ ли рѣчь о субъективной или объективной цѣнности и не объясняя съ достаточ-

[1]) Werth, Kosten und Grenznutzen, стр. 330 и сл.

ной опредѣленностью, что́ собственно отрицаетъ авторъ—то ли, что хозяйственныя блага производятся исключительно однимъ трудомъ или, что ихъ покупательная сила опредѣляется только этимъ факторомъ.

Въ своемъ сочиненіи о капиталѣ Бемъ-Баверкъ подробно излагаетъ свои возраженія, но и тамъ указанная неясность не вполнѣ устраняется [1]). Судя по общему смыслу изложенія, нужно придти къ заключенію, что доводы Бемъ-Баверка сводятся къ тому что покупательная сила хозяйственныхъ благъ, или ихъ объективная мѣновая цѣнность и цѣна, опредѣляется не только количествомъ труда, затраченнаго на производство, но и другими условіями: продолжительностью производственнаго періода и размѣрами вложеннаго въ производство капитала. Доказывается эта мысль тѣмъ, что цѣлая категорія благъ, по признанію самого Рикардо, изъята изъ дѣйствія закона трудовой цѣнности. Это тѣ блага, цѣнность которыхъ по рикардовской теоріи, опредѣляется ихъ рѣдкостью. Во-вторыхъ, согласно той же теоріи, законъ трудовой цѣнности, въ вышеприведенной формулировкѣ, подверженъ ряду исключеній, связанныхъ съ различіями въ составѣ капиталовъ и времени ихъ оборота. Наконецъ, въ-третьихъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда законъ трудовой теоріи осуществляется, это происходитъ не въ полной мѣрѣ, потому что фактическая цѣна подъ вліяніемъ спроса и предложенія всегда уклоняется отъ той, которая опредѣляется количествомъ труда, затраченнаго на производство. Резюмируя свои возраженія Бемъ-Баверкъ говоритъ: «мнимый законъ», будто цѣнность продуктовъ опредѣляется количествомъ труда, затраченнаго на ихъ производство, на значительную часть благъ *вовсе не* распространяется, на остальныя блага распространяется *не всегда*, но даже когда распространяется на нихъ, то *никогда* въ полной мѣрѣ. Таковъ смыслъ представляемаго опытомъ матеріала, съ которымъ долженъ считаться теоретикъ цѣнности» [2]).

Подведемъ итогъ изложеннымъ возраженіямъ противъ трудовой теоріи. Если отбросить тѣ изъ нихъ, которыя были уже разсмотрѣны и отвергнуты, какъ не выдерживающія критики, то останется два довода, съ которыми нужно считаться.

---

[1]) Kapital und Kapitalzins, I, 403 и слѣд. 427 и сл.

[2]) Тамъ же,ст р. 441.

Первый заключается въ томъ, что стоимость производства нельзя свести къ одному труду. Второй — что трудъ не можетъ быть признанъ единственнымъ опредѣлителемъ объективной мѣновой цѣнности и цѣны, уже по одному тому, что многочисленныя и важныя ограниченія, которымъ это положеніе подлежитъ, по признанію его собственныхъ защитниковъ, въ концѣ концовъ лишаютъ его всякаго практическаго значенія.

Изъ этихъ двухъ доводовъ первый можетъ быть признанъ имѣющимъ силу безъ ущерба для трудовой теоріи. Пусть будетъ доказано, что не всѣ элементы стоимости могутъ быть сведены къ труду, но вѣдь не обязательно утверждать, что всѣ элементы стоимости вліяютъ на цѣнность. Можетъ быть, такое вліяніе оказываютъ только нѣкоторые элементы и тѣ именно, которые могутъ быть сведены къ труду; а можетъ быть такое вліяніе оказываетъ только трудъ.

Второй доводъ самъ по себѣ не представляетъ еще возраженія противъ теоретическаго закона. Послѣдній выражаетъ только тенденцію, которая осуществляется при наличности извѣстныхъ условій; и если эти условія имѣютъ реальное основаніе, а логическое разсужденіе, приведшее къ установленію закона, было вѣрно, то и самый законъ вѣренъ, хотя бы дѣйствіе его видоизмѣнялось или парализовалось причинами, не входящими въ составъ гипотетическихъ условій, съ которыми онъ связанъ.

Трудовая теорія цѣнности устоитъ противъ возраженій, приведенныхъ выше, если будетъ доказано, что при наличности опредѣленныхъ условій, отвѣчающихъ реальнымъ фактамъ и характеризующихъ существующій экономическій порядокъ, трудъ является единственной причиной вліяющей на цѣнность. Классическая школа выдвинула теорію, заключающую такое именно положеніе въ примѣненіи къ объективной мѣновой цѣнности и цѣнѣ, но истинный смыслъ ученія классиковъ затемняется частью недостатками ихъ же собственныхъ изслѣдованій, частью же, и главнымъ образомъ, истолкованіемъ, которое получили ихъ воззрѣнія на цѣнность со стороны нѣкоторыхъ позднѣйшихъ экономистовъ. Наша задача заключается въ томъ, чтобы установить содержаніе и научное значеніе идей о цѣнности, проводившихся экономистами классической школы.

ГЛАВА III.

Въ экономической литературѣ установился, по нашему мнѣнію, совершенно неправильный взглядъ на ученіе о цѣнности Смита и Рикардо и вмѣстѣ съ тѣмъ всей той группы писателей, которую принято называть классической школой Политической Экономіи; и намъ думается, что возраженія, дѣлаемыя противъ т. н. трудовой теоріи цѣнности, направлены противъ этого неправильно понятаго ученія классиковъ. Въ чемъ заключаются основы развитой ими теоріи цѣнности? На этотъ вопросъ мы и постараемся отвѣтить.

Несмотря на нѣкоторыя попытки развѣнчать Смита, онъ тѣмъ не менѣе считается основателемъ современной Политической Экономіи; однако было бы трудно раздѣлить это мнѣніе, если бы значеніе автора «Богатства народовъ» въ экономической наукѣ опредѣлялось на основаніи установившагося мнѣнія о его воззрѣніяхъ на цѣнность. Противъ этихъ воззрѣній въ томъ видѣ, какой обычно придается имъ, выдвинуты такія возраженія, которыя лишаютъ ихъ не только современнаго, но и какого бы то ни было историческаго значенія.

Первые отзывы о сочиненіи Смита почти не касались его теоретическихъ положеній. Критики сосредоточили свое вниманіе главнымъ образомъ на тѣхъ сторонахъ смитовскаго ученія, которыя или представляли практическій интересъ, затрогивая интересы тѣхъ или другихъ классовъ, или направлены были противъ господствовавшихъ въ то время представленій о природѣ народнаго богатства. Первый критикъ Смита Паунолль [1]) возражалъ ему по цѣлому ряду вопросовъ: о раздѣленіи труда, о цѣнности и цѣнѣ, о деньгахъ и тор-

---

[1]) A Letter from Governor Pownall to Adam Smith. 1776. Стр. 543.

говой политикѣ; и многія изъ его возраженій заслуживаютъ вниманія. Каутцъ неправильно характеризуетъ Паунолля, называя его меркантилистомъ [1]). Онъ не проводитъ въ своихъ возраженіяхъ какой-нибудь опредѣленной доктрины и вообще не выступаетъ съ научной критикой ученія Смита. Паунолль стоитъ на чисто-практической точкѣ зрѣнія и, если нѣкоторыя его замѣчанія относятся къ теоретическимъ вопросамъ, то они носятъ во всякомъ случаѣ случайный характеръ и представляютъ скорѣе соображенія практическаго дѣятеля, чѣмъ теоретика. Паунолль выступаетъ защитникомъ интересовъ землевладѣльческаго и торговаго класса и съ этой точки зрѣнія находитъ вполнѣ правильными принципы, на которыхъ построены были въ его время торговыя отношенія между Великобританіей и ея колоніями. При этомъ онъ подвергаетъ критикѣ ученіе Смита о томъ, что монополія отвлекаетъ британскіе капиталы отъ торговли съ другими странами и искусственно вводитъ ихъ въ колоніальную торговлю. На чемъ, спрашиваетъ онъ, основано это утвержденіе [2]). Въ основаніи его лежитъ полное a priori, и, насколько имѣются данныя по этому вопросу, они опровергаютъ Смита, свидѣтельствуя, что торговля Великобританіи съ другими европейскими странами росла параллельно съ ея колоніальной торговлей. Особенно любопытны замѣчанія Паунолля о деньгахъ. Онъ настаиваетъ на томъ, что деньги нельзя считать только орудіемъ обращенія, такъ какъ они являются прежде всего выраженіемъ и мѣриломъ цѣнности. Поэтому бумажныя деньги могутъ только представлять металлическія, но не функціонировать самостоятельно. Наконецъ, Паунолль касается также вопроса о цѣнности и цѣнѣ и возражаетъ противъ утвержденія Смита, что мѣриломъ цѣнности служитъ трудъ и что существуетъ естественная цѣна. Книга Паунолля, представляетъ наиболѣе интересное сочиненіе о Смитѣ, вышедшее въ первые годы послѣ появленія «Изслѣдованія о богатствѣ народовъ» [2]), но теоретическаго значенія она не имѣетъ.

---

[1]) Kautz. Die geschichtliche Entwickelung der National—Oekonomik. 1860, стр. 543.

[2]) Изъ другихъ сочиненій того времени, посвященныхъ Смиту или вызванныхъ появленіемъ его трактата, назовемъ слѣдующія. Вышедшая въ 1797 г. книга The essential Principles of the Wealth of Nations illustrated in opposition to some false doctrines of Dr. Adam Smith and others представляетъ защиту физіократовъ и разборъ возраженій Смита противъ ихъ ученія. Тому же предмету посвящено изслѣдованіе

Научная критика Смита начинается съ выхода въ свѣтъ въ 1804 г. сочиненія лорда Лодердэля: «Изслѣдованіе о природѣ и происхожденіи общественнаго богатства», въ которомъ подробно разсмотрѣно ученіе о цѣнности, развитое въ смитовскомъ трактатѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ изложена самостоятельная теорія по этому предмету.

Лодердэль выступилъ рѣшительнымъ противникомъ трудового начала. Подъ цѣнностью онъ разумѣетъ свойство предмета, сообщающее ему способность входить въ составъ частнаго имущества; но это свойство не представляетъ чего-либо присущаго предмету отъ природы; реальной, внутренней или неизмѣнной цѣнности не существуетъ. Лодердэль разсматриваетъ цѣнность какъ понятіе субъективное, опредѣляемое отношеніемъ человѣка къ предмету. Поэтому онъ полагаетъ, что предметъ пріобрѣтаетъ цѣнность при двухъ условіяхъ: во-первыхъ, когда онъ составляетъ объектъ желаній человѣка; во-вторыхъ, когда онъ является въ извѣстной степени рѣдкимъ. Отъ измѣненія этихъ условій зависятъ и колебанія цѣнности. Съ точки зрѣнія субъективнаго принципа Лодердэль высказываетъ рядъ возраженій противъ трудоваго начала.

Такъ какъ не существуетъ неизмѣнной цѣнности, то не можетъ существовать и неизмѣннаго мѣрила цѣнности. Между тѣмъ, если бы такимъ мѣриломъ служилъ трудъ, то величина цѣнности каждаго предмета могла бы быть выражена въ опредѣленномъ количествѣ этого мѣрила. Кромѣ того, Лодердэль возражаетъ противъ утвержденія Смита, что трудъ никогда не измѣняется въ своей собственной цѣнности. Лодердэль утверждаетъ, что трудъ принадлежитъ къ предметамъ, цѣнность которыхъ подвержена наиболѣе сильнымъ колебаніямъ. Въ доказательство этого мнѣнія онъ приводитъ изъ Смита рядъ цитатъ, показывающихъ, что цѣнность труда измѣняется

Уэкфильда (D. Wakfield): An Essay upon Political Economy, появившееся въ 1799 г. Книга Кроуфорда (G. Craufurd): The Doctrine of Equivalents or an Explanation of the Nature, the Value, and the Power of Money (1794) — весьма неудачная попытка построить ученіе о деньгахъ на обновленныхъ началахъ меркантилизма. Наконецъ, брошюрка: Adam Smith and Th. Paine, появившаяся въ Германіи въ 1796 г., представляла только личный интересъ: авторъ ея Джорсонъ (Joerson) доказываетъ, что Пэнъ, памфлетъ котораго, вышедшій на континентѣ, былъ проникнутъ ненавистью къ Англіи, основанъ на совершенно иныхъ идеяхъ, чѣмъ изслѣдованіе Смита.

въ краткіе и продолжительные промежутки времени, въ разныхъ странахъ и въ разныхъ частяхъ одной и той же страны.

Другой аргументъ Лодердэля противъ Смита заключается въ томъ, что съ точки зрѣнія самого Смита трудъ не можетъ быть признанъ мѣриломъ цѣнности, потому что бо́льшая часть труда въ современномъ обществѣ, согласно его же теоріи, должна быть признана непроизводительной. Какимъ же образомъ непроизводительный трудъ можетъ быть мѣриломъ цѣнности? Если же предположить, что только производительный трудъ можетъ быть мѣриломъ цѣнности, то нужно припомнить ученіе Смита о раздѣленіи труда, какъ условіи, увеличивающемъ его производительность. Какимъ же образомъ, спрашиваетъ Лодердэль, можно утверждать, будто онъ никогда не измѣняется въ своей цѣнности? [1]).

Критика Лодердэля не оказала никакого вліянія на дальнѣйшую литературу о Смитѣ. Его полемика съ лордомъ Бруэмомъ, коснувшаяся между прочимъ и вопроса о цѣнности, была единственнымъ слѣдомъ, оставленнымъ сочиненіемъ Лодердэля; но этотъ слѣдъ свидѣтельствуетъ только о смутности идей, съ которыми выступали противники. Упомянутый споръ имѣетъ только нѣкоторый историческій интересъ въ томъ отношеніи, что онъ представляетъ, правда, въ крайне туманной формѣ, прообразъ нынѣшняго спора между сторонниками субъективнаго и объективнаго понятія о цѣнности. Лодердэль является представителемъ перваго направленія, Бруэмъ — второго. Въ сочиненіи Лодердэля выдвигается значеніе потребительной цѣнности, и ей придается смыслъ понятія относительнаго; Бруэмъ, напротивъ, настаиваетъ на существованіи внутренней абсолютной цѣнности предметовъ и отождествляетъ ее съ потребительной цѣнностью Смита. У Лодердэля мы встрѣчаемъ попытку раздѣлить понятія потребительной цѣнности и полезности, отождествленіе которыхъ составляетъ характерную черту классической экономіи; но эта попытка построена на такихъ шаткихъ представленіяхъ о предметѣ, что успѣха она не могла имѣть [2]).

---

[1]) An Inquiry into the Nature and Origin of Public Wealth and into the Means and causes of its increase. By the earl of Lauderdale. 1804. Второе изданіе дополненное, но не измѣненное по существу вышло въ 1819 г.

[2]) Критическая статья Бруэма (Brougham) была помѣщена въ Edindurgh Review за 1804 г. Лодердэль отвѣчалъ ему брошюрой: Observations by the earl of Lauderdale

Господствующее въ литературѣ воззрѣніе на теорію цѣнности Смита установлено Рикардо. По его мнѣнію, Смитъ указалъ истинный источникъ мѣновой цѣнности, признавъ, что она регулируется трудомъ, затрачиваемымъ на производство предмета. Но если трудъ представляетъ «первоначальный источникъ» цѣнности, то онъ является и ея мѣриломъ; и такъ какъ мѣновая цѣнность предметовъ регулируется трудомъ «реализованнымъ въ нихъ», то и мѣриломъ ихъ цѣнности можетъ служить только трудъ, затраченный на ихъ производство. Высказывая эту идею, Смитъ, по мнѣнію Рикардо, устанавливаетъ истинныя основанія ученія о цѣнности; но онъ не выдерживаетъ правильной точки зрѣнія.

«Адамъ Смитъ, замѣчаетъ Рикардо, который съ такой точностью опредѣлилъ первоначальный источникъ мѣновой цѣнности и, чтобы быть послѣдовательнымъ, обязанъ былъ утверждать, что всѣ вещи становятся болѣе или менѣе цѣнными, соотвѣтственно съ тѣмъ, больше или меньше труда затрачено было на ихъ производство, самъ установилъ другое мѣрило цѣнности, говоря, что вещи болѣе или менѣе цѣнны соотвѣтственно съ тѣмъ, на большее или меньшее количество этого мѣрила они обмѣниваются. Въ однихъ случаяхъ онъ говоритъ о хлѣбѣ, въ другихъ о трудѣ, какъ о мѣрилѣ: не о количествѣ труда, затраченнаго на производство какого-либо предмета, но о количествѣ, которымъ послѣдній можетъ располагать на рынкѣ; какъ будто это два равнозначащихъ выраженія и будто по той причинѣ, что трудъ человѣка сдѣлался въ два раза болѣе производительнымъ и человѣкъ можетъ поэтому произвести въ два раза большее количество извѣстнаго хозяйственнаго блага, онъ непремѣнно получитъ въ два раза большее количество его въ обмѣнъ за свой трудъ. Если бы это было дѣйствительно вѣрно, если бы вознагражденіе рабочаго всегда находилось въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что онъ произвелъ, то количество труда, затраченнаго на хозяйственное благо, и количество труда, которое могло бы быть пріобрѣтено за это благо, были бы равны, и каждое могло бы точно измѣрять измѣненіе другихъ вещей; но они не равны; первое при многихъ обстоя-

---

of the Review of his Inquiry etc. (1804 г.), на которую послѣдовалъ отвѣтъ Брума: Thoughts suggested by Lord Lauderdale's Observations upon the Edinburgh Review. 1805.

тельствахъ представляетъ неизмѣнное мѣрило, вѣрно указывая измѣненія другихъ вещей; послѣднее подвержено столь же многочисленнымъ колебаніямъ, какъ и блага, съ которыми оно сравнивается. Адамъ Смитъ, въ высшей степени умѣло показавъ неудовлетворительность измѣнчивой мѣры, какъ золото и серебро, самъ, остановившись на хлѣбѣ или трудѣ, избралъ мѣру не менѣе измѣнчивую» [1]).

Смыслъ замѣчаній Рикардо, взятыхъ внѣ связи съ общими основаніями его ученія о цѣнности, совершенно ясенъ: Смитъ высказалъ правильный взглядъ на источникъ цѣнности и на ея мѣрило, но затѣмъ впалъ въ противорѣчіе съ самимъ собой, считая этимъ мѣриломъ то количество труда, затраченнаго на производство предмета, то количество труда, которое можно купить за него. Замѣчанія Рикардо, принятыя какъ основное положеніе критики Смита, вмѣстѣ съ тѣмъ и опредѣлили точку зрѣнія на отношеніе между этими двумя писателями: Рикардо очистилъ ученіе Смита отъ коренного противорѣчія, которымъ былъ затемненъ его истинный смыслъ, и установилъ въ качествѣ основного принципа теоріи цѣнности трудовое начало. Этотъ взглядъ въ особенности получилъ широкое распространеніе черезъ сочиненія соціалистовъ, построившихъ на немъ рядъ выводовъ первостепенной важности.

Возраженіе Рикардо противъ ученія Смита о цѣнности было не только воспринято Марксомъ, но еще усилено его собственными замѣчаніями. Рикардо говоритъ, что Смитъ призналъ трудъ «первоначальнымъ» источникомъ мѣновой цѣнности (the original source of exchangeable value), а Марксъ заявляетъ, что «Адамъ Смитъ объявилъ трудъ вообще, и притомъ въ общественной его совокупности, въ видѣ раздѣленія труда единственнымъ источникомъ матеріальнаго богатства или потребительной цѣнности» [2]). Но по мнѣнію Маркса въ то время какъ Смитъ совершенно упускаетъ здѣсь изъ вида элементъ природы, послѣдній преслѣдуетъ его въ сферѣ исключительно общественнаго богатства, именно мѣновой цѣнности [3]). «Разумѣется, замѣчаетъ Марксъ, Адамъ опредѣляетъ цѣнность товара содержащимся въ немъ рабочимъ временемъ, но затѣмъ снова пере-

---

[1]) The Works of David Ricardo. Edit. by J. R. M. Culloch. 1888 стр. 11.

[2]) Zur Kritik der Politischen Oekonomie, 1859, стр. 37.

[3]) Это предложеніе почему-то пропущено въ переводѣ Н. И. Зибера. См. его „Давидъ Рикардо и Карлъ Марксъ“. Изд. 3-е, 1898, стр. 73.

носитъ дѣйствительность этого опредѣленія цѣнности въ до-адамовскія времена. Другими словами, то, что представляется ему истиннымъ съ точки зрѣнія простого товара, то становится ему неяснымъ, какъ только на мѣсто простого товара выступаютъ болѣе высокія и сложныя формы капитала, наемнаго труда, поземельной ренты и т. д. Онъ выражаетъ это такъ, что цѣнность товаровъ измѣряется содержащимся въ нихъ рабочимъ временемъ въ потерянномъ раю буржуазіи, гдѣ люди встрѣчаются еще не въ качествѣ капиталистовъ, наемныхъ рабочихъ, земельныхъ собственниковъ, арендаторовъ, ростовщиковъ и т. д., а только въ качествѣ простыхъ товаропроизводителей и тѣхъ, которые обмѣниваютъ товары. Онъ постоянно смѣшиваетъ опредѣленіе цѣнности товаровъ содержащимся въ нихъ рабочимъ временемъ съ опредѣленіями ихъ цѣнности цѣнностью труда, вездѣ колеблется въ развитіи деталей и замѣняетъ объективное равенство, которое общественный процессъ насильственно проводитъ между неодинаковыми работами, субъективнымъ уравненіемъ индивидуальныхъ работъ... Въ противоположность Адаму Смиту Давидъ Рикардо выработалъ въ чистой формѣ опредѣленіе цѣнности товаровъ рабочимъ временемъ и показалъ, что этотъ законъ управляетъ также и буржуазными производственными отношеніями, какъ будто противорѣчащими ему» [1]).

Опираясь на возраженіе Рикардо, Марксъ устанавливаетъ три положенія, характеризующія, по его мнѣнію, воззрѣніе Смита на цѣнность: первое — что Смитъ признавалъ трудъ единственнымъ источникомъ потребительной цѣнности; второе — что въ примѣненіи къ мѣновой цѣнности онъ не сумѣлъ провести трудовое начало, постоянно смѣшивая, какъ мѣрила цѣнности, рабочее время и цѣнность труда; и, наконецъ, третье—что ему ясно представлялось примѣненіе трудового начала только въ первобытномъ обществѣ, но при объясненіи явленій современнаго строя онъ отступаетъ отъ правильнаго взгляда на источникъ и мѣрило цѣнности. При такой точкѣ зрѣнія на Смита значеніе Рикардо въ развитіи ученія о цѣнности заключается въ томъ, что онъ призналъ единственнымъ мѣриломъ цѣнности рабочее время и что онъ доказалъ дѣйствительность трудового начала въ капиталистическомъ строѣ.

---

[1]) Тамъ же, стр. 37—38.

Точка зрѣнія на теорію цѣнности Смита, установленная Рикардо и затѣмъ развитая Марксомъ, повторяется съ нѣкоторыми измѣненіями почти всѣми писателями, останавливавшимися на этомъ предметѣ. Назовемъ Рёслера, Баумштарка, Макъ Кёллока, Цуккеркандля, Зибера и др. Противъ этой именно формулировки смитовскаго ученія о цѣнности и направлены главныя возраженія противниковъ трудовой теоріи.

Книсъ рѣшительно отрицаетъ, чтобы трудъ былъ единственнымъ источникомъ цѣнности. Онъ доказываетъ, что это утвержденіе Смита противорѣчитъ дѣйствительности и что самъ Смитъ, какъ и его сторонники, не былъ въ состояніи послѣдовательно провести принципъ, положенный имъ въ основу ученія о цѣнности [1]).

Бемъ-Баверкъ подвергаетъ критикѣ мнѣніе Смита, что цѣнность опредѣляется трудомъ, затраченнымъ на производство предмета, и обвиняетъ его въ томъ, что онъ ничѣмъ не доказываетъ справедливости основного принципа своей теоріи. «Смитъ, говоритъ онъ, высказываетъ свое положеніе въ такомъ тонѣ, какъ будто его справедливость должна быть прямо очевидной. Но дѣйствительно ли она очевидна? Дѣйствительно ли цѣнность и трудъ представляютъ два такъ тѣсно связанныхъ между собою понятія, что всякій долженъ непосредственно усмотрѣть въ трудѣ основаніе цѣнности? Я полагаю, что ни одинъ безпристрастный человѣкъ не сталъ бы утверждать этого. То, что я потрудился надъ какимъ-нибудь предметомъ это одинъ фактъ; а то, что этотъ предметъ стóитъ этого труда—другой, отличный отъ перваго; и то, что эти два факта не всегда идутъ рука объ руку, слишкомъ достаточно подкрѣпляется опытомъ, чтобы по этому поводу могло существовать какое-нибудь сомнѣніе». Въ подтвержденіе этого мнѣнія Бемъ-Баверкъ приводитъ рядъ соображеній. Всякому извѣстно, что ежедневно въ цѣломъ рядѣ случаевъ затрата труда по той или другой причинѣ не приноситъ желаемаго результата; слѣдовательно не создаетъ—цѣнности. Съ другой стороны, въ нѣкоторыхъ случаяхъ возникаетъ цѣнность безъ затраты труда; таковы — занятіе участка земли, находка цѣннаго камня, открытіе золотой розсыпи. Но даже оставляя въ сторонѣ такіе факты, обык-

[1]) Knies. Der Credit. II. Стр. 60 и сл. Противъ того же положенія возражаютъ также Макъ-Кёллокъ (стр. 38 франц. перев. Смита, изд. Гильомена) и Роджерсъ (стр. 30-я I-го тома его изд. Смита).

новенно трактуемые какъ исключенія, можно сослаться на обычное, постоянно повторяющееся явленіе, именно, что «одинаковый трудъ различныхъ лицъ имѣетъ очень различную цѣнность»: результатъ мѣсячнаго труда выдающагося художника очень часто во сто разъ цѣннѣе, чѣмъ результатъ мѣсячнаго труда обыкновеннаго маляра. Какъ могло бы это быть, замѣчаетъ Бемъ-Баверкъ, если бы трудъ дѣйствительно былъ основаніемъ цѣнности; если бы дѣйствительно вслѣдствіе непосредственной психологической связи наше сужденіе о цѣнности основывалось на соображеніи о трудѣ и усиліи «и только на этомъ соображеніи?»[1])

Покончивъ съ опроверженіемъ идеи, что затрата труда служитъ основаніемъ цѣнности, а количество затраченнаго труда ея мѣриломъ, Бемъ-Баверкъ критически разсматриваетъ ученіе Смита и Рикардо о цѣнности и приходитъ къ заключенію, что положеніе, по которому «трудъ является принципомъ цѣнности благъ, высказывается ими безъ всякихъ доказательствъ, просто какъ аксіома». Между тѣмъ этотъ принципъ совсѣмъ не представляетъ аксіомы. Поэтому, Бемъ-Баверкъ полагаетъ, что сторонники трудовой теоріи не имѣли права ссылаться на авторитетъ Смита и Рикардо и обязаны были привести доказательства въ пользу положенія, на которомъ основано ихъ ученіе о цѣнности. «И вотъ, говоритъ онъ, представляется весьма замѣчательнымъ фактомъ то, что этого не сдѣлалъ почти никто изъ позднѣйшихъ изслѣдователей. Тѣ самые люди, которые вообще расшатали старое ученіе отъ вершины до основанія своей разрушительной критикой, которымъ казалось, что ни одно изъ державшихся годами положеній науки не стоитъ настолько прочно, чтобы не слѣдовало еще разъ поставить его подъ вопросъ и подвергнуть испытанію его справедливость—эти самые люди отказались отъ всякой критики по отношенію къ важнѣйшему основному положенію, заимствованному ими отъ старой теоріи. Отъ Рикардо до Родбертуса, отъ Сисмонди до Лассалля, имя Адама Смита представляетъ единственную защиту, которой считаютъ нужнымъ снабдить изложенное ученіе; то, что прибавляютъ къ нему отъ себя, это не что иное, какъ многократныя увѣренія, что его принципъ вѣренъ, неопровержимъ, безусловенъ; но не предпринимается никакой по-

[1]) Böhm--Bawerk. Kapital und Kapitalzins, I, стр. 428 и слѣд.

пытки дѣйствительно доказать его справедливость, дѣйствительно опровергнуть возраженія, дѣйствительно устранить сомнѣнія. Тѣ, которые презираютъ доказательства, основанныя на авторитетахъ, довольствуются ссылкой на авторитеты; враги бездоказательныхъ утвержденій, основанныхъ на предположеніяхъ, сами ограничиваются утвержденіемъ безъ доказательствъ. Только очень немногіе сторонники трудовой теоріи цѣнности представляютъ въ этомъ отношеніи исключеніе и однимъ изъ этихъ немногихъ исключеній является Марксъ»[1]).

Резюмируемъ возраженія, представленныя противъ ученія Смита о цѣнности. Какъ сторонники, такъ и противники его видятъ основной принципъ этого ученія въ томъ положеніи, что первоначальнымъ, а по мнѣнію нѣкоторыхъ единственнымъ источникомъ цѣнности и единственно вѣрнымъ ея мѣриломъ служитъ трудъ, употребляемый на производство хозяйственныхъ благъ; но по мнѣнію сторонниковъ трудовой теоріи, Смитъ не былъ послѣдователенъ въ проведеніи этого принципа, а по мнѣнію ея противниковъ онъ не представилъ никакихъ доказательствъ въ подтвержденіе его справедливости, считая аксіомой, не требующей доказательствъ то, что не только не представляется безспорнымъ, но, напротивъ, находится въ рѣшительномъ противорѣчіи съ дѣйствительностью. Нужно признать, что эта критика, если бы она была справедлива, имѣла бы уничтожающее значеніе для Смита. Если даже принять только то, что утверждаютъ сторонники трудовой теоріи, то и въ этомъ случаѣ значеніе смитовскаго ученія о цѣнности должно быть сведено къ нулю. Его единственной заслугой признается то, что онъ считалъ основнымъ принципомъ цѣнности трудъ, затраченный на производство; но тотъ же Марксъ, а за нимъ и Зиберъ показали, что длинный рядъ экономистовъ, начиная съ Вилліама Петти, выражали ту же идею, и при этомъ многіе высказывали ее гораздо яснѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ Смитъ. Выходитъ, что Смитъ, унаслѣдовавъ отъ своихъ предшественниковъ основное положеніе теоріи цѣнности, только затемнилъ его противорѣчіями и неясностями. Мы полагаемъ, что сторонники трудовой теоріи цѣнности, основываясь на Рикардо, установили неправильный взглядъ на содержаніе смитовскаго ученія и тѣмъ съ одной стороны сдѣлали непонятнымъ его значеніе, а съ другой содѣйствовали неправильному

[1]) Тамъ же, стр. 433—434.

пониманію вообще ученія о цѣнности классической школы и подали поводъ для тѣхъ возраженій, которыя были выдвинуты противъ него въ экономической литературѣ.

Обращаясь къ изложенію воззрѣній Смита на цѣнность, остановимся прежде всего на вопросѣ о мѣрилѣ цѣнности.

Взглядъ Смита по этому предмету выраженъ имъ вполнѣ ясно и опредѣленно въ извѣстномъ отрывкѣ, которымъ начинается 5-я глава его сочиненія. «Каждый человѣкъ, говоритъ онъ, богатъ или бѣденъ соотвѣтственно степени, въ которой онъ можетъ доставлять себѣ пользованіе предметами необходимости, удобства и наслажденія человѣческой жизни. Но послѣ того, какъ вполнѣ установилось раздѣленіе труда, только небольшой частью этихъ предметовъ человѣкъ можетъ снабжать себя при помощи собственнаго труда. Гораздо бо́льшую же часть ихъ онъ долженъ получать отъ труда другихъ людей, и онъ будетъ богатъ или бѣденъ соотвѣтственно тому количеству этого труда, которымъ онъ можетъ располагать или которое онъ въ состояніи купить. Поэтому цѣнность всякаго предмета для его владѣльца, не предполагающаго самому воспользоваться имъ или потребить его, но имѣющаго въ виду обмѣнять его на другіе предметы, равно тому количеству труда, которое владѣлецъ этого предмета можетъ при его помощи купить или которымъ онъ можетъ располагать. Вслѣдствіе этого трудъ является дѣйствительнымъ мѣриломъ мѣновой цѣнности всѣхъ предметовъ» [1]).

Ту же мысль Смитъ высказываетъ и въ другихъ отрывкахъ 5-й главы. Онъ замѣчаетъ, что цѣнность богатства всего міра «для тѣхъ, которые владѣютъ имъ, и хотятъ промѣнять его на какіе-нибудь новые продукты, въ точности равна количеству труда, которое они могутъ при его помощи купить или которымъ они могутъ располагать». Затѣмъ, обсуждая афоризмъ Гоббса, что богатство—могущество, онъ говоритъ, что состояніе человѣка больше или меньше, смотря по тому, въ какой мѣрѣ оно сообщаетъ ему власть «надъ всѣмъ трудомъ или надъ всѣмъ продуктомъ труда, находящимся въ то время на рынкѣ... Мѣновая цѣнность всякаго предмета, замѣчаетъ при этомъ Смитъ, должна всегда быть въ точности равна

---

[1]) Wealth of Nations, стр. 38. (По изданію Ward, Lock & Co, представляющему точную перепечатку 3 томовъ, выпущенныхъ въ 1812 году).

тому размѣру этой власти, который онъ сообщаетъ своему владѣльцу» [1]).

Разсуждая о пригодности разныхъ практическихъ пріемовъ измѣренія мѣновой цѣнности, Смитъ только ищетъ внѣшнихъ признаковъ, по которымъ можно было бы судить объ измѣненіяхъ принятой имъ основной мѣры. Такъ какъ въ дѣйствительности предметы обмѣниваются не на трудъ, а на другіе предметы или всего чаще на золото и серебро, то Смитъ считалъ необходимымъ изслѣдовать, можно ли судить о количествѣ труда, покупаемомъ за данный предметъ, по тому, какое количество золота и серебра можетъ быть получено за него въ обмѣнѣ. Онъ приходитъ къ тому заключенію, что золото и серебро представляютъ мѣрило болѣе пригодное для измѣренія цѣнности въ короткіе промежутки времени, а хлѣбъ въ длинные; и основаніемъ этого вывода служитъ то, что «равныя количества труда въ отдаленные другъ отъ друга періоды времени, скорѣе будутъ покупаться равными количествами хлѣба, какъ средства существованія рабочаго, чѣмъ равными количествами золота и серебра или, можетъ быть, какого бы то ни было предмета» [2]). Подробное обоснованіе этой мысли Смитъ даетъ уже послѣ того, какъ онъ развилъ ученіе о доходахъ. Замѣтивъ, что «трудъ, а не какой-нибудь отдѣльный предметъ, или группа предметовъ, является дѣйствительнымъ мѣриломъ цѣнности какъ серебра, такъ и всѣхъ другихъ предметовъ», онъ излагаетъ соображенія, по которымъ хлѣбъ можетъ, по его мнѣнію, служить болѣе точнымъ мѣриломъ мѣновой цѣнности, чѣмъ какой бы то ни было другой продуктъ земледѣлія или скотоводства. «Въ странахъ пустынныхъ или рѣдко населенныхъ скотъ, птица, дичь всякаго рода и пр., являясь естественными произведеніями природы [3]), часто имѣются въ гораздо большихъ коли-

---

[1]) Тамъ же, стр. 38 и 39.

[2]) Тамъ же, стр. 42. Это мѣсто искажено въ русскомъ переводѣ Смита, сдѣланномъ Бибиковымъ. Оно передано такъ: „Но въ самыя отдаленныя другъ отъ друга эпохи равныя количества труда находятся несравненно ближе по цѣнности своей къ тому же количеству хлѣба, какъ необходимаго предмета для работника, чѣмъ къ количеству золота и серебра, а можетъ быть и всякаго другого товара". Изслѣдованія (?) о природѣ и причинахъ богатства народовъ. I. 1866, стр. 142.

[3]) Смитъ употребляетъ здѣсь часто встрѣчающееся у него выраженіе: spontaneous productions of nature. Лезеръ указываетъ, что это выраженіе и аналогичныя съ нимъ: spontaneous produce, natural fruits, очевидно, заимствованы Смитомъ у физіокра-

чествахъ, чѣмъ нужно для потребленія жителей. При такихъ условіяхъ снабженіе вообще превышаетъ спросъ. Поэтому въ различныхъ состояніяхъ общества, на различныхъ ступеняхъ его развитія, предметы этого рода будутъ представлять очень различныя количества труда. Что же касается хлѣба, то на всѣхъ ступеняхъ общественнаго развитія онъ представляетъ продуктъ промышленной дѣятельности человѣка, а средній продуктъ каждаго рода промышленности всегда, болѣе или менѣе точно, соотвѣтствуетъ среднему потребленію, среднее снабженіе — среднему спросу. Кромѣ того на каждой отдѣльной стадіи развитія общества производство равныхъ количествъ хлѣба при одинаковой почвѣ и одинаковомъ климатѣ требуетъ, въ среднемъ, приблизительно равныхъ количествъ труда; или, что̀ сводится къ тому же, цѣны приблизительно равныхъ количествъ, такъ какъ постоянное повышеніе производительныхъ силъ труда при прогрессивномъ состояніи земледѣлія болѣе или менѣе уравновѣшивается постоянно возрастающей цѣною скота, главнаго орудія производства въ земледѣліи. Поэтому, на основаніи всѣхъ этихъ соображеній мы можемъ быть увѣрены, что равныя количества хлѣба, въ каждомъ состояніи общества, на каждой ступени его развитія, ближе представятъ, точнѣе выразятъ равныя количества труда, чѣмъ равныя количества какой-либо другой части сырого продукта земли... Кромѣ того, хлѣбъ или вообще то, что составляетъ обычную и любимую растительную пищу народа, является въ каждой цивилизованной странѣ главной частью содержанія рабочаго. Вслѣдствіе распространенія земледѣлія почва всѣхъ странъ производитъ значительно большее количество растительной, чѣмъ животной пищи, и рабочій всюду употребляетъ главнымъ образомъ эту здоровую пищу, которая является самой дешевой и обильной. Мясо, за исключеніемъ странъ, пользующихся очень значительнымъ благосостояніемъ, или тѣхъ, въ которыхъ трудъ вознаграждается очень высоко, составляетъ лишь небольшую часть содержанія рабочихъ; птица составляетъ еще меньшую часть, а дичь вовсе не входитъ въ

товъ, разъясняющихъ ихъ смыслъ. Такъ, напр. Бодо говоритъ: tous les animaux travaillent journellement à se procurer la jouissance des productions *spontanées* de la nature, c'est-à-dire des aliments que la terre leur fournit d'elle-même; и въ другомъ мѣстѣ: productions *spontanées*, des productions qui naissent d'elle-mêmes. См. Leser. Der Begriff des Reichthums bei Adam Smith. Стр 95.

его составъ. Во Франціи, или даже въ Шотландіи, гдѣ трудъ лучше вознаграждается, чѣмъ во Франціи, рабочій рѣдко ѣстъ мясо, за исключеніемъ праздниковъ и другихъ необыкновенныхъ случаевъ. Поэтому денежная цѣна труда гораздо больше зависитъ отъ средней денежной цѣны хлѣба, составляющаго пищу рабочаго, чѣмъ отъ цѣны мяса или какой-либо другой части сырого продукта земли». Отсюда Смитъ заключаетъ, что «дѣйствительная цѣнность золота и серебра, дѣйствительное количество труда, которое можетъ быть куплено за нихъ или которымъ можно располагать при ихъ помощи, гораздо больше зависитъ отъ количества хлѣба, чѣмъ отъ количества мяса, или какой-либо другой части сырого продукта земли, которое можно купить за нихъ» [1]).

Съ той же точки зрѣнія Смитъ признаетъ, что въ данное время и въ данномъ мѣстѣ деньги могутъ служить точнымъ мѣриломъ цѣнности, потому что «чѣмъ больше или меньше денегъ вы получите за какой-нибудь предметъ, напр., на лондонскомъ рынкѣ, тѣмъ больше или меньше будетъ количество труда, которое этотъ предметъ дастъ вамъ возможность купить или которымъ онъ дастъ вамъ возможность располагать въ данное время и въ данномъ мѣстѣ. Поэтому въ данное время и въ данномъ мѣстѣ деньги представляютъ точное мѣрило дѣйствительной мѣновой цѣнности» [2]).

Руководясь своимъ основнымъ принципомъ Смитъ утверждаетъ также, что несмотря на отсутствіе точнаго соотношенія между количествами труда и денегъ, на которыя вымѣнивается тотъ или другой предметъ въ мѣстностяхъ, находящихся на большомъ разстояніи, тѣмъ не менѣе для торговца, перевозящаго товары, имѣетъ значеніе только количество денегъ, которое онъ можетъ получить за нихъ, или лучше сказать разница между количествомъ, за которое онъ купитъ ихъ въ одномъ мѣстѣ, и тѣмъ, которое онъ получитъ за нихъ въ другомъ. Основаніе этого вывода заключается въ соображеніи о томъ, что мѣриломъ дѣйствительной мѣновой цѣнности предмета служитъ трудъ, который можно купить за него. «При помощи полъ-унца серебра въ Кантонѣ, въ Китаѣ, можно располагать бо́льшимъ количествомъ, какъ труда, такъ и предметовъ необходимости

---

[1]) Wealth of Nations, стр 162 и слѣд.

[2]) Тамъ же, стр. 48.

и удобствъ въ жизни, чѣмъ при помощи цѣлаго унца въ Лондонѣ. Поэтому предметъ, продающійся въ Кантонѣ за полъ-унца серебра, можетъ имѣть тамъ болѣе важную дѣйствительную цѣну [1]), бо́льшее дѣйствительное значеніе для человѣка, который тамъ владѣетъ имъ, чѣмъ какое имѣетъ для человѣка, живущаго въ Лондонѣ, предметъ, продающійся въ Лондонѣ за унцъ. Однако, если лондонскій торговецъ можетъ купить въ Кантонѣ за полъ-унца серебра предметъ, который онъ имѣетъ возможность продать затѣмъ въ Лондонѣ за унцъ, онъ получаетъ отъ этой сдѣлки выгоду въ 100%, совершенно такъ, какъ если бы унцъ серебра въ Лондонѣ имѣлъ точно такую же цѣнность, какъ и въ Кантонѣ. Для него не важно то, что полъ-унца серебра въ Кантонѣ далъ бы ему возможность располагать бо́льшимъ количествомъ труда и предметовъ необходимости и удобствъ въ жизни, чѣмъ одинъ унцъ въ Лондонѣ. Одинъ унцъ въ Лондонѣ всегда доставитъ ему возможность располагать вдвое бо́льшимъ количествомъ труда и названныхъ предметовъ, чѣмъ полъ-унца, а это именно то, что ему нужно» [2]).

Правъ ли былъ Смитъ или ошибался въ своихъ сужденіяхъ о пригодности денегъ и хлѣба служить мѣрилами цѣнности при извѣстныхъ, указанныхъ имъ условіяхъ, это здѣсь не важно. Важно то, что и деньги, и хлѣбъ являются въ его глазахъ только суррогатами, и притомъ несовершенными [3]), истиннаго мѣрила, каковымъ онъ признаетъ исключительно трудъ, покупаемый за предметъ, цѣнность котораго надлежитъ измѣрить.

Признавъ мѣриломъ цѣнности предметовъ количество труда, которое можно купить за нихъ, Смитъ неизмѣнно примѣняетъ этотъ принципъ во всѣхъ случаяхъ, когда ему приходится соизмѣрять хозяйственныя блага.

---

[1]) Въ оригиналѣ: may there be really dearer. Бибиковъ переводитъ: „въ дѣйствительности можетъ быть дороже“. Этотъ переводъ, хотя и дословенъ, не передаетъ, однако, истиннаго смысла слова really, употребленнаго здѣсь какъ техническое выраженіе, соотвѣтствующее real price, real value — дѣйствительная цѣна, дѣйствительная цѣнность.

[2]) Тамъ же, стр. 44.

[3]) Замѣтивъ, что равныя количества труда въ отдаленные другъ отъ друга періоды времени скорѣе будутъ покупаться равными количествами хлѣба, чѣмъ денегъ или другихъ предметовъ, Смитъ оговаривается, что даже одинаковыя количества хлѣба не будутъ въ точности покупать одинаковыя количества труда. Тамъ же, стр. 42.

Прибыль и рента представляютъ, въ его глазахъ, излишекъ получающійся оттого, что въ цивилизованной странѣ «годоваго продукта ея труда всегда будетъ достаточно, чтобы купить или располагать значительно большимъ количествомъ труда, чѣмъ то, которое было употреблено для добычи и приготовленія этого продукта и доставки его на рынокъ. Если бы общество каждый годъ употребляло въ дѣло весь трудъ, который оно можетъ ежегодно покупать, то вслѣдствіе того, что количество этого труда значительно возрастало бы каждый годъ, продуктъ каждаго послѣдующаго года представлялъ бы гораздо большую цѣнность, чѣмъ продуктъ предшествовавшаго года» [1]). Такъ какъ, по теоріи Смита, «годовой доходъ каждаго общества всегда въ точности равенъ мѣновой цѣнности всего годоваго продукта его промышленной дѣятельности [2]), или вѣрнѣе представляетъ какъ разъ то же, что эта мѣновая цѣнность» [3]), то изъ сопоставленія этого положенія съ приведеннымъ выше слѣдуетъ, что годовой доходъ общества измѣряется количествомъ труда, которое можно купить за него. Тѣмъ же мѣриломъ опредѣляется стоимость производства и тотъ избытокъ, который получается при сопоставленіи полученнаго продукта съ затратами, произведенными для его полученія.

Принципъ, который примѣняется для измѣренія годоваго дохода общества, служитъ и для измѣренія доходовъ, получаемыхъ частными хозяйствами и отдѣльными лицами или классами. Опредѣливъ составныя части цѣны, Смитъ говоритъ, что ихъ дѣйствительная цѣнность измѣряется количествомъ труда, которое каждая изъ нихъ можетъ купить. «Трудъ, замѣчаетъ онъ, измѣряетъ цѣнность не только той части цѣны, которая приходится на долю труда, но и той, которая приходится на долю ренты и прибыли» [4]). Онъ замѣчаетъ, что всякое улучшеніе въ условіяхъ существованія общества имѣетъ тенденцію прямо или косвенно повышать «дѣйствительную ренту съ земли, увеличивать дѣйствительное богатство земельнаго собственника: имѣющуюся у него возможность покупать трудъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 56.
[2]) Въ оригиналѣ: of its industry.
[3]) Тамъ же, стр. 354.
[4]) Тамъ же, стр. 53.

или продуктъ труда другихъ людей, а противоположныя причины, напротивъ, имѣютъ тенденцію понижать дѣйствительную ренту съ земли, дѣйствительное богатство земельнаго собственника, уменьшать для него возможность покупать трудъ или продуктъ труда другихъ людей» [1]). Въ частности прибыль представляется по этой теоріи излишкомъ, получающимся при сравненіи количества труда, купленнаго, по терминологіи Смита, для производства, съ тѣмъ, которое можно купить за изготовленный предметъ. Такъ напр. замѣчая, что выгодно перевозить благородные металлы изъ Европы въ Индію, Смитъ говоритъ: «Едва ли существуетъ какой-либо предметъ, который приносилъ бы тамъ лучшую цѣну, или который по отношенію къ труду и предметамъ, которыхъ онъ стоитъ въ Европѣ, покупалъ бы большее количество труда и продуктовъ въ Индіи» [2]).

Что же касается ренты, то она всегда получается на земляхъ воздѣлываемыхъ подъ хлѣбомъ, потому что, по мнѣнію Смита, «земля, почти при всякихъ условіяхъ, производитъ большее количество пищи, чѣмъ сколько требуется для того, чтобы весь трудъ, нужный для доставки хлѣба на рынокъ, получалъ самое щедрое содержаніе, какимъ онъ когда-либо пользовался. Излишекъ также всегда болѣе чѣмъ достаточенъ для того, чтобы возмѣстить капиталъ, употребленный на занятіе труда, вмѣстѣ съ процентами на него. Поэтому что-нибудь всегда остается на долю ренты землевладѣльца» [3]).

Ученіе Смита о рентѣ, какъ извѣстно, подверглось въ литературѣ весьма строгой критикѣ, начало которой, какъ и въ вопросѣ о цѣнности, было положено Рикардо. Возраженія, высказанныя послѣднимъ, переходили затѣмъ отъ одного писателя къ другому, пока не стали, наконецъ, общимъ мѣстомъ. Между тѣмъ критика Рикардо была неудачна въ томъ отношеніи, что онъ и здѣсь, какъ въ своихъ замѣчаніяхъ о цѣнности, обвинилъ Смита въ противорѣчіяхъ, которыхъ у него нѣтъ, и тѣмъ надолго затемнилъ истинный смыслъ его ученія. Критическій пріемъ Рикардо всегда одинъ и тотъ же: приступая къ разбору смитовскихъ положеній съ совершенно опредѣленнымъ воззрѣніемъ на предметъ, онъ приводитъ мѣста, въ ко-

---

[1]) Тамъ же, стр. 212 и 213.
[2]) Тамъ же, стр. 178.
[3]) Тамъ же, стр. 129.

торыхъ высказывается такое же воззрѣніе, и отрывки, въ которыхъ Смитъ выражаетъ иныя мнѣнія; затѣмъ изложивъ свои возраженія противъ мнѣній, съ которыми онъ не согласенъ, Рикардо не задается вопросомъ, отъ какихъ принциповъ отправляется Смитъ и каково было теченіе его мысли. Поэтому критика Рикардо оставляетъ такое впечатлѣніе, что Смиту ясенъ былъ истинный взглядъ на предметъ, который онъ разсматриваетъ, но онъ не сумѣлъ провести имъ же установленнаго принципа и запутался въ противорѣчіяхъ. Въ дѣйствительности какъ въ ученіи о цѣнности, такъ и въ теоріи ренты Смитъ исходилъ отъ совершенно иныхъ началъ, чѣмъ Рикардо; поэтому совпаденіе ихъ мнѣній въ однихъ пунктахъ и разногласіе въ другихъ не даетъ еще основанія заключать о противорѣчіяхъ того или другого. Рикардо и Смитъ пришли въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ одинаковымъ положеніямъ исходя отъ разныхъ принциповъ, и при этомъ нужно еще замѣтить, что не всегда положенія, одинаково выраженныя у того и другого, заключаютъ въ себѣ одинаковый смыслъ. Въ ученіи о рентѣ Смитъ исходитъ отъ одного принципа цѣнности, а Рикардо отъ другого, и каждый изъ нихъ остается съ своей точки зрѣнія вполнѣ послѣдовательнымъ, но если выхватить изъ смитовскаго изложенія отдѣльныя мѣста, совпадающія съ нѣкоторыми рикардовскими положеніями, и считать, что эти мѣста основаны на принципахъ рикардовской теоріи цѣнности, то естественно, что ученіе Смита окажется исполненнымъ противорѣчій. Къ этому результату и пришелъ Рикардо, примѣнивъ къ смитовской теоріи ренты подобный критическій пріемъ.

Рикардо приводитъ въ началѣ главы, посвященной критическому разбору ученія Смита о рентѣ, мѣсто изъ «Богатства народовъ», свидѣтельствующее, по его мнѣнію, что Смиту былъ извѣстенъ истинный законъ поземельной ренты. Это мѣсто слѣдующее: «Только тѣ части продукта земли могутъ вообще доставляться на рынокъ, обычная цѣна которыхъ достаточна для того, чтобы возмѣстить капиталъ, необходимый для ихъ доставки, вмѣстѣ съ обычной прибылью на него. Если обычная цѣна выше этого, то излишекъ ея естественно придется на долю поземельной ренты. Если же она не выше, то хотя бы товаръ и могъ быть доставленъ на рынокъ, онъ не можетъ принести никакой ренты землевладѣльцу. Будетъ ли цѣна

выше, зависитъ отъ спроса»[1]). Приведенное положеніе, дѣйствительно, совпадаетъ съ закономъ ренты, выведеннымъ Рикардо; но послѣдній, говоря о цѣнѣ продуктовъ земли, разумѣетъ ихъ мѣновую цѣнность, опредѣляемую количествомъ труда, затраченнаго на ихъ производство, а Смитъ—мѣновую цѣнность, опредѣляемую количествомъ труда, которое можно купить за эти продукты. Отсюда всѣ дальнѣйшія разногласія между обѣими теоріями при полной логичности какъ той, такъ и другой.

Для Рикардо безразлично, воздѣлывается ли на данномъ участкѣ земли хлѣбъ или рисъ: и хлѣбная, и рисовая жатва представляютъ въ его глазахъ цѣнность, опредѣляемую извѣстнымъ количествомъ труда, затраченнаго на ихъ производство; для Смита же различіе въ питательности этихъ сортовъ пищи имѣетъ очень важное значеніе, потому что отъ этого обстоятельства зависитъ количество труда, какое можно будетъ купить за продуктъ, полученный съ извѣстнаго участка, слѣдовательно, и мѣновая цѣнность этого продукта. Рента и по его теоріи зависитъ отъ величины этой цѣнности или цѣны, но послѣдняя въ свою очередь зависитъ отъ того, какое число людей можетъ прокормиться на данное количество пищи. Поэтому, если рисъ можетъ прокормить бо́льшее число людей, чѣмъ хлѣбъ, то и мѣновая цѣнность его будетъ выше, и бо́льшимъ окажется излишекъ, который получится, когда будутъ выданы вознагражденія рабочимъ и прибыль капиталисту.

Рикардо правъ, возражая Смиту, что онъ ничѣмъ не доказалъ фактическаго положенія, на которомъ основана его теорія, именно, что земля всегда приноситъ столько пищи, что за вычетомъ заработной платы и прибыли непремѣнно получится излишекъ, который и составитъ ренту землевладѣльца. Онъ также былъ бы совершенно правъ, если бы возражалъ противъ принципа цѣнности, отъ котораго исходитъ Смитъ; но онъ не правъ, усматривая противорѣчіе между общимъ положеніемъ Смита о рентѣ, которое онъ привелъ

---

[1]) D. Ricardo. Works. 1888. Стр. 197. Въ переводѣ Зибера это мѣсто переведено не совсѣмъ точно. Смитъ говоритъ вообще о продуктахъ земли, а переводчикъ почему то вставилъ слово „хлѣбъ“, какъ будто рѣчь идетъ только о немъ: „Только такая часть продукта почвы, переводитъ онъ, обыкновенно привозится на рынокъ, текущей цѣны которой достаточно на возмѣщеніе капитала для доставленія сюда *хлѣба*“... Сочиненіе Давида Рикардо. Пер. Н. Зибера. Стр. 207.

въ началѣ своего критическаго разбора, и воззрѣніемъ Смита на зависимость ренты отъ степени питательности того продукта, отъ продажи котораго она получается.

Точно также Смитъ остается послѣдовательнымъ, утверждая, что рента съ копей, завися отъ цѣны продукта, регулируется самой обильной копью, а не самой скудной, какъ утверждаетъ Рикардо. Смитъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ. Копь можетъ приносить ренту только въ томъ случаѣ, если добываемый изъ нея продуктъ достигаетъ извѣстной мѣновой цѣнности. Въ этомъ согласны и Смитъ и Рикардо; но послѣдній полагаетъ, что этотъ моментъ наступитъ, когда для удовлетворенія спроса придется приступить къ разработкѣ менѣе обильной копи, а по мнѣнію Смита,—когда за продуктъ можно будетъ купить столько труда, что не только возмѣстятся вознагражденіе рабочихъ и прибыль капиталиста, но еще останется излишекъ въ видѣ ренты. До такой высоты мѣновая цѣнность продукта поднимется подъ вліяніемъ возрастающаго спроса при данномъ снабженіи, а размѣры послѣдняго опредѣляются обиліемъ копи; слѣдовательно, наиболѣе обильная копь регулируетъ цѣнность, которая опредѣляетъ и самое возникновеніе и величину ренты. Если же держаться теоріи цѣнности Рикардо, то цѣнность продукта и рента должны регулироваться стоимостью производства на копи наименѣе обильной изъ всѣхъ тѣхъ, которыя приходится разрабатывать для того, чтобы удовлетворить существующій спросъ.

Обѣ теоріи логичны; поэтому критика должна быть направлена противъ основаній, на которыхъ онѣ держатся, т. е. противъ положенныхъ въ ихъ основу воззрѣній на цѣнность. Между тѣмъ Рикардо и здѣсь приписываетъ Смиту собственный взглядъ на цѣнность и затѣмъ, совершенно естественно, находитъ у него противорѣчія: онъ упрекаетъ его въ томъ, что онъ проводитъ различіе между закономъ ренты съ рудниковъ и съ земли, воздѣлываемой подъ хлѣбомъ, и затѣмъ, что онъ вмѣсто того, чтобы сдѣлать логическій выводъ изъ своей же теоріи и утверждать, что рента регулируется наименѣе обильнымъ рудникомъ, впадаетъ въ явное противорѣчіе съ самимъ собою и утверждаетъ какъ разъ противоположное [1]). Въ дѣйствительности дѣло не въ противорѣчіяхъ Смита,

[1]) D. Ricardo. Works. Стр. 199 и слѣд.

а въ томъ, что онъ исходитъ отъ другого воззрѣнія на цѣнность, чѣмъ Рикардо.

Ученіе Смита о рентѣ, въ болѣе подробный разборъ котораго намъ нѣтъ надобности входить, представляется вполнѣ послѣдовательнымъ, если стать на смитовскую точку зрѣнія относительно цѣнности. Мы остановились на этомъ вопросѣ по тому именно соображенію, что это ученіе представляетъ очень полное и стройное развитіе принципа, признающаго мѣриломъ мѣновой цѣнности трудъ, который можно купить за предметъ.

Итакъ, положеніе Смита о томъ, что мѣриломъ мѣновой цѣнности служитъ трудъ, который можно купить за оцѣниваемый предметъ, не представляетъ случайной мысли, не играющей роли въ дальнѣйшемъ изложеніи. Напротивъ, Смитъ проводитъ ее черезъ всю систему теоретической экономіи, пользуясь этимъ принципомъ во всѣхъ случаяхъ, когда ему приходится измѣрять и соизмѣрять хозяйственныя блага.

Что же онъ понималъ подъ мѣновой цѣнностью, измѣряемой количествомъ труда, которое можно купить за предметъ?

Смитъ называетъ установленное имъ мѣрило мѣновой цѣнности «дѣйствительнымъ» или «реальнымъ» мѣриломъ (real measure), а измѣряемую имъ цѣнность «дѣйствительной» или «реальной» цѣнностью, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ цѣною. Остановимся на значеніи термина «дѣйствительный»—real.

Смитъ квалифицируетъ словомъ real разнообразные предметы. Всего чаще онъ употребляетъ его въ соединеніи съ цѣнностью и цѣною (real value и real price), но нерѣдко и съ другими существительными. Онъ говоритъ о «дѣйствительномъ вознагражденіи труда» (real recompense of labour) [1]), о «дѣйствительной рентѣ» (real rent) [2]), о «дѣйствительной стоимости» (real cost) [3]), о «дѣйствительномъ благосостояніи» (real opulence) [4]), о «дѣйствительномъ богатствѣ» (real wealth) [5]), о «дѣйствительномъ доходѣ» (real revenue) [6]).

[1]) Wealth of Nations, стр. 75, 164, 165, 173, 207. Сюда же относятся мѣста, гдѣ говорится о дѣйствительной цѣнѣ труда, стр. 40, 41, 42, 177.

[2]) Стр. 212 и 213.

[3]) Стр. 165.

[4]) Стр. 165.

[5]) Стр. 212, 213, 227, 273, 291, 334, 389.

[6]) Стр. 273, 291.

Основанія, по которымъ Смитъ квалифицируетъ извѣстный предметъ или извѣстное понятіе дѣйствительнымъ, различны. Дѣйствительнымъ вознагражденіемъ труда онъ называетъ количество «предметовъ необходимости и удобствъ въ жизни», которое получаетъ рабочій въ вознагражденіе за трудъ. Дѣйствительная рента опредѣляется количествомъ предметовъ удобства, украшеній и предметовъ роскоши, которыя земельный собственникъ можетъ купить за нее. Говоря о дѣйствительной стоимости серебра, Смитъ разумѣетъ количество труда, которое требуется, чтобы доставить его на рынокъ. Характеризуя дѣйствительное благосостояніе Голландіи или Генуи, онъ упоминаетъ объ имѣющейся у нихъ возможности снабжать себя продуктами далекихъ странъ. Дѣйствительныя богатство или бѣдность страны Смитъ связываетъ съ обиліемъ или скудостью предметовъ потребленія, которыми она располагаетъ, а дѣйствительнымъ доходомъ народа считаетъ количество предметовъ потребленія, ежегодно получаемое страной отъ земли и труда ея жителей.

Во всѣхъ приведенныхъ выраженіяхъ квалификація real прибавляется Смитомъ для того, чтобы вызвать представленіе о значеніи, которое имѣютъ для благополучія человѣка: вознагражденіе труда, доходъ, богатство или пожертвованіе. Человѣкъ богатъ или бѣденъ, смотря по тому, обильно или скудно удовлетворяются его потребности; его трудъ вознаграждается хорошо или плохо въ зависимости отъ того, въ какомъ количествѣ онъ можетъ при помощи труда доставлять себѣ необходимые предметы потребленія; полученіе того или другого хозяйственнаго блага стоитъ дорого, когда человѣкъ вынужденъ пожертвовать для его полученія значительной долей своего спокойствія и силъ, и т. д.

Такое пониманіе слова real вполнѣ согласуется съ заключеніями, къ которымъ пришли изслѣдователи, спеціально занимавшіеся выясненіемъ понятій богатства и дохода по Смиту. Сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ было сдѣлано только двѣ попытки подвергнуть научному анализу и серьезной критикѣ теоретическія понятія Смита: одна изъ нихъ была предпринята профессоромъ гейдельбергскаго университета Лезеромъ[1]), а другая доцентомъ университета въ Христіа-

[1]) E. Leser. Der Begriff des Reichthums bei Adam Smith. 1874.

ніи Іегеремъ, работа котораго только началась печатаніемъ въ журналѣ Бемъ-Баверка [1]). По мнѣнію перваго состояніе богатства по Смиту опредѣляется размѣромъ владѣнія такими благами, существенный признакъ которыхъ лежитъ въ ихъ пригодности для потребленія [2]). Что касается Іегера, то его выводъ сводится къ тому, что «дѣйствительнымъ доходомъ» общества Смитъ называетъ чистый доходъ, отъ котораго зависитъ дѣйствительное благосостояніе общества и его членовъ. Онъ отличается отъ валового дохода тѣмъ, что получается по вычетѣ изъ послѣдняго всего, что употребляется на поддержаніе основного и оборотнаго капитала. Такимъ образомъ, чистый доходъ общества составляетъ та часть продуктовъ годового производства страны, которую ея жители могутъ потребить, не сокращая тѣмъ своихъ средствъ къ возобновленію производственнаго процесса. Переводя мысль Смита на современную терминологію, Іегеръ говоритъ, что согласно смитовскому ученію чистый доходъ общества составляютъ всѣ предметы потребленія и «блага настоящаго» (Gegenwartsgüter) въ отличіе отъ предметовъ, входящихъ въ составъ основного и оборотнаго капитала, и «благъ будущаго» (Zukunftsgüter) [3]).

Наконецъ, признаніе мѣриломъ цѣнности труда, который можно купить за предметъ, соотвѣтствуетъ и воззрѣнію Смита на факторы производства. Онъ постоянно называетъ доходъ общества продуктомъ земли и труда [4]), а въ ученіи о рентѣ прямо говоритъ, что она можетъ быть разсматриваема какъ продуктъ тѣхъ силъ природы, пользованіе которыми земельный собственникъ предоставилъ фермеру [5]). Количество труда, покупаемаго за предметъ, можетъ одинаково измѣрять его цѣнность, все равно, произведенъ ли этотъ предметъ при участіи труда, или только силами природы. Напр. рента, которая по ученію Смита представляетъ продуктъ природы, измѣряется количествомъ труда, которое можно купить за нее. Изъ этого видно,

---

[1]) O. Jaeger. Die Grundlegung der theoretischen Nationalökonomie durch Adam Smith. Zeitschr. für Volkswirtschaft etc. IX Bd. I—II Heft. 1900.

[2]) Упом. соч. Лезера, стр. 53.

[3]) Упом. статья Іегера, стр. 107 и сл.

[4]) Wealth of Nations, стр. 19, 266, 273, 275, 291, 293. См. о томъ же упом. монографію Лезера, стр. 103 и сл.

[5]) Wealth of Nations, стр. 290.

что Смитъ, признавая трудъ единственнымъ мѣриломъ цѣнности, отнюдь не говорилъ, что трудъ единственный источникъ цѣнности.

Основываясь на значеніи, которое Смитъ придаетъ слову real и на его ученіи о богатствѣ и доходѣ и воззрѣніи на факторы производства, мы приходимъ къ заключенію, что и проводимое имъ понятіе о цѣнности должно корениться въ области потребленія хозяйственныхъ благъ, которое онъ считалъ конечной и единственной цѣлью всякаго производства [1]).

Развивая свою мысль о томъ, что дѣйствительнымъ мѣриломъ цѣнности служитъ трудъ, покупаемый за предметъ, Смитъ совершенно ясно указываетъ соображенія, приведшія его къ этому выводу. Онъ исходитъ отъ понятій богатства и бѣдности, опредѣляемыхъ степенью, въ которой человѣкъ можетъ доставить себѣ предметы потребленія, и, представляя себѣ общество съ развитымъ раздѣленіемъ занятій, полагаетъ что количество предметовъ потребленія, которое можетъ получить отдѣльный членъ общества, при этихъ условіяхъ, зависитъ отъ того, на сколько онъ въ состояніи воспользоваться трудомъ другихъ людей или его результатами. Такъ какъ каждый производитъ не для личнаго потребленія, а для обмѣна, то всякое хозяйственное благо для его обладателя имѣетъ значеніе лишь какъ средство получить отъ другихъ людей возможно большее количество продуктовъ ихъ труда, предметовъ необходимыхъ для удовлетворенія его потребностей. Интересъ, связываемый съ хозяйственнымъ благомъ для его обладателя, опредѣляется количествомъ предметовъ потребленія, которое можно получить за него въ обмѣнѣ. Этотъ интересъ и есть мѣновая цѣнность хозяйственныхъ благъ; и, по мнѣнію Смита, ея величина измѣряется количествомъ труда, которое можно купить за данное благо, потому что чѣмъ больше труда можно получить за него въ обмѣнѣ, тѣмъ больше будетъ и количество предметовъ потребленія, которое можетъ доставить себѣ его обладатель. [2])

---

[1]) Тамъ же, стр. 523.

[2]) Смитъ приводитъ еще одинъ доводъ въ пользу своего положенія о томъ, что трудъ служитъ неизмѣннымъ мѣриломъ цѣнности. „Равныя количества труда во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ, говоритъ онъ, могутъ быть признаны имѣющими равную цѣнность для рабочаго. При обыкновенномъ состояніи здоровья, силы и духа и обыкновенной степени умѣнія и ловкости онъ всегда долженъ пожертвовать одной и

Къ такому же выводу, хотя нѣсколько инымъ путемъ пришелъ проф. Лезеръ въ упомянутомъ выше изслѣдованіи. «При оцѣнкѣ богатства, говоритъ онъ резюмируя Смита, благамъ, находящимся въ дѣйствительномъ обладаніи, противопоставляется совокупность другихъ благъ; и смотря по тому, большее или меньшее количество послѣднихъ можетъ быть получено въ обмѣнъ, блага, находящіяся въ дѣйствительномъ обладаніи, образуютъ богатство; и тѣмъ оно будетъ выше или ниже. Можно ожидать, что для Адама Смита количество благъ, опредѣляющее степень богатства, сообщаемую предметами обладанія и зависящую отъ того, большая или меньшая часть ихъ можетъ быть получена при обмѣнѣ на эти предметы, состоитъ исключи-

---

той же долей своего досуга, своей свободы и своего благополучія. Цѣна, которую онъ уплачиваетъ всегда одна и та же, какова бы ни было количество благъ, которое онъ получаетъ за нее. Онъ можетъ покупать иногда большее, а иногда меньшее количество ихъ; но измѣняется цѣнность этихъ благъ, а не цѣнность труда, который покупаетъ ихъ. Во всѣ времена и всюду дорого то, что трудно получить и пріобрѣтеніе чего стоитъ (costs) большаго труда; а дешево то, что можно получить легко или при помощи очень небольшого труда". (Wealth of Nations, стр. 40). Марксъ комментируетъ это мѣсто слѣдующимъ образомъ: „Съ одной стороны, Адамъ Смитъ смѣшиваетъ здѣсь (не вездѣ) опредѣленіе цѣнности израсходованнымъ въ производствѣ товара количествомъ труда съ опредѣленіемъ цѣнности товара цѣнностью труда и поэтому пытается доказать, что одинаковыя количества труда всегда имѣютъ одинаковую цѣнность. Съ другой стороны, онъ догадывается, что трудъ, поскольку онъ выражается въ цѣнности товаровъ, считается только расходованіемъ рабочей силы; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ понимаетъ это расходованіе только какъ пожертвованіе спокойствія, а не какъ нормальную жизненную дѣятельность. Конечно, онъ имѣетъ передъ глазами современнаго наемнаго рабочаго". (Das Kapital, I, 1883, стр. 14). Намъ думается, что въ приведенномъ выше отрывкѣ Смитъ просто становится на обыденную точку зрѣнія, съ которой рабочій можетъ сказать, что ему досталось дорого то, что онъ получилъ при большой затратѣ труда, а дешево то, онъ добылъ цѣною небольшого труда. Здѣсь опять, какъ и въ отрывкѣ, гдѣ употребляется слово worth, Смитъ черпаетъ свой аргументъ изъ выраженій повседневной рѣчи и этимъ только спутываетъ теченіе своей основной мысли. Ему кажется, что онъ подкрѣпляетъ положеніе о неизмѣнной цѣнности труда, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности онъ затемняетъ его. Въ одномъ случаѣ онъ разсматриваетъ цѣнность, какъ значеніе предмета для человѣческаго благополучія, а въ другомъ говоритъ о значеніи, которое имѣетъ для человѣка производимая имъ трата силъ. При этомъ онъ переноситъ эту оцѣнку на хозяйственныя блага, получаемыя рабочимъ, но здѣсь рѣчь идетъ только о субъективной оцѣнкѣ рабочимъ вознагражденія за его трудъ, а не объ оцѣнкѣ хозяйственныхъ благъ, пускаемыхъ въ мѣновой оборотъ; Смитъ говоритъ объ оцѣнкѣ продуктовъ извлекаемыхъ изъ сферы обмѣна, а не о тѣхъ, которые поступаютъ въ нее. Поэтому субъективная оцѣнка, производимая рабочимъ въ условіяхъ, которыя имѣетъ въ виду Смитъ, не можетъ опредѣлять мѣновую цѣнность благъ.

тельно изъ предметовъ потребленія. Не то, что̀ извѣстныя блага вообще могутъ доставить, а то, что они могутъ доставить изъ потребительныхъ средствъ, имѣетъ рѣшающее значеніе для состоянія богатства ихъ обладателя. Что такова именно мысль Смита, когда онъ ставитъ богатство въ зависимость отъ мѣновой цѣнности благъ, вытекаетъ изъ заявленій, въ которыхъ онъ разъясняетъ содержаніе понятій цѣнности и цѣны» [1]).

Итакъ, мѣновая цѣнность предмета, по ученію Смита, опредѣляется количествомъ потребительныхъ благъ, которыя можно получить за него въ обмѣнѣ. Нетрудно замѣтить, что эта точка зрѣнія очень близка къ той, которую проводятъ австрійскіе экономисты, разсуждая объ оцѣнкѣ мѣновыхъ благъ. «Мѣновая цѣнность денегъ говоритъ Визеръ, это антиципированная потребительная цѣнность предметовъ, которые можно получить за деньги». Точно также и относительно другихъ предметовъ, кромѣ денегъ: «непосредственнымъ основаніемъ оцѣнки служитъ ожидаемая денежная сумма или ея мѣновая цѣнность; конечное же основаніе образуетъ потребительная цѣнность, антиципируемая въ мѣновой цѣнности вырученныхъ денегъ» [2]). Изъ сопоставленія этихъ сужденій съ изложенными выше воззрѣніями Смита вытекаетъ, что послѣднія относятся къ понятію, которое по современной терминологіи слѣдуетъ обозначить субъективной мѣновой цѣнностью.

Въ ученіи Смита мы находимъ такимъ образомъ зачатокъ идеи субъективной оцѣнки мѣновыхъ благъ, но было бы напрасно искать у него развитія этой идеи. Онъ не могъ дать его, потому что ему совершенно неизвѣстно было понятіе субъективной потребительной цѣнности: его value in use не что иное, какъ полезность вещи или вѣрнѣе ея пригодность служить цѣлямъ человѣка, обусловливаемая ея техническими свойствами. Поэтому, полагая, что мѣновая цѣнность благъ, понимаемая какъ субъективная оцѣнка ихъ, опредѣляется потребительными благами, которыя могутъ быть получены въ обмѣнъ за нихъ, Смитъ измѣрялъ потребительныя блага только ихъ количествомъ, а количество трудомъ, которое было затрачено на нихъ. Смитъ не представлялъ себѣ, что одинаковыя количества одного и того же блага мо-

---

[1]) E. Leser. Der Begriff des Reichthums bei Adam Smith. Стр. 121.

[2]) Der Natürliche Werth, стр. 47.

гутъ удовлетворять потребностямъ хотя и однороднымъ, но весьма различнымъ по своему значенію. Данное благо имѣетъ въ его глазахъ опредѣленную потребительную цѣнность, и единственнымъ основаніемъ для измѣренія послѣдней служитъ количество блага; а при равенствѣ прочихъ условій, оно соотвѣтствуетъ количеству труда, затраченнаго на производство и покупаемаго тѣмъ, кто пріобрѣтаетъ благо. Такимъ образомъ, количество труда, которое можно купить за данный предметъ въ видѣ рабочей силы или ея продуктовъ, получаетъ характеръ показателя потребительной цѣнности, антиципируемой при обмѣнѣ предмета и представляющей основаніе для его субъективной мѣновой цѣнности.

Критика Рикардо и по этому вопросу не была удачна. Онъ находитъ у Смита и здѣсь существенное противорѣчіе, котораго въ дѣйствительности нѣтъ. Рикардо считаетъ правильнымъ опредѣленіе богатства, данное Смитомъ въ началѣ 5-й главы: «человѣкъ богатъ или бѣденъ, соотвѣтственно степени, въ которой онъ можетъ доставить себѣ пользованіе предметами необходимости, удобствъ и наслажденія человѣческой жизни»; но при этомъ онъ замѣчаетъ: «Хотя Адамъ Смитъ и далъ правильное представленіе о богатствѣ, однако онъ затѣмъ объясняетъ его иначе и говоритъ,—«что человѣкъ долженъ быть богатъ или бѣденъ соотвѣтственно количеству труда, которое онъ можетъ купить». [1]).

Если изложенное выше правильно, то очевидно, что Смитъ разсуждалъ вполнѣ послѣдовательно: большее богатство, или большее количество предметовъ потребленія въ его глазахъ представляло и большую цѣнность. Насколько воззрѣнія Смита по этому предмету было вѣрно, это другой вопросъ, на которомъ мы остановимся ниже.

Намъ предстоитъ теперь разсмотрѣть доводы, приводимые въ доказательство того, что Смитъ признавалъ два мѣрила цѣнности: то, о которомъ говорилось выше, и количество труда, затраченнаго на производство.

Основаніемъ для послѣдняго мнѣнія, составляющаго содержаніе критики Рикардо, служитъ нѣсколько отрывковъ изъ 5-й главы «Изслѣдованія о Богатствѣ Народовъ», въ которыхъ, по мнѣнію критиковъ, выражена эта мысль. Эти отрывки слѣдующіе.

---

[1]) Works, стр. 168.

Первый отрывокъ, приводимый Рикардо, требуетъ нѣкоторыхъ разъясненій относительно перевода; поэтому выписываемъ его сначала изъ оригинала. Вотъ его текстъ: «The real price of everything, what everything really costs to the man, who wants to acquire it, is the toil and trouble of acquiring it. What everything is really worth to the man who has acquired it, and who wants to dispose of it or exchange it for something else, is the toil and trouble which it can save to himself, and which it can impose upon other people» [1]).

Бибиковъ переводитъ это мѣсто такъ. «Дѣйствительная цѣна всякой вещи, то есть, то, что на самомъ дѣлѣ стоитъ вещь тому, кто желаетъ пріобрѣсть ее,—это трудъ и усилія, какія необходимо употребить для пріобрѣтенія ея. А дѣйствительная цѣнность вещи тому, кто пріобрѣлъ ее и желаетъ сбыть или промѣнять ее за другую вещь,—это трудъ и усилія, которыя могутъ быть сбережены обладаніемъ ею, или которыя могутъ быть получены отъ другихъ людей при ея содѣйствіи» [2]).

Зиберъ переводитъ это же мѣсто иначе. Вотъ его переводъ. «Дѣйствительная цѣна каждой вещи, то, что каждая вещь дѣйствительно стоитъ человѣку, желающему пріобрѣсти ее, это трудъ и усиліе пріобрѣтенія ея. То, что каждая вещь дѣйствительно стоитъ человѣку, который пріобрѣлъ ее и который желаетъ располагать ею, или обмѣнять ее на что-нибудь другое, есть трудъ и усилія, которые могутъ быть сбережены для него и которые онъ можетъ возложить на другія лица» [3]).

Оставляя въ сторонѣ оцѣнку этихъ двухъ переводовъ въ отношеніи языка и близости къ оригиналу, мы обратимъ вниманіе только на передачу нѣкоторыхъ выраженій, имѣющихъ значеніе для правильнаго пониманія общаго смысла приведеннаго отрывка.

Слово worth, употребляемое Смитомъ во второмъ предложеніи, передано переводчиками различно. Бибиковъ переводитъ «цѣнность», а Зиберъ пользуется здѣсь глаголомъ «стоитъ»: «то, что каждая вещь дѣйствительно стоитъ человѣку»... Изъ этихъ двухъ переводовъ по-

---

[1]) Wealth of Nations, стр. 38.

[2]) Переводъ Бибикова, стр. 135.

[3]) Сочиненія Рикардо въ пер. Зибера, стр. 2. Приблизительно также переводитъ это мѣсто М. П. Щепкинъ. См. 1-й вып. „Библіотеки экономистовъ“, стр. 50.

слѣдній долженъ быть безусловно отброшенъ, потому что выраженіе worth во всякомъ случаѣ не заключаетъ въ себѣ представленія о стоимости, которое передается особымъ терминомъ cost, употребляемымъ въ первомъ предложеніи приведеннаго отрывка. Если судить по переводу Зибера, то весь отрывокъ говоритъ о причинахъ, опредѣляющихъ стоимость благъ, между тѣмъ терминологія Смита показываетъ, что въ обоихъ предложеніяхъ рѣчь идетъ о разныхъ предметахъ; и это различіе между первой и второй частью приведеннаго мѣста передано въ другихъ переводахъ Смита на европейскіе языки. Такъ во французскомъ переводѣ, появившемся въ изданіи Гильльомена, въ первомъ предложеніи, гдѣ Смитъ употребляетъ глаголъ costs, говорится: «ce que chaque chose *coûte* réellement», а во второмъ, гдѣ въ оригиналѣ употреблено выраженіе worth: ce que chaque chose vaut réellement» [1]). Тѣ же термины употреблены и въ первомъ французскомъ переводѣ Смита, вышедшемъ въ 1788 году [2]). Нѣмецкій переводчикъ Штёпель въ первомъ случаѣ употребляетъ выраженіе: «wirklich kostet», а во второмъ: «wirklich werth ist» [3]). По итальянски соотвѣтствующія мѣста переданы такъ: «cio che ogni cosa costa realmente» и «realmente vale» [4]).

Правильно ли однако передавать worth словомъ «цѣнность», какъ переводитъ его Бибиковъ? Почему Смитъ говоритъ worth, а не value, хотя онъ пользуется послѣднимъ терминомъ на протяженіи всего своего трактата, когда касается цѣнности? Очевидно, текстъ подлинника выражаетъ извѣстный оттѣнокъ, трудно передаваемый на другихъ языкахъ. Въ чемъ же онъ заключается?

Марксъ замѣчаетъ по поводу одной цитаты изъ Локка, что въ XVII вѣкѣ у англійскихъ писателей часто еще употребляются вы-

---

[1]) I томъ, стр. 38.

[2]) Стр. 30.

[3]) F. Stöpel. 18⁻8, стр. 41.

[4]) Переводъ Смитовскаго „изслѣдованія“ въ серіи Biblioteca dell'Economista 1851, стр. 20. Кэзнёвъ, писавшій въ 40-хъ гг. настаивалъ на различіи понятій стоимости и цѣнности у Смита. Первая измѣряется количествомъ труда, затраченнаго на производство, а вторая количествомъ труда, которое можно купить за продуктъ. Смитъ, по мнѣнію Кэзнёва, строго различалъ эти понятія, между тѣмъ какъ комментаторы его, какъ Бьюкананъ и Рикардо, а за ними и цѣлый рядъ другихъ экономистовъ смѣшивали ихъ. Отсюда недоразумѣнія и споры, возникавшіе по поводу ученія о цѣнности. J. Cazenove. An Elementary Treatise on Political Economy. 1840. Гл. III и прил. F.

раженія worth въ смыслѣ потребительной цѣнности и value — мѣновой, «вполнѣ въ духѣ языка, который любитъ выражать непосредственные предметы германскими словами, а рефлектированные — романскими» [1]). Едва ли однако на этомъ основаніи можно было бы заключить, что Смитъ, употребляя выраженіе worth, имѣетъ въ виду потребительную цѣнность въ точномъ смыслѣ. Для этого онъ пользуется въ своемъ сочиненіи совершенно опредѣленнымъ терминомъ value in use, и если онъ не употребилъ его въ приведенномъ отрывкѣ, то очевидно, что смыслъ послѣдняго не относится къ понятію потребительной цѣнности, какъ оно опредѣлено въ концѣ 4-й главы «Изслѣдованія о богатствѣ народовъ». Въ виду этого намъ представляется вѣрнымъ замѣчаніе Бемъ-Баверка, полагающаго, что мѣсто, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, не относится ни къ потребительной, ни къ мѣновой цѣнности, и вообще не имѣетъ отношенія къ понятію цѣнности въ строго научномъ смыслѣ. Передавая англійское слово worth нѣмецкимъ werth, Бемъ-Баверкъ замѣчаетъ, что послѣднее употребляется здѣсь въ томъ весьма широкомъ, расплывчатомъ смыслѣ, въ какомъ это слово живетъ въ повседневной рѣчи [2]). Worth, во избѣженіе недоразумѣнія, лучше здѣсь перевести не «цѣнность», а «значеніе», и во всякомъ случаѣ, если употребить слово «цѣнность», то нужно имѣть въ виду, что оно не соотвѣтствуетъ вполнѣ ни value in use, ни value in exchange.

Въ томъ же отрывкѣ вызываетъ также сомнѣнія переводъ другого мѣста, именно, во второмъ предложеніи: to dispose of it or exchange it. Бибиковъ переводитъ слово dispose—«сбыть», а Зиберъ ближе къ тексту—«располагать». Неопредѣленное значеніе глагола «располагать» побудило нѣкоторыхъ переводчиковъ употребить здѣсь болѣе точное выраженіе. Баумштаркъ [3]) переводитъ dispose потреблять; но проф. Лезеръ считаетъ такой переводъ неправильнымъ: по его мнѣнію выраженія, употребляемыя Смитомъ, синонимы, обозначающіе сбыть, обмѣнять [4]). Эти догадки представляются намъ неу-

---

[1]) Das Kapital, стр. 2.

[2]) Kapital und Kapitalzins, I стр. 431. О выводѣ, который Бемъ-Баверкъ дѣлаетъ изъ вышеизложеннаго толкованія Смита, мы будемъ говорить ниже.

[3]) Baumstark. David Ricardo's Grudgesetze der Volkswirtschaft u. Besteuerung стр. 3.

[4]) E. Leser. Der Begriff des Reichthums bei Adam Smith. Стр. 125.

мѣстными, потому что глаголъ dispose означаетъ именно располагать (verfügen) и, если при дословномъ переводѣ, какой даетъ Зиберъ, текстъ Смита не получаетъ вполнѣ опредѣленнаго значенія, то это происходитъ отъ неопредѣленности смысла этого мѣста въ оригиналѣ. Во всякомъ случаѣ нѣтъ основанія утверждать, что Смитъ говоритъ здѣсь только объ обмѣнѣ; скорѣе онъ имѣетъ въ виду, кромѣ обмѣна, и другіе возможные способы располагать предметомъ, въ смыслѣ его потребленія.

Наконецъ, нельзя не остановиться еще на значеніи словъ toil and trouble, которыя Бибиковъ и Зиберъ переводятъ: «трудъ и усилія». Такой переводъ въ общемъ передаетъ смыслъ оригинала; но слово «трудъ» можетъ подать поводъ къ неправильному пониманію этого мѣста. Когда Смитъ говоритъ о трудѣ, въ томъ смыслѣ, какой придаютъ этому слову въ ученіи о мѣрилѣ цѣнности, онъ употребляетъ выраженіе labour. Здѣсь же онъ пользуется менѣе опредѣленными выраженіями, обозначающими вообще усиліе и трудность или безпокойство: Mühe und Beschwerlichkeit, какъ передаетъ это мѣсто нѣмецкій переводчикъ.

Принимая во вниманіе изложенныя соображенія, мы переводимъ упомянутый выше отрывокъ слѣдующимъ образомъ: «Дѣйствительная цѣна всякаго предмета, то, что каждый предметъ дѣйствительно стоитъ человѣку, которому нужно пріобрѣсти его, это усиліе и безпокойство, связанныя съ его пріобрѣтеніемъ. Дѣйствительное значеніе каждаго предмета для человѣка, который пріобрѣлъ его и хочетъ располагать имъ или промѣнять его на что-нибудь другое, это усиліе и безпокойство, отъ которыхъ онъ можетъ избавить себя и которыя онъ можетъ возложить на другихъ людей».

Первая часть этого отрывка относится къ понятію стоимости, т. е. пожертвованія, съ которымъ связано для человѣка пріобрѣтеніе какого-либо блага, и представляетъ ничто-иное какъ тавтологію. Вторая имѣетъ своимъ предметомъ субъективную оцѣнку хозяйственныхъ благъ и заключаетъ въ себѣ мысль, что значеніе блага для субъекта хозяйственной дѣятельности опредѣляется пожертвованіемъ, отъ котораго избавляетъ его обладаніе благомъ. Визеръ совершенно вѣрно передаетъ мысль Смита, слѣдующимъ образомъ переводя ее, какъ онъ говоритъ, на субъективистскій языкъ: «Люди избѣгаютъ труда и тягостей, связанныхъ съ работой; личное производство хо-

зяйственныхъ благъ налагаетъ извѣстный трудъ и тягость; обладаніе благомъ избавляетъ отъ нихъ. Поэтому людямъ, обладающимъ благами, это обладаніе важно, и они переносятъ на нихъ интересъ, который имѣютъ въ томъ, чтобы избѣгать труда и тягости. Такимъ образомъ, экономическая цѣнность представляетъ значеніе, которое получаютъ блага вслѣдствіе того, что обладаніе ими избавляетъ отъ работы необходимой для ихъ воспроизведенія» [1]).

Таково значеніе перваго отрывка, приводимаго Рикардо. Затѣмъ Рикардо ссылается на слѣдующее положеніе Смита: «Трудъ былъ первой цѣной, уплаченной за всѣ предметы, первоначальной платой за нихъ». Смыслъ этихъ словъ не вполнѣ ясенъ. Онъ можетъ быть таковъ: всѣ предметы первоначально пріобрѣтены, или произведены трудомъ, или таковъ: за всѣ предметы, даже не произведенные трудомъ, но находящіеся въ частномъ владѣніи, людямъ приходится уплачивать своимъ трудомъ или его продуктами. Во всякомъ случаѣ, какое бы изъ этихъ толкованій ни принять, приведенное мѣсто не имѣетъ отношенія къ цѣнности [2]).

Наконецъ, третья ссылка Рикардо заимствована изъ 6-й главы смитовскаго изслѣдованія. Въ ней говорится слѣдующее: «Въ томъ раннемъ и грубомъ состояніи общества, которое предшествуетъ накопленію капитала и обращенію земли въ частную собственность, отношеніе между количествами труда, необходимаго для пріобрѣтенія различныхъ предметовъ, служитъ повидимому единственнымъ обстоятельствомъ, доставляющимъ какое-нибудь правило для обмѣна ихъ другъ на друга. Если напр. среди какого-нибудь охотничьяго народа, обыкновенно стоитъ въ два раза больше труда убить бобра, чѣмъ дикую козу, то естественно, что одинъ бобръ будетъ обмѣниваться на двѣ козы или будетъ равнозначенъ имъ [3]). Естественно, чтобы то, что составляетъ обыкновенно продуктъ двухъ дней или двухъ часовъ труда, имѣло въ два раза большее значеніе, чѣмъ то, что представляетъ обыкновенно продуктъ одного дня или одного часа труда».

---

[1]) Ueber den Ursprung etc., стр. 105.

[2]) Бемъ-Баверкъ справедливо замѣчаетъ по поводу отрывка, приведеннаго въ текстѣ: „Это положеніе довольно безспорно, но въ то же время оно ничего не доказываетъ по отношенію къ принципу цѣнности". Kapital und Kapitalzins, I, стр. 432.

[3]) Смитъ употребляетъ и здѣсь выраженіе worth. Wealth of Nations, стр. 51.

Въ этомъ отрывкѣ говорится не о субъективной оцѣнкѣ благъ, а объ ихъ покупательной силѣ по отношенію другъ къ другу. Здѣсь Смитъ понимаетъ мѣновую цѣнность въ томъ смыслѣ, какъ онъ опредѣлилъ ее въ концѣ 4-й главы, именно, какъ объективную мѣновую цѣнность: purchasing power. Смитъ утверждаетъ, что въ томъ состояніи общества, которое онъ называетъ первобытнымъ, блага обмѣниваются пропорціонально количествамъ труда, затраченнаго на ихъ производство, и что субъективная оцѣнка каждаго блага основывается на его покупательной силѣ. Этотъ взглядъ получаетъ обоснованіе въ дальнѣйшемъ изложеніи Смита и представляетъ главную идею его ученія о цѣнности; но мы пока не будемъ касаться этого вопроса, такъ какъ намъ необходимо прежде всего опредѣлить значеніе критики Рикардо.

Изъ того, что сказано было выше, видно, что одна изъ трехъ ссылокъ, приведенныхъ Рикардо, не имѣетъ прямого отношенія къ цѣнности; другія же двѣ относятся къ разнымъ понятіямъ: одна къ субъективной мѣновой цѣнности, а другая — къ объективной. Что касается отношенія, которое эти двѣ послѣднія ссылки имѣютъ къ мѣрилу цѣнности, установленному Смитомъ раньше, то оно таково. Смитъ призналъ основаніемъ субъективной мѣновой цѣнности предметы потребленія, которые можно получить въ обмѣнѣ за оцѣниваемое благо, а мѣриломъ ея количество труда, которое можно купить за благо. Между тѣмъ въ отрывкѣ, приведенномъ Рикардо, высказывается мысль, что вообще субъективная оцѣнка благъ имѣетъ своимъ основаніемъ пожертвованіе, съ которымъ связано ихъ воспроизведеніе, т.-е. говоря точнѣе количество труда, которое нужно затратить для ихъ полученія. Между приведенными положеніями, существуетъ противорѣчіе, или по крайней мѣрѣ, они между собой не согласованы и, что касается послѣдняго изъ нихъ, то оно высказано безъ всякихъ доказательствъ.

Бемъ-Баверкъ правъ, говоря, что Смитъ (о Рикардо, къ которому также относится замѣчаніе Бемъ-Баверка будетъ рѣчь ниже) высказываетъ здѣсь положеніе, по которому трудъ служитъ основаніемъ, или источникомъ цѣнности хозяйственныхъ благъ, какъ аксіому, будто бы не требующую доказательствъ, между тѣмъ въ дѣйствительности это вовсе не аксіома, а весьма спорный вопросъ [1]). Бемъ-Баверкъ,

[1]) Kapital und Kapitalzins, I, стр. 429 и сл.

какъ уже было сказано выше, выдвигаетъ рядъ возраженій противъ точки зрѣнія, высказанной Смитомъ, а Визеръ по тому же поводу развиваетъ свою самостоятельную теорію объ отношеніи между цѣнностью и затратой труда на производство хозяйственныхъ благъ [1]).

Насколько правильны возраженія этихъ писателей по существу дѣла, мы здѣсь не будемъ обсуждать. Насъ интересуетъ вопросъ, въ какой мѣрѣ эти возраженія относятся къ основнымъ положеніямъ смитовскаго ученія о цѣнности и вмѣстѣ съ тѣмъ къ принципу трудовой теоріи. Положеніе Смита, противъ котораго возражаютъ Бемъ-Баверкъ и Визеръ, касается, какъ было сказано выше, только субъективной оцѣнки благъ, между тѣмъ ниже будетъ показано, что основаніемъ для развитія трудовой теоріи послужила та часть смитовскаго ученія, которая относится къ объективной мѣновой цѣнности и цѣнѣ. Кромѣ того, положеніе, служащее объектомъ критики названныхъ писателей, вообще не представляется существеннымъ въ ученіи Смита. При изложеніи системы теоретической экономіи, какъ видно изъ того, что было сказано выше, онъ постоянно пользуется другимъ принципомъ. Мысль же, что трудъ, затраченный на производство, или вообще связанное съ послѣднимъ пожертвованіе является основой субъективной оцѣнки благъ, или, по выраженію Рикардо, первоначальнымъ источникомъ цѣнности, не играетъ роли въ его теоретическихъ построеніяхъ, съ которыми она, какъ было показано выше, и не вяжется. Смитъ считалъ трудъ, затраченный на производство, регуляторомъ количественныхъ отношеній, въ которыхъ обмѣниваются блага, только при извѣстныхъ условіяхъ, при которыхъ количество труда, затраченнаго на производство, совпадаетъ съ количествомъ труда, покупаемаго за благо, и поэтому можетъ наравнѣ съ послѣднимъ служить мѣриломъ цѣнности.

Итакъ, мы приходимъ къ заключенію, что первая ссылка, приведенная Рикардо изъ сочиненія Смита, вовсе не характерна для ученія послѣдняго о цѣнности, въ виду чего противорѣчіе ея съ принципомъ цѣнности, которое Смитъ установилъ раньше, является внѣшнимъ и не имѣетъ значенія. Характерно для теоріи Смита то, что основаніемъ субъективной мѣновой цѣнности является количество потребительныхъ благъ, покупаемыхъ за предметъ мѣны, а мѣ-

[1]) Ueber den Ursprung etc., стр. 105 и сл.

ремъ ея покупаемое за него количество труда; и съ этимъ основнымъ воззрѣніемъ Смита не находится въ противорѣчіи третья ссылка, приводимая Рикардо. Она относится къ ученію объ объективной мѣновой цѣнности, къ которому мы теперь и обратимся.

Смитъ прежде всего изслѣдуетъ причины, опредѣляющія покупательную силу хозяйственныхъ благъ при извѣстныхъ условіяхъ, которыя онъ соединяетъ съ представленіемъ о «раннемъ и грубомъ состояніи общества». Эти условія таковы. Земля, не составляетъ предмета частной собственности, и капиталъ еще не накопленъ, такъ что современнаго раздѣленія на классы не существуетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, отсутствуютъ и отношенія между капиталистомъ и рабочимъ, землевладѣльцемъ и фермеромъ. Въ такихъ условіяхъ весь продуктъ труда принадлежитъ рабочему. Предполагается, что въ этомъ обществѣ господствуетъ не только полная свобода занятій, но и фактическая возможность для каждаго мѣнять одно занятіе на другое—возможность, обезпечиваемая не только пригодностью каждаго для всѣхъ родовъ работы, но и наличностью внѣшнихъ условій, необходимыхъ для этого: достаточнымъ запасомъ земли, орудій производства и сырыхъ матеріаловъ. При такомъ режимѣ вознагражденіе за трудъ должно въ точности соотвѣтствовать количеству работы: и это соотвѣтствіе такъ точно, что, по словамъ Смита, если одинъ родъ работы суровѣе другого, то это обстоятельство принимается въ расчетъ при сравненіи двухъ количествъ труда, и продуктъ часовой работы одного рода нерѣдко можетъ быть приравненъ двумъ часамъ работы другого рода; точно также принимается въ соображеніе и степень ловкости и умѣнья трудящагося. Наконецъ, общая структура общества опредѣляется установившимся въ немъ раздѣленіемъ занятій и производствомъ продуктовъ для мѣны; при чемъ въ мѣновыхъ отношеніяхъ каждый руководится только соображеніемъ о личной выгодѣ. Опредѣляемый такими чертами строй общества не представляется, конечно, реальнымъ историческимъ періодомъ въ жизни человѣчества. Если Смитъ и считалъ его таковымъ, то во всякомъ случаѣ онъ играетъ въ его изслѣдованіи только роль гипотезы, къ которой авторъ прибѣгаетъ, чтобы удобнѣе подойти къ явленіямъ современности. Къ этому пріему, представляющему извѣстную форму примѣне-

нія дедуктивнаго метода, нерѣдко прибѣгали писатели XVII и XVIII столѣтій [1]).

Разсмотримъ теперь, какъ при изложенныхъ выше условіяхъ по ученію Смита должна складываться субъективная оцѣнка благъ, какими причинами будетъ опредѣляться ихъ покупательная сила и наконецъ, каково будетъ отношеніе между послѣдней и цѣнностью.

Основаніемъ субъективной мѣновой цѣнности служитъ количество потребительныхъ благъ, получаемыхъ за предметъ мѣны, а мѣриломъ ея—количество труда, которое можно купить за него; отсюда слѣдуетъ, что цѣнность предмета мѣны будетъ тѣмъ выше, чѣмъ больше потребительныхъ благъ можно будетъ купить за него, а это количество будетъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ выше покупательная сила предмета. Отчего же зависитъ послѣдняя? При тѣхъ условіяхъ, какія были предположены выше,—исключительно отъ количества труда, затраченнаго на производство предмета, потому что только такое основаніе мѣны можетъ обезпечить производителямъ равномѣрное вознагражденіе. Нужно помнить, что по предположенію Смита каждый получаетъ весь продуктъ своего труда и имѣетъ возможность обратиться къ любому занятію. При такихъ условіяхъ, если бы кто-нибудь потребовалъ за продуктъ однодневнаго труда предметъ, производство котораго стоило два дня труда, произошло бы одно изъ двухъ: или каждый предпочелъ бы самъ изготовлять этотъ продуктъ, или его изготовленіемъ для мѣны занялись бы многіе, и подъ вліяніемъ конкурренціи покупательная сила продукта понизилась бы до такого уровня, при которомъ снова установилось бы соотвѣтствіе между затратой труда и вознагражденіемъ. Такимъ образомъ покупательная сила хозяйственныхъ благъ опредѣлялась бы количествомъ труда, употребленнаго на ихъ производство.

Если каждый получаетъ за свой трудъ все, что онъ можетъ произвести при его помощи, то онъ согласится продать его только за такое количество продукта, какое онъ въ состояніи выработать въ тотъ періодъ времени, на который ему предлагаютъ купить его ра-

---

[1]) Гасбахъ дѣлаетъ интересныя указанія на связь между представленіемъ Смита о „раннемъ и грубомъ состояніи общества“ и ученіемъ естественнаго права о естественномъ состояніи человѣчества. См. Die allgemeinen philosophischen Grundlagen der von François Quesnay und Adam Smith begründeten Politischen Oekonomie. Von Dr. W. Hasbach. 1890, стр. 53 и сл. и 76 и сл.

бочую силу. При такихъ условіяхъ, конечно, не имѣла бы мѣста продажа рабочей силы для полученія прибыли; но безспорно, что за продукты можно было бы покупать лишь такое же количество чужого труда, какое употреблено было на ихъ производство. Къ этому и сводится заключеніе Смита. «При такомъ положеніи вещей, говоритъ онъ, весь продуктъ работы принадлежитъ рабочему, и количество труда, вообще употреблямое на пріобрѣтеніе или производство какого-либо предмета, представляетъ единственное обстоятельство, могущее регулировать количество труда, которое должно будетъ покупаться или обмѣниваться за этотъ предметъ и которымъ можно будетъ располагать при его помощи» [1]).

Таковъ смыслъ третьей ссылки, приводимой Рикардо. Какъ видно изъ сказаннаго, она нисколько не противорѣчитъ принципу субъективной мѣновой цѣнности, установленному Смитомъ въ 5-й главѣ. Противорѣчіе, несомнѣнно, получилось бы, если бы Смитъ утверждалъ, что и въ современномъ строѣ покупательная сила продуктовъ опредѣляется количествомъ труда, затраченнаго на ихъ производство. Но онъ этого не утверждаетъ, и поэтому доводы, приводимые Рикардо въ доказательство того, что нельзя съ одинаковымъ правомъ употреблять оба мѣрила, указанныя Смитомъ, не относятся къ дѣлу.

Остановимся теперь на замѣчаніяхъ Бемъ-Баверка по поводу изложеннаго ученія Смита. Австрійскій экономистъ приводитъ только то мѣсто изъ 6-й главы смитовскаго изслѣдованія, на которое ссылается Рикардо, между тѣмъ объясненіе мысли, высказываемой Смитомъ, заключается въ томъ отрывкѣ, который приведенъ выше [2]) и о которомъ не упоминаютъ ни Рикардо, ни Бемъ-Баверкъ. Естественно, что разсужденія Смита о первобытномъ обществѣ, представляются послѣднему совершенно не обоснованными. «Въ этихъ словахъ, замѣчаетъ Бемъ-Баверкъ по поводу цитаты, приведенной Рикардо, было бы тщетно искать какого бы то ни было слѣда мотивировки: Смитъ просто говоритъ: «повидимому служитъ единственнымъ обстоятельствомъ», «естественно должно», «естественно, что»... и т. д., но онъ вполнѣ предоставляетъ читателю убѣдиться въ «естественности» этихъ положеній. Задача, кстати замѣтимъ, которую не легко разрѣшить критически

---

[1]) Wealth of Nations, стр. 52.

[2]) Тамъ же.

мыслящему читателю; ибо если вообще нужно признать естественнымъ, что продукты исключительно обмѣниваются пропорціонально рабочему времени, котораго стоило ихъ пріобрѣтеніе, то пришлось бы напр. признать естественнымъ, что какая-нибудь рѣдкая разноцвѣтная бабочка или рѣдкая съѣдобная лягушка цѣнилась бы дикарями въ 10 разъ больше козы, если бы бабочку и лягушку, какъ общее правило, приходилось искать десять дней, а козу можно было бы обыкновенно добыть затративъ одинъ день труда: отношеніе, «естественность» котораго едва ли могла бы быть кому-нибудь очевидной» [1]). На это Смитъ могъ бы возразить, что если бы среди дикарей, при условіяхъ предположенныхъ имъ, нашлись люди, которые желали бы и могли платить за лягушку продуктами своего труда, то лягушка обмѣнивалась бы именно на десять козъ и такое отношеніе было бы «естественнымъ», потому что при немъ производители получали бы равномѣрное вознагражденіе; напротивъ, было бы «неестественно», если бы кто-нибудь согласился затрачивать десять дней на добычу лягушки и отдавать ее за продукты одного дня другихъ людей, напр. за одну козу, только на томъ основаніи что эти люди не могутъ или не хотятъ платить болѣе высокую цѣну. Если держаться того предположенія, что руководящимъ мотивомъ хозяйственной дѣятельности людей служитъ личный разсчетъ, то нужно придти къ заключенію, что при описанныхъ условіяхъ никто не сталъ бы заниматься промысломъ, хуже оплачиваемымъ, чѣмъ другіе. «Естественность» этого заключенія представляется очевидной.

Возвращаемся къ изложенію Смита. Приведя изъ смитовскаго изслѣдованія положеніе, относящееся къ первобытному состоянію общества, Рикардо разсуждаетъ затѣмъ такъ, какъ-будто Смитъ относитъ это положеніе и къ современному строю. Между тѣмъ авторъ «Изслѣдованія о богатствѣ народовъ» совершенно опредѣленно заявляетъ, что это не такъ.

Прежде всего, по мнѣнію Смита, при современномъ порядкѣ вещей, когда земля составляетъ предметъ частной собственности и производство, послѣ накопленія капитала, совершается при помощи наемнаго труда, отношеніе между мѣриломъ субъективной оцѣнки благъ и количествомъ труда, затраченнаго на производство, суще-

[1]) Kapital und Kapitalzins, I, стр. 433.

ственно измѣняется. «При этомъ (т. е. современномъ) положеніи вещей, замѣчаетъ онъ, весь продуктъ труда не всегда принадлежитъ рабочему. Въ большинствѣ случаевъ онъ долженъ дѣлить его съ собственникомъ капитала, который даетъ ему занятіе; и количество труда, обыкновенно занятое добычей или производствомъ какого-нибудь продукта, не составляетъ единственнаго обстоятельства, могущаго регулировать количество, которое должно вообще пріобрѣтаться или обмѣниваться на этотъ продуктъ или которымъ можно располагать при его помощи. Очевидно, что добавочное количество должно быть относимо на прибыль съ капитала, выплачивающаго заработную плату и доставившаго матеріалъ для этого труда»[1]).

Основаніемъ субъективной оцѣнки, согласно общему правилу, служитъ количество потребительныхъ благъ, которое можно купить за предметъ, но это количество не находится, какъ въ первобытномъ обществѣ, въ прямомъ отношеніи къ труду, затраченному на производство. Оно попрежнему зависитъ отъ покупательной силы предмета, но послѣдняя не измѣряется уже только рабочей энергіей, употребленной для приготовленія продукта.

Для того, чтобы представить себѣ ходъ мысли Смита, нужно имѣть въ виду, что въ такъ называемомъ первобытномъ обществѣ покупательная сила хозяйственныхъ благъ опредѣлялась количествомъ труда, затраченнаго на производство, только по той причинѣ, что при этомъ условіи производители получали равномѣрное вознагражденіе. Тотъ же принципъ примѣняется и къ современному строю: покупательная сила предметовъ въ среднемъ устанавливается на такомъ уровнѣ, при которомъ всѣ производители могли бы получать равномѣрное вознагражденіе, т. е. равномѣрные доходы. Но при раздѣленіи общества на классы и участіи представителей разныхъ классовъ въ производственномъ процессѣ почти всякаго предмета, опредѣленіе покупательной силы хозяйственныхъ благъ и образованіе ихъ цѣнъ оказывается явленіемъ гораздо болѣе сложнымъ, чѣмъ «при раннемъ и грубомъ состояніи общества».

Почвой для разсужденій Смита по этому предмету служитъ представленіе объ организаціи производства и соціальныхъ отношеніяхъ между классами, принимающими въ немъ участіе. Представители

---

[1]) Wealth of Nations, стр. 53.

трехъ факторовъ производства, рабочіе, капиталисты и землевладѣльцы, стремятся къ возможно полному достиженію своихъ частныхъ выгодъ и направляютъ свои усилія къ тому, чтобы обезпечить за собой возможно большій доходъ. Рабочіе требуютъ возможно большей заработной платы, землевладѣлецъ возможно большей ренты, а капиталистъ, котораго Смитъ не отдѣляетъ отъ предпринимателя, хочетъ получить возможно большую прибыль. Величина этихъ доходовъ опредѣлится объективной мѣновой цѣнностью, или цѣной продукта, въ производствѣ котораго участвовали эти лица, а цѣна продукта въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣляется отношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ. Такимъ образомъ, и доходы зависятъ въ свою очередь отъ рыночной цѣны; но конкурренція между производителями уравниваетъ доходы отдѣльныхъ классовъ. Уравненіе это приводитъ къ тому, что равныя количества одинаковаго труда вознаграждаются одинаковой заработной платой, а равные капиталы приносятъ равную прибыль. Если въ какой-нибудь отрасли производства цѣна держится на такой высотѣ, что кто-либо изъ участвующихъ въ производственномъ процессѣ, рабочіе или капиталисты, или тѣ и другіе получаютъ доходъ, превышающій среднюю норму, то въ эту отрасль направятся капиталы и трудъ, и въ концѣ концовъ подъ вліяніемъ соперничества цѣна понизится до такого уровня, при которомъ доходы установятся на средней высотѣ. Средняя плата за трудъ и средняя прибыль въ свою очередь опредѣляютъ среднюю ренту, потому что рента представляетъ, по Смиту, излишекъ, остающійся за покрытіемъ заработной платы и прибыли—и, какъ полагаетъ Смитъ, всегда остающійся при производствѣ хлѣба: подъ вліяніемъ соперничества рента устанавливается на такомъ уровнѣ, при которомъ равные участки одинаковаго плодородія приносили бы равный поземельный доходъ. Такимъ образомъ «въ каждомъ обществѣ или въ каждой мѣстности, какъ говоритъ Смитъ, существуетъ обычный, или средній уровень какъ заработной платы, такъ и прибыли въ каждой отдѣльной отрасли примѣненія труда и капитала... Точно также въ каждомъ обществѣ или въ каждой мѣстности существуетъ обычный или средній уровень ренты»[1])... Эти средніе доходы Смитъ называетъ «естествен-

[1]) Тамъ же, стр. 57.

ными» и полагаетъ, что рыночныя цѣны всегда тяготѣютъ къ такому уровню, при которомъ оплачивались бы «естественные» доходы участниковъ производства. Цѣну, которая держится на этомъ уровнѣ, онъ называетъ естественной цѣной. Такимъ образомъ, по теоріи Смита, оказывается, что фактическіе доходы участниковъ производства зависятъ отъ рыночныхъ цѣнъ, опредѣляющихся подъ вліяніемъ спроса и предложенія, но рыночныя цѣны тяготѣютъ къ естественнымъ, которыя слагаются изъ среднихъ доходовъ лицъ, участвующихъ въ производственномъ процессѣ. Въ конкретныхъ условіяхъ цѣна опредѣляется спросомъ и предложеніемъ, а въ среднемъ издержками производства, составляющимися изъ вознагражденій рабочаго, капиталиста и землевладѣльца [1]).

«Если цѣна какого-нибудь предмета не больше и не меньше, чѣмъ сколько необходимо, чтобы оплатить соотвѣтственно ихъ естественному уровню поземельную ренту, плату за трудъ и прибыль на капиталъ, употребленный для того, чтобы добыть его, приготовить и доставить на рынокъ, то предметъ продается за то, что можетъ быть названо его естественной цѣной» [2]). Разлагая такимъ образомъ издержки производства на доходы, Смитъ находитъ нужнымъ особенно мотивировать свою точку зрѣнія относительно прибыли. «Хотя въ обыденной рѣчи, замѣчаетъ онъ, то, что называется первоначальной стоимостью какого-нибудь предмета, не включаетъ въ себѣ прибыли лица, которое перепродастъ его, тѣмъ не менѣе если это лицо продастъ предметъ по цѣнѣ, которая не доставитъ ему обычнаго въ данной мѣстности уровня прибыли, то очевидно, что торговля нанесетъ ему ущербъ, такъ какъ употребивъ свой капиталъ какимъ-нибудь другимъ образомъ онъ могъ бы получить эту прибыль. Кромѣ того, его прибыль представляетъ его доходъ, истинный источникъ его существованія. Подобно тому, какъ онъ, изготовляя и доставляя предметы на рынокъ, авансируетъ своимъ рабочимъ ихъ заработную плату, или ихъ средства къ жизни, точно также

---

[1]) Тамъ же, глава VII.

[2]) Тамъ же, стр. 57. Бибиковъ переводитъ according to their natural rates etc.— „по естественнымъ цѣнамъ за наемъ земли, капитала и труда“... Rate значитъ уровень, а не цѣна. Поэтому русскій переводъ можетъ подать поводъ къ недоразумѣнію: читатель получаетъ такое впечатлѣніе, будто Смитъ вертится въ заколдованномъ кругѣ опредѣляя цѣну однихъ предметовъ цѣною другихъ.

онъ авансируетъ и самому себѣ свои собственныя средства къ жизни, соотвѣтствующія вообще прибыли, которой онъ разумно можетъ ожидать отъ продажи своихъ товаровъ. Поэтому, если послѣдніе не приносятъ этой прибыли, они не оплачиваютъ того, что, можно вполнѣ сказать, дѣйствительно стоили ему» [1]).

Въ общемъ, процессъ образованія цѣнъ представляется, по Смиту, въ слѣдующемъ видѣ. Въ каждой мѣстности существуетъ средній уровень доходовъ, опредѣляющій средства къ жизни и, слѣдовательно, матеріальный бытъ отдѣльныхъ классовъ населенія; и объективная мѣновая цѣнность, или цѣна предметовъ, держится на такомъ уровнѣ, при которомъ каждый классъ получаетъ обычныя средства къ жизни. Это происходитъ такимъ образомъ, что въ общемъ производители расцѣниваютъ свои товары соотвѣтственно среднимъ доходамъ, которые должны оплатиться цѣною, вырученной отъ ихъ продажи; получится ли эта цѣна или нѣтъ, зависитъ отъ того, за что въ дѣйствительности будетъ проданъ товаръ, а это въ свою очередь зависитъ отъ спроса и предложенія, т. е., при данномъ спросѣ, отъ размѣровъ производства; размѣры же производства регулируются въ конечномъ счетѣ доходами: если рыночная цѣна устанавливается на такомъ уровнѣ, при которомъ получаются доходы, превышающіе средніе, производство расширяется; въ противномъ же случаѣ сокращается. Поэтому Смитъ говоритъ, что цѣна, доставляющая продавцу естественную прибыль, хотя и не всегда является самой низкой, по которой онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ продавать свои товары, тѣмъ не менѣе она самая низкая, по которой онъ можетъ продавать ихъ въ теченіе сколько-нибудь продолжительнаго времени; «по крайней мѣрѣ, прибавляетъ Смитъ, тамъ, гдѣ существуетъ полная свобода или гдѣ онъ можетъ мѣнять свой промыселъ всегда, когда пожелаетъ этого» [2]). Естественная цѣна, по выраженію Смита, представляется какъ бы «центральной цѣной, къ которой постоянно тяготѣютъ цѣны всѣхъ предметовъ... Сама же она измѣняется вмѣстѣ съ естественнымъ уровнемъ каждой изъ ея составныхъ частей,—заработной платы, прибыли и ренты» [3])...

Итакъ, при данномъ уровнѣ доходовъ въ странѣ или извѣстной мѣстности покупательная сила предметовъ въ общемъ опредѣляется

[1]) Тамъ же, стр. 58.
[2]) Тамъ же, стр. 58.
[3]) Тамъ же, стр. 59.

ЮРИДИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ В. Ж. К.

совокупностью доходовъ тѣхъ лицъ, которыя участвуютъ въ производствѣ; но отчего же зависятъ доходы отдѣльныхъ лицъ и классовъ? Прежде всего отъ общихъ размѣровъ производства потребительныхъ благъ. Этимъ условіемъ опредѣляется, по Смиту, экономическая структура общества въ отдѣльные періоды его исторіи и переходъ его изъ одной стадіи развитія въ другую. Это двигательная сила соціальной эволюціи [1]). Когда же дано количество потребительныхъ благъ, то распредѣленіе ихъ между общественными классами зависитъ отъ того, какъ распредѣляются результаты производства между рабочими и капитали-

---

[1]) „У дикихъ и варварскихъ націй, говоритъ Смитъ, сотой или меньше, чѣмъ сотой части годового труда бываетъ достаточно для того, чтобы доставить большей части народа нужную одежду и жилище; остальныхъ же девяносто девяти сотыхъ часто только хватаетъ для добычи пищи. Но когда, благодаря улучшенію и культурѣ земли, трудъ одной семьи получаетъ возможность доставить пищу для двухъ семей, тогда труда одной половины общества становится достаточно, чтобы снабдить пищей всѣхъ. Поэтому, другая половина или по крайней мѣрѣ бо́льшая часть ихъ можетъ заняться производствомъ другихъ предметовъ или удовлетвореніемъ другихъ потребностей или желаній человѣчества. Одежда и жилище, домашняя обстановка и то, что называется выѣздомъ, представляютъ главные предметы, этихъ желаній. Богатый человѣкъ потребляетъ не больше пищи, чѣмъ его бѣдный сосѣдъ. Ея качество можетъ быть весьма различно и для ея выбора и приготовленія можетъ требоваться больше труда и умѣнія; но по количеству она приблизительно равна ей. Напротивъ, сравните обширный дворецъ и богатый гардеробъ одного съ хижиной и лохмотьями другого, и вамъ станетъ ясно, что разница между ихъ одеждой, помѣщеніемъ и домашней обстановкой почти также велика въ отношеніи количества, какъ и въ отношеніи качества. Желаніе пищи ограничено у каждаго человѣка малой вмѣстимостью его желудка; но желаніе удобствъ и украшеній въ помѣщеніи, одеждѣ, экипажахъ и домашней обстановкѣ, повидимому, не имѣетъ никакого предѣла или опредѣленной границы. Поэтому, тѣ, которые располагаютъ большимъ количествомъ пищи, чѣмъ сколько они сами могутъ съѣсть, всегда имѣютъ желаніе употребить излишекъ или, что то же самое его цѣну, на удовлетвореніе иного рода прихотей. То, что остается за удовлетвореніемъ ограниченной потребности, употребляется на услажденіе желаній, которыя не могутъ быть (вполнѣ) удовлетворены, но являются, кажется, совершенно безграничными. Бѣдные люди, стремясь получить пищу, напрягаютъ свои силы, чтобы удовлетворить эти прихоти богатыхъ и, желая вѣрнѣе достигнуть своей цѣли, соперничаютъ другъ съ другомъ относительно дешевизны и совершенства работы. Число работниковъ увеличивается вмѣстѣ съ возрастаніемъ количества пищи или съ повышеніемъ улучшеній и культуры земель; и такъ какъ природа ихъ занятій допускаетъ крайнее раздѣленіе труда, то количество матеріаловъ, которые они въ состояніи обработать, растетъ въ гораздо бо́льшей пропорціи, чѣмъ ихъ число. Отсюда возникаетъ спросъ на всякаго рода матеріалы, которые можетъ примѣнить человѣческая изобрѣтательность для того, чтобы увеличить пользу или красоту зданій, одежды, выѣзда или домашней обстановки; возникаетъ также спросъ на ископаемыя и минералы, заключенные въ нѣдрахъ земли, на драгоцѣнные металлы и камни". Wealth of Nations стр. 144.

стами, потому что поземельная рента представляетъ излишекъ, получающійся за покрытіемъ заработной платы и прибыли. Смитъ не даетъ развитой теоріи распредѣленія продуктовъ производства между представителями рабочей силы и капитала, но нельзя сомнѣваться, въ характерѣ его общихъ взглядовъ по этому предмету. Онъ совершенно ясно высказываетъ мысль, что высота вознагражденія рабочихъ и размѣръ дохода капиталиста опредѣляются могуществомъ этихъ классовъ въ борьбѣ за свои интересы. «То, что обыкновенно называется платой труда, замѣчаетъ онъ, всюду зависитъ отъ договора, заключаемаго между собою двумя сторонами, интересы которыхъ отнюдь не тождественны. Рабочіе желаютъ получить возможно больше, хозяева же стремятся дать возможно меньше. Первые склонны вступать въ стачки, чтобы поднять заработную плату, а вторые, чтобы понизить ее» [1]). Затѣмъ, выясняя причины, ведущія къ улучшенію матеріальнаго положенія рабочихъ, онъ указываетъ на быстрое накопленіе капиталовъ, потому что при этомъ условіи усиливается спросъ на рабочія руки и представители труда имѣютъ возможность повысить свои требованія [2]). Напротивъ, слабое накопленіе капитала или застой промышленности ставятъ рабочихъ въ неблагопріятныя условія, сокращая ихъ значеніе въ экономической жизни страны и тѣмъ понижая ихъ заработокъ. На движеніе прибыли вліяютъ тѣ же причины, что и на заработную плату, но въ противоположномъ направленіи: обиліе капиталовъ понижаетъ прибыль, а скудость ихъ повышаетъ ее [3]).

Такимъ образомъ высота заработной платы и прибыли зависятъ, по Смиту, въ конечномъ счетѣ отъ относительной силы того вліянія, которое могутъ оказывать на распредѣленіе продукта рабочіе и капиталисты, т. е. отъ результатовъ борьбы, которую они ведутъ между собою и исходъ которой опредѣляется для каждаго изъ этихъ классовъ, такъ сказать, его удѣльнымъ вѣсомъ въ соціальной жизни страны. Таковъ смыслъ положенія Смита, что «естественная цѣна сама измѣняется вмѣстѣ съ естественнымъ уровнемъ каждой изъ ея составныхъ частей — заработной платы, прибыли и ренты, и что

---

[1]) Тамъ же, стр. 56.
[2]) Стр. 68.
[3]) Гл. IX.

въ каждомъ обществѣ этотъ уровень измѣняется соотвѣтственно его обстоятельствамъ, соотвѣтственно его богатству или бѣдности, его прогрессивному, неподвижному или упадающему состоянію».

Подводя итогъ сказанному выше, мы признаемъ теорію цѣнности Смита трудовой только въ томъ смыслѣ, что она считаетъ мѣриломъ цѣнности хозяйственныхъ благъ количество труда, покупаемое за нихъ. Обыкновенно принято считать эту идею Смита чѣмъ то въ родѣ обмолвки, которую исправилъ Рикардо. Мы показали, что на ней построена вся смитовская система и что въ корнѣ ея лежитъ стремленіе найти основаніе для субъективной оцѣнки благъ въ мѣновомъ хозяйствѣ. Въ подтвержденіе изложеннаго пониманія Смита мы привели доказательства, почерпнутыя изъ «Изслѣдованія о богатствѣ народовъ». Дальнѣйшее подтвержденіе нашего взгляда мы находимъ въ томъ, что экономисты, признававшіе себя непосредственными послѣдователями Смита въ ученіи о цѣнности, придавали послѣднему то именно значеніе, о которомъ было сказано выше. Съ этой точки зрѣнія наибольшій интересъ представляетъ Мальтусъ, на теоріи котораго мы остановимся подробнѣе въ виду того, что онъ сравнительно мало извѣстенъ какъ теоретикъ. Ученіе Мальтуса еще тѣмъ важно, что онъ приводитъ новыя доказательства въ подтвержденіе идей Смита о цѣнности и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ возможность точнѣе указать источники этихъ идей въ жизни.

Первая особенность ученія Мальтуса [1]) заключается въ томъ, что онъ пытается разграничить разные виды цѣнности и опредѣлить ее точнѣе, чѣмъ это дѣлалось раньше. Какъ всѣ экономисты классической школы, онъ не занимается потребительной цѣнностью, которую отождествляетъ съ внутренней полезностью предмета (intrinsic value). Что же касается мѣновой цѣнности, то Мальтусъ раздѣляетъ ее на два вида: номинальная мѣновая цѣнность и реальная, или какъ онъ

[1]) Мальтусъ развивалъ свое ученіе о цѣнности постепенно: въ первомъ изданіи „Началъ Политической Экономіи“ (1820) изложены общія идеи его ученія; въ дальнѣйшихъ же своихъ изслѣдованіяхъ онъ вводитъ въ свою теорію нѣкоторыя новыя сужденія и устанавливаетъ опредѣленный взглядъ на мѣрило цѣнности. Послѣднему вопросу посвящены двѣ спеціальныя его работы: The Measure of Value (1823) и Definitions in Political Economy (1827). Результаты этихъ изслѣдованій вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими дополненіями были введены авторомъ во 2-е изданіе его „Началъ“, которое онъ, однако, не успѣлъ вполнѣ приготовить для печати: оно вышло въ свѣтъ же послѣ смерти Мальтуса въ 1836 г.

называетъ ее во второмъ изданіи своей Политической Экономіи— внутренняя (intrinsic). Опредѣленія этихъ понятій въ двухъ изданіяхъ его теоретическаго трактата неодинаковы. Въ первомъ Мальтусъ держится Смита и называетъ номинальной цѣнностью предметовъ ихъ цѣну, т.-е. объективную мѣновую цѣнность, выраженную въ драгоцѣнныхъ металлахъ, а реальной — способность блага обмѣниваться на предметы необходимости и удобства и на трудъ [1]). Во второмъ изданіи онъ называетъ номинальной цѣнностью оба вида цѣнности, обозначенные въ первомъ изданіи терминами номинальной и реальной. Номинальная мѣновая цѣнность это относительная цѣнность, или цѣна. Она обозначаетъ только отношеніе между двумя предметами, все равно какими; но если говорится о цѣнѣ какого либо предмета безъ обозначенія другого предмета, съ которымъ онъ сопоставляется, то принято считать, что рѣчь идетъ о драгоцѣнныхъ металлахъ. Цѣна, по Мальтусу, «только другое названіе для номинальной цѣнности; и какъ таковое мы можемъ примѣнять его къ какому угодно отдѣльному продукту и сказать: цѣна, выраженная въ платьѣ, или въ какомъ бы то ни было другомъ предметѣ, съ которымъ мы желали бы сравнить данный предметъ; но когда цѣна встрѣчается безъ такихъ прибавленій, то всегда подразумѣвается, что она означаетъ цѣнность какого либо продукта, выраженную въ драгоцѣнныхъ металлахъ или въ деньгахъ, которыя предполагаются ихъ представителями» [2]).

Кромѣ номинальной, Мальтусъ различаетъ еще внутреннюю мѣновую цѣнность. Разъясняя это понятіе, онъ исходитъ отъ ученія о причинахъ, вліяющихъ на покупательную силу предметовъ. Когда сравниваются два продукта, то способность одного купить другой должна зависѣть отъ двоякаго рода причинъ: относящихся къ предмету, который сравнивается, и относящихся къ предмету, съ которымъ производится сравненіе. Причины перваго рода являются внутренними, а втораго— внѣшними. Когда мы говоримъ о номинальной мѣновой цѣнности предмета или объ его общей покупательной способности, то мы не проводимъ различія между причинами внѣшними и внутренними; мы констатируемъ только измѣненіе покупательной силы предмета, отъ

---

[1]) Principles of Political Economy, 1 изд. стр. 62.

[2]) Principles, 2 изд. стр. 54.

чего бы оно ни зависѣло. Если же мы говоримъ о внутренней мѣновой цѣнности предмета, то имѣемъ въ виду его покупательную силу, насколько она зависитъ отъ внутреннихъ причинъ. Мальтусъ полагаетъ, что мѣновая цѣнность въ этомъ смыслѣ всего болѣе приближается къ тому значенію, которое придается этому термину въ обыденной рѣчи. Разсуждая о повышеніи или пониженіи мѣновой цѣнности какого либо предмета, мы никогда не имѣемъ въ виду его общей покупательной силы, зависящей какъ отъ внутреннихъ, такъ и отъ внѣшнихъ причинъ. Это видно изъ того, какъ мы оцѣниваемъ предметы на деньги. Когда хлѣбъ бываетъ дорогъ вслѣдствіе недостаточнаго снабженія, мы говоримъ, что онъ повысился въ цѣнности, не изслѣдуя при этомъ покупательной силы другихъ предметовъ. Если мы продолжаемъ платить одинаковое количество денегъ за платье, сорочки и обувь, то мы никогда не подумаемъ сказать, что эти продукты понизились въ цѣнности, хотя бы вслѣдствіе вздорожанія значительной части сырыхъ продуктовъ, ихъ общая покупательная сила уменьшилась. Говорятъ, что хлѣбъ повысился въ мѣновой цѣнности, потому что на его покупательную силу оказала дѣйствіе причина, присущая самому этому предмету, именно, недостатокъ снабженія. Говорятъ, что платье, сорочки и обувь остались въ прежней цѣнности, потому что ничто не увеличило и не уменьшило ихъ покупательной силы, поскольку она зависитъ отъ внутреннихъ причинъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, замѣчаетъ Мальтусъ, мы совершенно не заботимся о внѣшнихъ причинахъ и оцѣниваемъ предметы исключительно на основаніи ихъ покупательной силы, опредѣляемой внутренними причинами. Если же предположить цѣнность денегъ неизмѣнной, то можно сказать, что основаніемъ оцѣнки предметовъ въ современномъ обществѣ служитъ ихъ цѣна.

То, что Мальтусъ называетъ внутренней мѣновой цѣнностью предметовъ, представляетъ нечто иное, какъ ихъ субъективную мѣновую цѣнность, основанную на объективномъ фактѣ—покупательной силѣ, или цѣнѣ, съ указанной выше оговоркой. Поэтому для разъясненія понятія цѣнности нужно обратиться къ разъясненію законовъ, опредѣляющихъ цѣны предметовъ. По теоріи Мальтуса, цѣна всегда регулируется спросомъ и предложеніемъ, и никакая причина не можетъ повліять на цѣну, иначе какъ этимъ путемъ; но обыкновенно соперничество приводитъ къ установленію такого отношенія между спросомъ и

предложеніемъ, при которомъ цѣна регулируется «элементарными расходами производства». Подъ этимъ послѣднимъ терминомъ Мальтусъ понимаетъ всѣ условія, которыя должны быть выполнены для того, чтобы продуктъ могъ быть произведенъ и доставленъ на рынокъ. Эти условія слѣдующія. Первое заключается въ томъ, чтобы трудъ, употребляемый на производство, вознаграждался такимъ количествомъ предметовъ, необходимыхъ рабочему, которое служило бы достаточнымъ побужденіемъ затрачивать въ требуемомъ размѣрѣ и должномъ направленіи трудовую энергію, необходимую для того, чтобы снабженіе не сократилось. Второе условіе,—чтобы содѣйствіе, которое рабочій получаетъ вслѣдствіе примѣненія къ дѣлу накопленнаго труда, было вознаграждаемо въ размѣрахъ, могущихъ обезпечить дальнѣйшее примѣненіе этого содѣйствія. Наконецъ, третье условіе регулярнаго снабженія рынка заключается въ томъ, чтобы цѣны продуктовъ держались на такой высотѣ, которая обезпечивала бы доставку пищи и сырыхъ матеріаловъ, потребляемыхъ и употребляемыхъ капиталистами и рабочими; т.-е. при которой земельные собственники получали бы ренту почти за всю землю, находящуюся подъ культурой. Три условія, изложенныя выше, необходимо должны быть выполнены въ каждомъ обществѣ для того, чтобы обезпечить безостановочное снабженіе значительнаго большинства продуктовъ, въ которыхъ оно нуждается; и оплата (compensation), удовлетворяющая этимъ условіямъ, или обычная цѣна всякаго мѣнового продукта, можетъ быть разсматриваема какъ величина, состоящая изъ трехъ частей: той, которая оплачиваетъ заработную плату рабочихъ, употребленныхъ въ производствѣ этого продукта; той, которая оплачиваетъ прибыль на капиталъ, облегчающій это производство, включая авансы рабочимъ, и той, которая оплачиваетъ земельную ренту, или вознагражденіе за пользованіе силами, связанными съ почвой и находящимися во владѣніи земельнаго собственника; и цѣна каждой изъ этихъ частей опредѣляется совершенно тѣми же причинами, какія опредѣляютъ цѣну всего продукта»[1]), т. е. спросомъ и предложеніемъ.

Цѣна, удовлетворяющая всѣмъ этимъ условіямъ, по теоріи Мальтуса, составляетъ то, что Смитъ называетъ естественной цѣной; и

[1]) Тамъ же, стр. 77.

при обычныхъ условіяхъ снабженія рыночныя, или фактическія цѣны тяготѣютъ къ естественной, а послѣдняя служитъ основаніемъ субъективной оцѣнки предмета, или его внутренней мѣновой цѣнности. Естественная цѣна продукта слагается изъ элементовъ, которыми опредѣляется трудность снабженія рынка даннымъ продуктомъ, т.-е. его предложеніе. Поэтому повышеніе естественной цѣны означаетъ увеличеніе расходовъ производства или трудности снабженія и вліяетъ на его мѣновую цѣнность, или покупательную силу, насколько она опредѣляется внутренними причинами, т.-е. на его внутреннюю цѣнность. «Очевидно, замѣчаетъ Мальтусъ, что если подъ вліяніемъ какой бы то ни было причины денежная стоимость производства какого-нибудь продукта увеличивается, причемъ полученіе денегъ не становится легче, то оцѣнка, которая обычно производится такому продукту, или его мѣновая цѣнность, происходящая отъ внутреннихъ причинъ, пропорціонально возрастаетъ» [1]).

Резюмируя свои соображенія, Мальтусъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ цѣнность. Для даннаго времени и въ данномъ мѣстѣ цѣнность извѣстнаго предмета представляетъ оцѣнку его, опредѣляемую во всѣхъ случаяхъ отношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ, а въ общемъ необходимой стоимостью производства, регулирующей это отношеніе; или что то же самое, цѣнность представляетъ покупательную силу предмета въ данномъ мѣстѣ и въ данное время, проистекающую отъ внутреннихъ причинъ [2]).

Опредѣливъ понятіе цѣнности, Мальтусъ ставитъ себѣ задачу найти способъ ея измѣренія въ разные періоды времени. Подобнымъ способомъ могло бы служить сравненіе оцѣниваемыхъ благъ съ предметомъ, цѣнность котораго не подвержена колебаніямъ. Если бы нашелся такой предметъ, значеніе котораго въ обществѣ было бы неизмѣнно и покупательная сила котораго могла бы колебаться только въ зависимости отъ внѣшнихъ причинъ, то онъ могъ бы служить неизмѣннымъ мѣриломъ цѣнности. Такимъ предметомъ Смитъ признавалъ трудъ, который можно пріобрѣсти за данный продуктъ, и Мальтусъ раздѣляетъ это мнѣніе. Впрочемъ, въ первомъ изданіи своей Политической Экономіи (1820) онъ не признаетъ еще труда

---

[1]) Тамъ же, стр. 79.
[2]) Тамъ же, стр. 109.

въ указанномъ смыслѣ всеобщимъ мѣриломъ цѣнности и предлагаетъ измѣрять послѣднюю при помощи труда и хлѣба. Въ сочиненіи же, спеціально посвященномъ вопросу объ измѣреніи цѣнности, Мальтусъ измѣняетъ свой первоначальный взглядъ и высказываетъ убѣжденіе, что эту функцію можетъ выполнять только трудъ, покупаемый продуктомъ [1]). Въ подтвержденіе этого положенія приводится рядъ доводовъ.

Въ данное время и въ данномъ мѣстѣ количество труда, которое можно купить за продукты, служитъ, по мнѣнію Мальтуса, точнымъ мѣриломъ ихъ цѣнности. Противъ этого никто не споритъ, а если бы кто-нибудь сталъ оспаривать это положеніе, то нетрудно доказать его соотвѣтствіемъ указаннаго мѣрила съ денежными цѣнами предметовъ; но высказанное положеніе можетъ вызвать замѣчаніе, что въ данное время и въ данномъ мѣстѣ не только трудъ, но вообще всякій другой предметъ можетъ такъ же успѣшно выполнять функціи мѣрила цѣнности, какъ и деньги. Какіе бы то ни было продукты, за которые въ данномъ мѣстѣ и въ данное время можно заказать или купить одинаковое количество сукна, холста или желѣза опредѣленнаго качества, будутъ имѣть одинаковыя мѣновыя цѣнности и будутъ обмѣниваться другъ на друга [2]).

Почему же именно трудъ признать мѣриломъ цѣнности? Смыслъ отвѣта, даваемаго Смитомъ на этотъ вопросъ, заключается въ томъ, что трудомъ производятся, если не всѣ, то значительнѣйшая часть хозяйственныхъ благъ необходимыхъ человѣку. Мальтусъ развиваетъ эту мысль, приводя ее въ связь съ основнымъ началомъ капиталистическаго строя. Его мысль такова: при существующей организаціи народнаго хозяйства, предприниматель — капиталистъ производитъ только для продажи; слѣдовательно, имѣющійся у него продуктъ ему самому не нуженъ, и поэтому основаніемъ оцѣнки этого продукта не можетъ служить присущая ему способность удовлетворять человѣче-

---

[1]) The Measure of Value stated and illustrated. 1823. Стр. 23.

[2]) Такое именно возраженіе Смиту дѣлаетъ Бьюкананъ. По его мнѣнію, положеніе Смита представляется очевиднымъ, ибо оно обозначаетъ не болѣе того, что данный предметъ стоитъ труда, на который онъ обмѣнивается; но точно также онъ стоитъ и золота, въ обмѣнъ на которое онъ будетъ отданъ; слѣдов. и трудъ, и золото одинаково служатъ мѣрилами цѣнности въ моментъ мѣны. Wealth of Nations, изд. 1814, прим. на стр. 44.

скимъ потребностямъ. Что же въ такомъ случаѣ можетъ служить этимъ основаніемъ? Смитъ считалъ таковымъ предметы, получаемые въ обмѣнъ за мѣновое благо; но подобное представленіе предполагаетъ довольно элементарную форму хозяйства, хотя и основаннаго на раздѣленіи занятій и производствѣ для обмѣна, тѣмъ не менѣе ставящаго своей конечной цѣлью потребленіе производителя. Мальтусъ имѣетъ передъ глазами болѣе сложную форму хозяйства того періода, когда личное потребленіе производителя отходитъ на второй планъ и не принимается во вниманіе, какъ величина безконечно малая. При такихъ условіяхъ значеніе потребительныхъ благъ, получаемыхъ за мѣновое благо и, по мнѣнію Смита, измѣряемое трудомъ, затраченнымъ на ихъ производство, уже не можетъ служить основаніемъ для оцѣнки продуктовъ, поступающихъ въ мѣновой оборотъ. Владѣлецъ этихъ продуктовъ, капиталистъ—предприниматель, продаетъ свои товары не для того, чтобы получить потребительныя блага, но для того, чтобы имѣть возможность продолжать производственный процессъ. Поэтому товары, которые онъ производитъ, представляютъ для него значеніе въ той мѣрѣ, въ какой они открываютъ ему эту возможность; а послѣдняя, по мнѣнію Мальтуса, обусловлена покупкой необходимой рабочей силы; поэтому продуктъ тѣмъ цѣннѣе, оцѣнка его тѣмъ выше, чѣмъ больше труда можно купить за него. Такимъ образомъ трудъ служитъ мѣриломъ цѣнности, которую Мальтусъ называетъ «абсолютной или естественной». «Условія снабженія продуктовъ, говоритъ онъ формулируя свою мысль, не требуютъ, чтобы они всегда сохраняли одинаковыя мѣновыя цѣнности, но чтобы каждый сохранялъ свою настоящую *естественную* цѣнность, или способность покупать предметы, которые обезпечили бы за производителемъ прежнюю силу производства и накопленія. Если бы авансы капиталистовъ состояли въ сукнѣ, то такіе авансы всегда оказывали бы дѣйствіе, требуемое производствомъ и такъ какъ прибыль разсчитывается на авансы необходимые для производства, каковы бы они ни были, то количество авансированнаго сукна съ прибавленіемъ обычной прибыли, также выраженной въ извѣстномъ количествѣ сукна, представляло бы какъ естественную, такъ и относительную цѣнность продукта. Но специфическіе авансы капиталистовъ состоятъ не въ сукнѣ, а въ трудѣ; и такъ какъ никакой другой продуктъ не можетъ замѣнить данное количе-

ство труда, то очевидно, что трудъ занимаетъ исключительное мѣсто въ этомъ отношеніи, и что именно количество труда, которое можетъ быть заказано за извѣстный продуктъ, а не количество какого-либо другого продукта можетъ представлять условія его снабженія или его естественную цѣнность» [1]).

Еще яснѣе, чѣмъ Мальтусъ, высказываетъ ту же мысль авторъ одного анонимнаго памфлета, посвященнаго защитѣ ученія Смита. Доказывая, что прибыль можетъ измѣряться только трудомъ, какой можно купить за данный продуктъ, онъ говоритъ: «Предположимъ, что фабрикантъ нанимаетъ извѣстное число рабочихъ, которые за плату, равную 100 кв. хлѣба или 100 парамъ платья, производятъ для него извѣстное число стульевъ и столовъ, продающихся на рынкѣ за 120 кв. хлѣба и 120 паръ платья. Онъ не можетъ измѣрять своей прибыли излишкомъ хлѣба и платья; ибо предположимъ, что на 120 кв. хлѣба и 120 паръ платья онъ не въ состояніи будетъ нанять столько труда, сколько нанималъ раньше при помощи 100 единицъ того и другого продукта; очевидно, что онъ не только не получитъ въ этомъ случаѣ прибыли, но даже не возстановитъ своего капитала. Необходимость дать каждому рабочему больше, чѣмъ прежде, представляетъ для него паденіе цѣнности тѣхъ продуктовъ, при помощи которыхъ онъ покупаетъ трудъ рабочихъ. Если же, напротивъ, онъ продастъ свои стулья и столы только за 90 кв. хлѣба и 90 паръ платья, но тѣмъ не менѣе при помощи этого меньшаго количества продуктовъ будетъ въ состояніи привести въ движеніе больше труда, чѣмъ прежде, то ясно, что онъ получитъ прибыль равную этой разницѣ. То же самое замѣчаніе можно сдѣлать относительно денегъ и всякаго другого продукта. Невозможно измѣрять цѣнность количествомъ денегъ, хлѣба, платья, желѣза или какого-либо другого пред-

---

[1]) Measure, стр. 17—18 См. также Principles, 2 изд. стр. 94 и Definitions, стр. 205—206. Мальтусъ поясняетъ свою мысль, критикуя разсужденіе Торренса, который представлялъ капиталъ въ формѣ извѣстнаго количества сукна и хлѣба. „Увеличеніе количества сукна или хлѣба производимаго тѣмъ же количествомъ труда, замѣчаетъ Мальтусъ, не имѣетъ никакого значенія для увеличенія цѣнности, прибыли, или дѣйствительнаго спроса, если за это увеличенное количество продукта нельзя будетъ заказать столько же труда какъ прежде,—фактъ, постоянно случающійся вслѣдствіе отсутствія спроса".

мета, за который будетъ обмѣниваться данный продуктъ, потому что деньги, хлѣбъ, платье или желѣзо и т. д. должны снова быть обмѣнены на трудъ, прежде чѣмъ производитель можетъ узнать, въ какомъ онъ положеніи и получитъ ли онъ прибыль или нѣтъ. (Прим. автора памфлета: Во всѣхъ случаяхъ возмѣщеніе капитала состоитъ въ томъ, что вновь покупается трудъ, который требовался для производства продукта; то, что будетъ куплено *сверхъ* этого количества, составляетъ прибыль). Такимъ образомъ цѣнность капитала состоитъ всецѣло въ его покупательной силѣ по отношенію къ труду. То же самое количество денегъ, хлѣба, платья, обуви, шляпъ и т. д. можетъ пустить въ ходъ значительно большее количество труда въ одинъ періодъ, чѣмъ въ другой, и ихъ цѣнность, какъ капитала, всегда будетъ въ точности соотвѣтствовать величинѣ этой силы, сообщаемой ими ихъ владѣльцу. Это очень важная точка зрѣнія на предметъ, потому что это практическая точка зрѣнія. Постоянно замѣчаютъ, что продукты имѣютъ высокую или низкую цѣнность сравнительно съ ихъ стоимостью и приносятъ большую или небольшую прибыль, но не существуетъ другого способа опредѣлить это, какъ при помощи сравненія труда, котораго они стоили, съ тѣмъ, которое можно купить за нихъ, и оцѣнки прибыли разницей между этими величинами. Точно также трудъ служитъ мѣрой той части цѣнности, которая приходится на долю ренты, такъ какъ онъ въ точности измѣряетъ сверхцѣнность (extravalue), которую состояніе спроса и предложенія прибавляетъ къ продуктамъ, дающимъ ренту сверхъ обычной прибыли, приносимой ими. Такимъ образомъ, цѣнность каждой изъ составныхъ частей цѣны измѣряется количествомъ труда, которому онѣ въ отдѣльности равноцѣнны или который можно купить за нихъ, и общая цѣнность продуктовъ измѣряется общимъ количествомъ труда, который можно купить за нихъ»[1]).

Другой доводъ Мальтуса въ пользу того, что количество труда, которое можно купить за данный продуктъ, служитъ точнымъ мѣриломъ его цѣнности, заключается въ томъ, что колебанія въ покупательной силѣ продукта относительно труда соотвѣтствуютъ измѣ-

[1]) The Opinions of the late Mr. Ricardo and of Adam Smith on some of the leading doctrines of Political Economy stated and compared. The Pamphleteer; vol. XXIII. 1824, стр. 521—2; также vol. XXIV, 1824, стр. 57.

неніямъ въ отношеніи между спросомъ и предложеніемъ даннаго продукта.

Въ своемъ сочиненіи объ «Опредѣленіяхъ» Мальтусъ дѣлаетъ попытку теоретически установить соотношеніе между производительностью труда, размѣрами снабженія и мѣновой цѣнностью, именно, доказать, что увеличеніе производительности труда, расширяя снабженіе, понижаетъ цѣнность продуктовъ, и наоборотъ; и что вознагражденіе рабочаго большимъ или меньшимъ количествомъ предметовъ необходимости и удобства всегда является слѣдствіемъ повышенія или пониженія производительности труда, за которымъ слѣдуетъ расширеніе или сокращеніе снабженія. На этомъ основаніи Мальтусъ высказываетъ мнѣніе, что цѣнность продукта должна быть пропорціональна отношенію между его предложеніемъ и числомъ его производителей [1]). Это правило особенно ясно проявляется на первоначальныхъ ступеняхъ общественнаго развитія, когда многіе предметы добываются почти исключительно при помощи труда. «Если плоды собираются или дичь убивается или ловится только при помощи труда или при содѣйствіи капитала очень незначительной цѣнности, то количество продукта, добываемое, въ среднемъ, въ одинъ рабочій день, должно представлять, съ большимъ приближеніемъ къ точности, степень рѣдкости продуктовъ по сравненію съ ихъ производителями, работающими въ теченіе опредѣленнаго времени; но степень, въ которой ограничено снабженіе какого-либо продукта, сравнительно съ числомъ, средствами и потребностями тѣхъ, которые желаютъ получить его, составляетъ основаніе всякой цѣнности. Здѣсь производители въ то же время являются представителями дѣйствительнаго спроса и потребителями; и продуктъ, добываемый въ среднемъ отдѣльнымъ производителемъ, долженъ представлять отношеніе между снабженіемъ и числомъ, средствами и потребностями представителей спроса. Если производитель добываетъ продуктъ въ значительномъ количествѣ, то снабженіе будетъ обильно, а цѣнность продукта относительно низка; если же производитель добываетъ небольшое количество продукта, то снабженіе его будетъ ограниченно, и

[1]) Мальтусъ говоритъ о *числѣ* производителей, потому что онъ сводитъ всѣ виды труда къ одному общему знаменателю, именно, обыкновенному земледѣльческому труду, такъ что болѣе высокая производительность труда выражается въ большемъ числѣ простыхъ производителей.

цѣнность окажется относительно высокой... Во всѣхъ этихъ случаяхъ цѣнность продукта, очевидно, опредѣляется отношеніемъ между его количествомъ и числомъ его производителей». Мальтусъ полагаетъ, что и на болѣе высокихъ ступеняхъ развитія дѣйствуетъ то же правило. Хотя тогда производитель не всегда является въ то же время представителемъ спроса и потребителемъ, «тѣмъ не менѣе дѣйствительный спросъ на продукты, въ среднемъ, долженъ быть пропорціоналенъ производительнымъ услугамъ, приведеннымъ въ движеніе для того, чтобы добыть ихъ; и если свести различныя категоріи производителей къ общему знаменателю, напр. обычному земледѣльческому труду, и вычесть прибыль, какъ вознагражденіе капиталиста, и ренту, какъ вознагражденіе земельнаго собственника, то пропорція, въ которой остальной продуктъ будетъ находиться къ числу производителей въ этомъ смыслѣ (сведеныхъ къ одному знаменателю), должна представлять, совершенно такъ же, какъ въ первоначальные періоды общества, степень рѣдкости продукта по сравненію съ производителями; и поэтому цѣнность продукта измѣряется количествомъ его, могущимъ купить день обыкновеннаго труда» [1]).

По этой теоріи измѣненія въ количествѣ предметовъ, получаемыхъ рабочимъ за опредѣленный трудъ, объясняются колебаніями цѣнности этихъ предметовъ, а не самаго труда, и зависятъ отъ измѣненій, происходящихъ въ отношеніи между спросомъ и предложеніемъ. Если за данный предметъ можно въ настоящее время купить меньше труда, чѣмъ прежде, то это значитъ, что цѣнность этого предмета понизилась, а такое пониженіе могло явиться результатомъ только одной причины—увеличенія снабженія. Слѣдов., количество труда, которое можно купить за данный предметъ, измѣряетъ конечную причину его цѣнности, заключающую въ себѣ всѣ другія причины; именно, состояніе снабженія сравнительно со спросомъ.

Ту же мысль развиваетъ анонимный авторъ, на сочиненіе котораго мы уже ссылались. Принадлежа къ послѣдователямъ Смита, онъ видитъ основное начало его ученія въ томъ, что трудъ, покупаемый за предметъ служитъ мѣриломъ цѣнности; и его разсужденія особенно интересны въ томъ отношеніи, что онъ считаетъ источникомъ цѣнности рѣдкость. Если бы продукты могли получаться въ неогра-

[1]) Definitions, стр. 216—218.

ниченномъ изобиліи, какъ воздухъ или вода, то по его мнѣнію, какъ бы они ни были полезны, желательны или даже необходимы, они были бы совершенно лишены мѣновой цѣнности; и нѣтъ ни одного исключенія изъ того общаго правила, что всѣ продукты, произведены ли они при условіи монополіи или при самой свободной конкурренціи, всегда болѣе или менѣе цѣнны въ зависимости отъ того, насколько они рѣдки или обильны сравнительно со спросомъ на нихъ. Согласно этому взгляду авторъ подъ мѣриломъ цѣнности предметовъ разумѣетъ мѣру сравнительной рѣдкости или обилія, въ которыхъ они существуютъ; и, по его мнѣнію, такой мѣрой служитъ трудъ, покупаемый за предметъ. Онъ мотивируетъ это слѣдующимъ образомъ. Въ виду того, что значительную часть каждаго общества составляютъ рабочіе, совершенно невозможно, чтобы они могли въ какой-нибудь періодъ времени получать бо́льшее количество какого-либо одного продукта или массы продуктовъ вообще иначе, какъ при условіи ихъ бо́льшаго обилія. Точно также: если они получаютъ меньшее количество противъ обыкновеннаго, то это можетъ происходить только отъ того, что продукты болѣе рѣдки, чѣмъ обыкновенно, и поэтому болѣе цѣнны»[1]).

Наконецъ, третій доводъ Мальтуса въ пользу того, что цѣнность труда никогда не измѣняется, заключается въ томъ, что стоимость производства главнаго предмета потребленія рабочаго, именно, хлѣба, всегда остается одна и та же, потому что доходы, оплачиваемые извѣстнымъ количествомъ хлѣба, въ суммѣ всегда представляютъ неизмѣнную величину. Это положеніе основывается на томъ, что прибыль измѣняется въ обратномъ направленіи съ заработной платой. Отправляясь отъ этой теоріи, Мальтусъ стремится опровергнуть положеніе Рикардо, что цѣна труда имѣетъ тенденцію къ возрастанію, потому что съ теченіемъ времени производство пищи, составляющей главный элементъ содержанія рабочей силы, при отсутствіи противодѣйствующихъ причинъ, обусловливается постоянно возрастающей затратой труда. Если количество труда, требуемаго для производства заработной платы рабочаго, выраженной въ хлѣбѣ, возрастаетъ вслѣдствіе большей трудности производства или оттого, что рабочему отдается большее количество продукта, то по мнѣнію Мальтуса, по-

[1]) Pamphleteer, vol. XXIII, стр. 526.

лучающееся при этомъ увеличеніе цѣнности, теряется вслѣдствіе пониженія прибыли [1]).

---

[1]) Высказанное положеніе поясняется слѣдующимъ образомъ. (Measure, стр. 26). Если бы 100 кв. хлѣба добывались въ различные періоды трудомъ различнаго числа людей, напр., 7, 8 и 9, при чемъ каждый получалъ бы по 10 кв. въ годъ, то цѣнность 100 кв. хлѣба, или цѣнность заработной платы каждаго рабочаго, выраженная въ авансированномъ трудѣ съ присоединеніемъ прибыли на эти авансы, очевидно должна быть всегда одинаковой. На первоначальныхъ стадіяхъ общества, когда почва была очень плодородна и требовался только трудъ 7 чел. для производства 100 кв. хлѣба на землѣ, за которую не уплачивалось никакой ренты или уплачивалась очень незначительная рента, авансы въ трудѣ составляли для 7 чел. 70 кв. хлѣба, а прибыль равнялась 30 кв., или 42⅞%. Затѣмъ, когда пришлось уже затрачивать трудъ 8 челов. для полученія 100 кв., заработная плата составила 80 кв., а прибыль 25%; наконецъ, при затратѣ труда 9 челов. для полученія 100 кв., прибыль составила бы 11⅑%. По теоріи Рикардо цѣнность 100 кв. хлѣба, при изложенныхъ условіяхъ, возрастала бы пропорціонально увеличивающейся затратѣ труда на ихъ производство; Мальтусъ же полагаетъ, что цѣнность 100 кв. хлѣба, слѣдов., и 10 кв., составляющихъ заработную плату одного рабочаго, оставалась бы неизмѣнной, потому что увеличеніе расхода на трудъ сопровождалось бы пропорціональнымъ пониженіемъ прибыли (Measure стр. 38). Въ подтвержденіе той же мысли Мальтусъ приводитъ слѣдующую таблицу (Measure, стр. 98).

Число кв. хлѣба произведенныхъ 10 челов., или измѣняющееся плодородіе почвы.	Ежегодная плата каждаго рабочаго въ хлѣбѣ, опредѣляемая спросомъ и предложеніемъ.	Авансы въ хлѣбной зар. пл. или измѣняющійся продуктъ, покупающій трудъ 10 челов.	Уровень прибыли при указанныхъ условіяхъ.	Количество труда, требуемое для производства зар. пл. 10 челов. при указанныхъ обстоятельствахъ.	Количество труда, требуемое для производства прибыли на авансы труда.	Неизмѣнная цѣнность заработн. платы даннаго числа людей.	Цѣнность 100 кв. хлѣба при предполож. измѣнившихся условіяхъ.	Цѣнность продукта труда 10 рабочихъ при предположенныхъ условіяхъ.
150 кв.	12 кв.	120	25%	8	2	10	8,22	12,5
150 „	13 „	130	15.38	8,66	1,34	10	7,7	11,53
150 „	10 „	100	50	6,6	3,4	10	10	15
140 „	12 „	120	16,66	8,6	1,4	10	7,14	11,6
140 „	11 „	110	27,2	7,85	2,15	10	9,09	12,7
130 „	12 „	120	8,3	9;23	0,77	10	8,33	10,8
130 „	10 „	100	30	7,7	2,3	10	10	13
120 „	11 „	110	9	9,17	0,83	10	9,09	10,9
120 „	10 „	100	20	8,33	1,67	10	10	12
110 „	10 „	100	10	9,09	0,91	10	10	11
110 „	9 „	90	22,2	8,18	1,82	10	11,1	12,2
100 „	9 „	90	11,1	9	1	10	11,1	11,1
100 „	8 „	80	25	8	2	10	12,5	12,5
90 „	8 „	80	12,5	8,88	1,12	10	12,5	11,25

Такова сущность теоріи Мальтуса. Внутренняя связь ея съ теоріей Смита заключается въ томъ, что она стремится опредѣлить конечное основаніе и точное мѣрило субъективной оцѣнки благъ въ мѣновомъ хозяйствѣ. Смита и Мальтуса интересуетъ вопросъ, на чемъ основывается значеніе, придаваемое предметамъ субъектами хозяйственной дѣятельности въ современномъ обществѣ, и какими способами можно измѣрять это значеніе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Оба они разсматриваютъ этотъ вопросъ при извѣстныхъ гипотетическихъ условіяхъ, представляющихъ отвлеченіе той исто-

---

Расчеты Мальтуса вызвали возраженія со стороны де-Квинси и Бэли. Де-Квинси доказывалъ на анализѣ первой строки таблицы, что Мальтусъ въ своихъ исчисленіяхъ два раза считалъ прибыль. Это видно изъ слѣдующаго соображенія. Если 10 челов. производятъ 150 кв. хлѣба, то для производства 120 кв. требуется 8 челов., какъ совершенно вѣрно указываетъ Мальтусъ; но онъ упускаетъ изъ вида слѣдующее. Какую часть 120 кв. получатъ 8 челов., въ видѣ заработной платы? Вознагражденіе каждаго рабочаго равняется 12 кв. хлѣба, слѣдовательно, 8 рабочихъ получатъ 96 кв., а для производства этого количества хлѣба потребуется 96: 15=6,4 раб. За вычетомъ 96 кв. изъ 120 остается 24 кв., поступающихъ предпринимателю въ видѣ прибыли. 24 кв. на 96 составляютъ какъ разъ 25%, и для производства этого количества хлѣба потребуется трудъ 24:15 челов.=1,6. Сумма этихъ двухъ чиселъ (6,4+1,6) составитъ 8, а не 10. Если примѣнить тотъ же расчетъ къ другимъ примѣрамъ Мальтуса, то итоги 7-й кол. будутъ различны: № 3 сверху — $8\frac{8}{9}$, № 5 снизу — $9\frac{111}{121}$ и т. д. (Templar's Dialogues, напеч. въ London Magazine vol. IX, 1824, стр. 564 — 5). Бэли замѣтилъ, что разсужденіе Мальтуса, выразившееся въ составленной имъ таблицѣ можетъ быть примѣнено не только къ труду, и что въ концѣ-концовъ оно ничего не доказываетъ. Возьмемъ первый рядъ цифръ. Мальтусъ отправляется отъ положенія, что 120 кв. хлѣба отдаются въ качествѣ заработной платы 10 челов. и затѣмъ, послѣ путешествія по нѣсколькимъ колоннамъ цифръ, приходитъ къ заключенію, что упомянутые 120 кв. хлѣба равноцѣнны труду, за который они отданы; но какое бы количество хлѣба ни уплачивалось 10 человѣкамъ въ качествѣ ихъ заработка, оно всегда должно равняться по цѣнности тому, на что оно обмѣнивается. Поэтому понятно, что Мальтусъ всегда съ успѣхомъ возвращается къ тому пункту, отъ котораго онъ отправлялся. Такимъ же способомъ можно доказать постоянство цѣнности любого предмета, напримѣръ 10 ярдовъ сукна. Дѣйствительно, отдаемъ ли мы 5 ф. или 10 ф. за 10 ярдовъ, сумма, которую мы отдаемъ, всегда будетъ равна по своей цѣнности сукну, за которое она была заплачена, или другими словами она будетъ имѣть постоянную цѣнность по отношенію къ сукну; но то, что отдается за предметъ, имѣющій неизмѣнную цѣнность, должно само быть неизмѣннымъ, откуда слѣдуетъ, что 10 ярдовъ сукна должны имѣть неизмѣнную цѣнность. (A critical Dissertation on the Nature, Measures and Causes of Value. 1825, стр. 143 и сл.). Мальтусъ возражалъ, что между 10 ярдами сукна и 10 днями труда существуетъ громадная разница, потому что сукно не является всеобщимъ и главнымъ орудіемъ производства. „Развѣ авансъ необходимаго количества сукна, замѣчаетъ онъ, составляетъ естественное и необходимое условіе снабженія всѣми продуктами“? (Definitions, стр. 191—2).

рической обстановки, при которой они изучали экономическія явленія. Въ ихъ эпоху мѣновой оборотъ получилъ уже опредѣляющее значеніе въ жизни Англіи, и поэтому разсуждая о цѣнности они предполагаютъ хозяйство, разсчитанное исключительно на сбытъ своихъ продуктовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ эпоху, къ которой относятся ихъ сочиненія, совершался ростъ крупнаго производства, и наблюдателю практической жизни не могло не бросаться въ глаза первостепенное значеніе труда въ процессѣ промышленнаго подъема страны; поэтому количество труда, которое можно купить за данный предметъ, опредѣляетъ въ глазахъ Смита и Мальтуса его значеніе. Общество разсматривается, какъ состоящее только изъ капиталистовъ и рабочихъ, и масса потребителей отождествляется съ рабочимъ классомъ; поэтому, обиліе предмета, приводящее вообще къ его дешевизнѣ, обозначаетъ то, что за этотъ предметъ можно купить мало труда; и наоборотъ, недостаточное снабженіе предмета, или его высокая цѣнность,—то же, что возможность купить за него много труда. Такимъ образомъ, смотрѣть ли на хозяйственныя блага съ точки зрѣнія капиталиста, или рабочаго, во всякомъ случаѣ ихъ оцѣнка будетъ измѣняться соотвѣтственно количеству труда, которое можно купить за нихъ. Такова историческая основа трудового начала въ теоріи цѣнности Смита и Мальтуса. Это отвлеченіе характерныхъ чертъ опредѣленной исторической эпохи, возведенное въ принципъ научнаго объясненія оцѣнки предметовъ въ капиталистическомъ обществѣ.

Было бы излишне вдаваться здѣсь въ характеристику того періода, къ которому относится ученая дѣятельность названныхъ писателей, потому что для теоріи цѣнности имѣютъ значеніе только самыя общія черты эпохи, достаточно извѣстныя, а не отдѣльные факты и событія, не могущіе дать ничего новаго для пониманія теоретическихъ положеній Смита и Мальтуса [1]). Они почерпнули

---

[1]) Интересной иллюстраціей эпохи, которую переживала Англія въ серединѣ прошлаго вѣка, служитъ промышленный подъемъ Глазго, относящійся къ тому именно времени, когда Смитъ состоялъ профессоромъ глазговскаго университета. Новѣйшій біографъ Смита, Дж. Рэ, замѣчаетъ между прочимъ, что эта эпоха была для Глазго исключительнымъ временемъ коммерческаго разцвѣта, выразившимся между прочимъ въ томъ, что по словамъ историка Глазго, Гибсона, послѣ 1750 г. „на улицахъ нельзя было встрѣтить ни одного нищаго“ и даже „каждый ребенокъ имѣлъ занятіе“. Такъ великъ былъ спросъ на рабочія руки. J. Rae. Life of Adam Smith. 1895. Стр. 89.

изъ окружавшей ихъ дѣйствительности точку отправленія для своихъ сужденій, но система, воздвигнутая на этой основѣ, представляетъ главнымъ образомъ логическое построеніе и должна быть прежде всего разсматриваема какъ таковое. Было бы напрасно искать въ данныхъ исторической эпохи полнаго объясненія такой системы, потому что только основа ея подготовлена исторіей, а то, что сооружено на этой основѣ, представляетъ продуктъ отвлеченнаго мышленія.

Почерпнувъ трудовой принципъ изъ наблюденія надъ производственными отношеніями капиталистическаго строя, Смитъ и Мальтусъ развили его въ рядѣ утвержденій, къ разсмотрѣнію которыхъ мы и обратимся.

По мысли Смита трудъ служитъ мѣриломъ субъективной мѣновой цѣнности, потому что чѣмъ больше труда можно купить за мѣновое благо, тѣмъ больше потребительныхъ благъ получитъ его владѣлецъ. Смитъ исходитъ здѣсь отъ представленія о простой мѣновой сдѣлкѣ, совершаемой безъ участія денегъ и при такихъ условіяхъ основаніемъ для оцѣнки мѣнового блага можетъ служить только потребительная цѣнность предмета, получаемаго въ обмѣнъ за него; но въ такомъ случаѣ утвержденіе Смита не выдерживаетъ критики. Дѣйствительно, если предположить даже, какъ это дѣлаетъ Смитъ, что данное количество труда всегда можетъ доставить одинаковое количество благъ, то все же нельзя утверждать, что послѣднее всегда будетъ представлять одну и ту же цѣнность. Смитъ могъ стоять на этой точкѣ зрѣнія только потому, что потребительная цѣнность была для него то же, что полезность, или лучше сказать, пригодность предмета служить человѣческимъ потребностямъ; но эта точка зрѣнія невѣрна по той причинѣ, что одно и то же благо можетъ имѣть бо́льшую или меньшую цѣнность, смотря по тому, какъ сильна потребность, которой оно удовлетворяетъ. Поэтому количество труда покупаемаго за мѣновое благо, не можетъ служить мѣриломъ потребительной цѣнности, получаемой за это благо, слѣдовательно и мѣновой цѣнности послѣдняго. Трудомъ можно измѣрять количество благъ, но не ихъ значеніе. Высказанное замѣчаніе относится къ измѣренію цѣнности въ данное время и въ данномъ мѣстѣ; если же дѣло идетъ объ измѣреніи цѣнности благъ въ разные періоды и въ разныхъ мѣстахъ, то кромѣ того приходится отвергнуть и молчаливое предположеніе Смита о неизмѣнной производительности

труда, потому что одно и то же количество рабочей силы при различныхъ условіяхъ можетъ доставить очень различныя количества благъ. Смитъ предполагаетъ неподвижную технику, но это предположеніе не соотвѣтствуетъ дѣйствительности; и поэтому трудъ, покупаемый за предметъ, не можетъ служить неизмѣннымъ мѣриломъ его цѣнности.

Что касается соображенія Мальтуса, основаннаго на роли труда, какъ фактора производства, то оно не имѣетъ важнаго значенія. Прежде всего капиталисту-предпринимателю для возобновленія производственнаго процесса приходится покупать не только трудъ, но и хозяйственныя блага: машины, орудія, сырые матеріалы и т. д.; и въ такомъ случаѣ продуктъ производства не можетъ оцѣниваться предпринимателемъ по количеству рабочей силы, которое можетъ быть куплено за него. Цѣнность такихъ продуктовъ при равенствѣ прочихъ условій тѣмъ выше, чѣмъ выше ихъ цѣна, потому что тѣмъ значительнѣе ихъ покупательная сила относительно другихъ продуктовъ, необходимыхъ предпринимателю. Если бы можно было оставить въ сторонѣ указанное обстоятельство, то дѣйствительно съ точки зрѣнія предпринимателя цѣнность продукта была бы тѣмъ выше, чѣмъ больше можно было бы купить за него труда, потому что тѣмъ значительнѣе была бы возможность продолжать производство. Въ основѣ этого положенія лежитъ общая мысль, что мѣновое благо цѣнится по тому значенію, которое имѣетъ получаемое за него потребительное благо; а въ данномъ случаѣ таковымъ служитъ трудъ, и къ нему неприменимо сдѣланное выше возраженіе противъ теоріи Смита, потому что одинаковыя количества труда, при равенствѣ другихъ условій, всегда имѣютъ одинаковое значеніе, въ качествѣ образователя мѣновой цѣнности: если трудъ становится производительнѣе, то при сдѣланномъ предположеніи въ данную единицу времени производится большее количество благъ и покупательная сила этого большаго количества остается та же. Въ дѣйствительности однако нельзя игнорировать того обстоятельства, что часть продукта, продаваемаго предпринимателемъ не употребляется имъ на покупку живой рабочей силы, а идетъ на пріобрѣтеніе производственныхъ благъ; тѣмъ менѣе позволительно упускать изъ вида это обстоятельство, что съ прогрессомъ техники оно играетъ постоянно возрастающую роль: чѣмъ больше машина вытѣсняетъ человѣческій трудъ,

тѣмъ менѣе вѣрной становится идея Мальтуса. Здѣсь опять мы имѣемъ теоретическое положеніе, отмѣченное характерной чертой той исторической эпохи, въ которую оно возникло: оно могло быть выдвинуто только въ ранній періодъ капиталистическаго хозяйства, когда живая рабочая сила играла еще первенствующую роль въ производствѣ.

Переходимъ къ третьему аргументу въ пользу смитовскаго ученія о мѣрилѣ цѣнности; именно, что количество труда, покупаемое за данный предметъ, соотвѣтствуетъ въ точности размѣрамъ его снабженія. Основаніемъ этого положенія служитъ то, что увеличеніе производительности труда, какъ общее правило, ведетъ къ удешевленію продукта; но Мальтусъ, выдѣляя прибыль и ренту, предполагаетъ при этомъ, что вознагражденіе труда остается безъ измѣненія, потому что въ противномъ случаѣ связь между производительностью труда, примѣненнаго для изготовленія даннаго продукта, и количествомъ труда, покупаемымъ за этотъ продуктъ, не можетъ быть установлена. Трудъ можетъ стать производительнѣе и продуктъ можетъ подешевѣть, но если въ то же время вознагражденіе труда повысится, то количество труда, покупаемаго за данный продуктъ, не будетъ служить точнымъ показателемъ степени его удешевленія. Въ такомъ случаѣ покупательная сила предмета относительно труда не будетъ опредѣлять его покупательной силы относительно всѣхъ другихъ предметовъ.

Наконецъ, послѣдній аргументъ Мальтуса въ пользу Смита заключается въ томъ, что покупательная сила труда, поскольку она зависитъ отъ внутреннихъ причинъ, неизмѣнна. Это утвержденіе основывается на томъ, что въ конечномъ счетѣ цѣна хлѣба опредѣляется стоимостью производства, элементами которой служатъ доходы, оплачиваемые ею, т.-е., за устраненіемъ ренты, прибыль и заработная плата, и что эти два дохода всегда измѣняются въ обратномъ отношеніи, такъ что сумма ихъ остается одна и та же. Совершенно такое же разсужденіе можетъ быть примѣнено не только къ хлѣбу, но и ко всѣмъ другимъ предметамъ. Почему же считать неизмѣнной покупательную силу одного только хлѣба? При этомъ еще нужно замѣтить, что если бы даже разсужденіе Мальтуса было вѣрно относительно хлѣба, оно все-таки не доказывало бы что покупательная сила труда неизмѣнна, потому что потребленіе рабо-

чаго не ограничивается хлѣбомъ. Два послѣднихъ довода Мальтуса носятъ на себѣ слѣды низкаго положенія рабочаго въ ту эпоху, къ которой относится приведенное разсужденіе. Вознагражденіе труда разсматривается какъ неизмѣнный минимумъ необходимыхъ средствъ пропитанія, такъ что нѣтъ рѣчи ни о повышеніи этого вознагражденія, ни о томъ, что оно можетъ удовлетворять не однѣ только элементарныя потребности.

Мы приходимъ къ выводу, что ученіе Смита, Мальтуса и ихъ анонимнаго сторонника о трудѣ, какъ мѣрилѣ цѣнности, явилось отраженіемъ переходнаго періода въ исторіи капиталистическаго хозяйства,—той эпохи, когда новыя экономическія отношенія уже выяснились въ своихъ основныхъ чертахъ, но старыя продолжали играть выдающуюся роль въ жизни страны. Поэтому въ разсмотрѣнномъ ученіи переплетаются старые и новые мотивы: точка зрѣнія производителя, заботящагося о личномъ потребленіи, и современнаго предпринимателя, для котораго единственной цѣлью производства служитъ его безостановочное возобновленіе. Этимъ объясняется отсутствіе опредѣленности въ теоріи, развитой Смитомъ и Мальтусомъ; тѣмъ же объясняется и ея недолговѣчность: все, что эти писатели высказали о трудѣ, какъ мѣрилѣ цѣнности, потеряло значеніе, какъ только условія переходнаго періода стали историческимъ фактомъ. Трудовая теорія Смита, развитая Мальтусомъ представляетъ теперь только смутный отпечатокъ исчезнувшихъ отношеній. Но въ ученіи Смита и его ближайшихъ послѣдователей заключалось положеніе, на почвѣ котораго развилась трудовая теорія капиталистическаго строя. Это—изслѣдованіе цѣны, какъ функціи факторовъ распредѣленія. Мы имѣемъ въ виду показать, что теорія цѣнности Рикардо основана на упомянутомъ ученіи Смита, представляющемъ повидимому прямую антитезу трудового начала.

ГЛАВА IV.

Первыя страницы «Началъ Политической Экономіи» Рикардо написаны такъ, что читатель, особенно находящійся подъ вліяніемъ позднѣйшаго ученія о цѣнности, основанной на трудѣ, въ большинствѣ случаевъ безъ колебанія причисляетъ Рикардо къ числу первыхъ и самыхъ крупныхъ представителей трудовой теоріи. Дальнѣйшія ограниченія, вводимыя Рикардо, или останавливаютъ на себѣ мало вниманія, или же разсматриваются какъ отступленія отъ первоначально установленнаго принципа, допущенныя въ силу неумѣнія справиться съ задачей. Въ дѣйствительности это не такъ. Если трудовая теорія считаетъ относительную цѣнность только формой извѣстнаго абсолютнаго содержанія и послѣднее сводитъ исключительно къ труду, какъ затратѣ человѣческой энергіи, то нужно признать, что Рикардо былъ совершенно чуждъ этого взгляда.

Подвергая критикѣ ученіе Смита о цѣнности, Рикардо приводитъ то мѣсто изъ его сочиненія, гдѣ говорится, что въ первобытномъ обществѣ количество труда, затраченнаго на производство продукта, служитъ мѣриломъ его цѣнности, и заиѣчаетъ: «таково дѣйствительное основаніе мѣновой цѣнности всѣхъ вещей, за исключеніемъ тѣхъ, которыя не могутъ быть увеличиваемы человѣческимъ трудомъ; это ученіе величайшей важности въ политической экономіи; ибо не изъ какого источника не проистекаетъ такъ много ошибокъ и разногласій какъ изъ неясныхъ идей, связываемыхъ со словомъ цѣнность. Если количество труда, овеществленнаго въ продуктахъ, регулируетъ ихъ мѣновую цѣнность, то всякое увеличеніе количества труда должно повысить цѣнность того продукта, на которое онъ затраченъ, а всякое уменьшеніе должно понизить ее» [1]). Указавъ, что различное вознагражденіе труда различнаго ка-

[1]) Principles of Political Economy, изд. 1846, стр. 10.

чества не измѣняетъ установленнаго принципа, Рикардо поясняетъ послѣдній примѣромъ: «если бы кусокъ сукна стоилъ теперь двухъ кусковъ холста и если бы черезъ 10 лѣтъ обычная цѣнность куска сукна была равна четыремъ кускамъ холста, то мы могли бы съ увѣренностью заключить, что или требуется больше труда для производства сукна или меньше для производства холста, или что эти обѣ причины оказали вліяніе» [1]). Тотъ же принципъ остается въ силѣ, несмотря на участіе капитала въ производствѣ, потому что мѣновая цѣнность продуктовъ, составляющихъ капиталъ, опредѣляется количествомъ труда, затраченнаго на ихъ производство. «Опредѣляя мѣновую цѣнность, напр., чулокъ, говоритъ Рикардо, мы найдемъ, что ихъ цѣнность сравнительно съ другими предметами, зависитъ отъ общаго количества труда, необходимаго для ихъ изготовленія и доставки ихъ на рынокъ. Во-первыхъ, имѣется трудъ, необходимый для обработки земли, на которой выращенъ хлопокъ—сырецъ, во-вторыхъ, трудъ доставки хлопка въ ту страну, гдѣ чулки должны быть произведены, куда входитъ также часть труда, затраченнаго на постройку корабля, на которомъ хлопокъ привезенъ,—труда, который оплачивается фрахтомъ товаровъ; въ-третьихъ, трудъ прядильщика и ткача; въ-четвертыхъ, часть труда механика, кузнеца и плотника, сооружавшихъ строенія и машины, при помощи которыхъ они сдѣланы; въ-пятыхъ, трудъ розничнаго торговца и многихъ другихъ, которыхъ нѣтъ надобности называть въ отдѣльности. Вся сумма этихъ различныхъ видовъ труда опредѣляетъ количества другихъ предметовъ, на которые чулки будутъ обмѣниваться, въ то время какъ подобный же подсчетъ различныхъ количествъ труда, затраченнаго на другіе предметы, точно также опредѣлитъ, какое количество ихъ будетъ отдано за чулки» [2]).

Общее правило, устанавливаемое Рикардо, заключается въ томъ, что несмотря на различіе въ вознагражденіи труда соотвѣтственно его качеству и на участіе капитала въ производствѣ, мѣновая цѣнность продуктовъ опредѣляется суммой того труда, который затраченъ на ихъ изготовленіе, какъ въ конечной стадіи производствен-

---

[1]) Стр. 15.

[2]) Стр. 17. См. также стр. 165.

наго процесса, такъ и въ предшествовавшихъ его стадіяхъ, въ которыхъ изготовлены были сырые матеріалы и орудія труда.

Рикардо, развивая свою мысль, изложенную выше, рѣшительно возражаетъ противъ того, что высота вознагражденія труда можетъ служить мѣриломъ мѣновой цѣнности. Онъ ставитъ Смиту въ вину смѣшеніе этого мѣрила съ другимъ, правильнымъ, по его мнѣнію, именно, съ количествомъ труда, затраченнаго на производство, и доказываетъ весьма обстоятельно неправильность такого смѣшенія. Возраженія Рикардо по этому вопросу, какъ видно изъ вышеизложеннаго, основаны на недоразумѣніи; Смитъ не смѣшивалъ указанныя мѣрила цѣнности, вполнѣ понимая ихъ различіе, но полагалъ, что при тѣхъ гипотетическихъ условіяхъ, которыя онъ называлъ первобытнымъ состояніемъ общества, количество труда, которое можно купить за данный продуктъ, въ точности совпадаетъ съ тѣмъ, которое было затрачено на его производство. Рикардо самъ подтверждаетъ эту мысль: «если бы вознагражденіе рабочаго, замѣчаетъ онъ, всегда находилось въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что онъ произвелъ, то количество труда, затраченнаго на какой-либо предметъ, и количество труда, которое можетъ быть куплено за этотъ предметъ, были бы равны и каждое изъ нихъ могло бы съ точностью измѣрять колебанія другихъ предметовъ» [1]). На этомъ именно основаніи Смитъ и утверждаетъ, что въ первобытномъ состояніи общества, когда весь продуктъ принадлежитъ рабочему, количество труда, затраченнаго на производство, можетъ служить точнымъ мѣриломъ цѣнности; но въ современномъ строѣ онъ признаетъ единственно вѣрнымъ мѣриломъ трудъ, который можно купить за данный продуктъ. Рикардо возражаетъ Смиту по этому вопросу. Количество труда, затраченнаго на производство продукта, онъ считаетъ «во многихъ обстоятельствахъ неизмѣннымъ мѣриломъ, вѣрно указывающимъ колебанія другихъ вещей» [2]), что же касается количества труда, которое можно купить за предметъ, «то оно подвержено столькимъ же колебаніямъ, какъ и продукты, съ которыми оно сравнивается». На этомъ основаніи Рикардо высказывается самымъ категорическимъ образомъ за то, чтобы считать единственно правильнымъ и

---

[1]) Стр. 11.

[2]) Тамъ же.

точнымъ мѣриломъ цѣнности количество труда, затраченнаго на производство, и даетъ своимъ изложеніемъ полное основаніе заключить, что по его убѣжденію вознагражденіе труда не оказываетъ вліянія на цѣнность. Послѣдняя представляетъ какъ будто въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣленную величину, являющуюся функціей факторовъ производства и совершенно независящую отъ условій распредѣленія продуктовъ въ данномъ обществѣ: распредѣляется то, что уже произведено, т. е. что уже представляетъ опредѣленную цѣнность.

Выражая эту мысль, Макъ-Кёллокъ сопровождаетъ главу о составныхъ частяхъ цѣны продуктовъ въ сочиненіи Смита примѣчаніемъ, въ которомъ признаетъ, что ученіе ставящее въ связь колебанія цѣнности съ измѣненіями ренты, прибыли и заработной платы «ошибочно въ корнѣ». «Эти измѣненія касаются только *распредѣленія продуктовъ*, или отношеній, въ которыхъ они раздѣляются между тремя большими классами: земельныхъ собственниковъ, капиталистовъ и рабочихъ, и не имѣютъ ничего общаго съ ихъ цѣнностью или съ ихъ способностью обмѣниваться или покупать другъ друга и трудъ» [1]).

Ниже будетъ показано, какое широкое распространеніе и признаніе получила мысль, выраженная въ примѣчаніи Макъ-Кёллока— мысль представляющая выводъ изъ вышеизложенной аргументаціи Рикардо. Между тѣмъ ученіе послѣдняго основано на принципѣ, прямо противоположномъ только что формулированному положенію, и заключеніе, вытекающее изъ его разсужденій, по своей основной идеѣ совпадаетъ съ ученіемъ Смита.

Для того, что вникнуть въ истинный смыслъ рикардовской теоріи цѣнности, необходимо прежде всего помнить, что она имѣетъ своимъ главнѣйшимъ и почти исключительнымъ предметомъ относительную цѣнность. Рикардо высказываетъ это, поясняя свою точку зрѣнія соображеніями о вліяніи, которое можетъ оказывать на мѣновую цѣнность продуктовъ различія въ качествѣ труда, связанныя съ различіями въ его оцѣнкѣ. Онъ говоритъ, что изслѣдуя измѣненія въ относительной цѣнности предметовъ, онъ не интересуется «сравнительной степенью оцѣнки, которую встрѣчаютъ различные виды человѣческаго труда». Ему важно только то, что каковы бы ни были

---

[1]) Wealth of Nations, изд. 1828 г., стр. 81.

первоначальныя неравенства между ними, эти неравенства остаются приблизительно безъ перемѣны изъ поколѣнія въ поколѣніе; или по крайней мѣрѣ, что измѣненія, совершающіяся въ этой области, очень незначительны изъ года въ годъ и поэтому въ краткіе періоды времени могутъ оказывать незначительное вліяніе на относительную цѣнность продуктовъ [1]).

Это разсужденіе, основанное на произвольной гипотезѣ, представляетъ интересъ съ двухъ точекъ зрѣнія. Прежде всего оно характеризуетъ задачу, которую ставилъ себѣ Рикардо при изученіи цѣнности. Его не интересуетъ въ «Началахъ Политической Экономіи» то, что онъ называетъ абсолютной цѣнностью, т.-е. изслѣдованіе причинъ, ведущихъ къ тому, что данный предметъ вообще имѣетъ экономическую цѣнность независимо отъ обмѣна, т.-е. что одни предметы цѣнятся людьми съ точки зрѣнія ихъ хозяйственныхъ цѣлей, а другія не цѣнятся. Рикардо изучаетъ только условія, вліяющія на количественныя отношенія, въ которыхъ обмѣниваются продукты: если на продуктъ А затрачено 2 часа труда, а на продуктъ Б—4 часа, то ихъ цѣнности по Рикардо будутъ относиться какъ 1 къ 2; и если бы въ условіяхъ производства этихъ продуктовъ наступили перемѣны, въ силу которыхъ требовалось бы на изготовленіе ихъ въ два раза больше труда, чѣмъ раньше, т.-е. 4 часа на продуктъ А и 8 часовъ на продуктъ Б, то ихъ относительная цѣнность осталась бы безъ перемѣны; и этотъ случай не остановилъ бы на себѣ вниманіе Рикардо. Онъ заинтересовался бы имъ лишь тогда, когда покупательная способность А и Б относительно другъ друга измѣнилась бы;

---

[1]) „Я долженъ также замѣтить, что я не говорилъ, будто цѣнность одного продукта, на производство котораго затрачено труда стоимостью въ 1000 ф., будетъ 1000 ф., а цѣнность другаго, на производство котораго затрачено труда стоимостью въ 2000 ф. будетъ 2000 ф; но я говорилъ, что ихъ цѣнности будутъ относиться одна къ другой какъ 1 къ 2 и что они будутъ обмѣниваться другъ на друга въ этой пропорціи. Для справедливости этого ученія не важно, продается ли одинъ продуктъ за 1100 ф., а другой за 2200 ф. или одинъ за 1500 ф., а другой за 3000 ф. Этого вопроса я теперь не изслѣдую; я утверждаю только, что ихъ относительныя цѣнности будутъ опредѣляться относительными количествами труда, затраченнаго на ихъ производство". Въ примѣчаніи Рикардо, возражая Мальтусу, замѣчаетъ, что подъ стоимостью онъ разумѣетъ расходы производства, не считая прибыль. Цѣнность и стоимость одно и то же, если подъ стоимостью разумѣть расходы производства и прибыль. Principles, 3 изд., стр. 30. См. также стр. 15.

если бы напр. 1 А стоило не 2 Б, а 4., тогда Рикардо задался бы вопросомъ, отъ чего произошло это измѣненіе. То, что онъ изслѣдуетъ, касается лишь причинъ, вліяющихъ на отношенія, въ которыхъ обмѣниваются предметы, и причинъ, измѣняющихъ эти отношенія. Рикардо не задается вопросомъ, измѣняется ли оцѣнка предмета подъ вліяніемъ того, что производство его требуетъ больше труда чѣмъ раньше; онъ изслѣдуетъ только одно, измѣнилась ли отъ этого покупательная способность предмета.

Изъ приведеннаго выше разсужденія вытекаетъ и другое. Рикардо утверждаетъ, что различіе въ качествѣ труда не оказываетъ вліянія на мѣновую, т.-е. относительную цѣнность продуктовъ, потому что отношеніе между оцѣнками различныхъ видовъ труда не измѣняется или измѣняется очень мало. Отсюда слѣдуетъ, что при отсутствіи этого условія, т.-е. если бы отношеніе между оцѣнками труда мѣнялось, количество труда, затраченнаго на производство, уже не могло бы служить вѣрнымъ мѣриломъ мѣновой цѣнности.

Для разъясненія этого вернемся къ приведенному выше примѣру. Согласно сдѣланному предположенію отношеніе между цѣнностями А и Б, бывшее сначала 1 къ 2, стало 1 къ 4; т.-е. А стало въ два раза дороже относительно Б или что тоже самое Б въ два раза дешевле относительно А. На вопросъ, почему произошло такое измѣненіе въ относительной цѣнности этихъ двухъ продуктовъ, Рикардо отвѣчаетъ: потому что измѣнилось количество труда, затрачиваемаго на производство одного изъ нихъ или обоихъ; или на А затрачивается въ 2 раза больше труда, чѣмъ раньше, или на Б въ 2 раза меньше, или напр. такъ: на А въ 2 раза больше, а на Б въ 4 раза. Но это объясненіе, по теоріи Рикардо, будетъ вѣрно лишь при томъ условіи, что относительная оцѣнка труда не измѣнилась. Если напр. производство продукта Б требуетъ труда квалифицированнаго, оплачивающагося въ 2 раза дороже, чѣмъ простой трудъ, затрачиваемый на производство А, то при установленіи отношенія между ними въ обмѣнѣ это различіе вознагражденія принимается во вниманіе: 1 часъ труда, затрачиваемаго на Б, приравнивается 2 часамъ труда, затрачиваемаго на А. Если предположить, что отношеніе между оплатой простого и квалифицированнаго труда въ приведенномъ выше примѣрѣ измѣнилось, то Рикардо не считалъ бы себя въ правѣ сдѣлать заключеніе, что причина въ измѣ-

неніи мѣновой цѣнности сводится исключительно къ измѣненію въ затратѣ труда: пришлось бы принять въ соображеніе и относительную высоту вознагражденія рабочаго. Рикардо полагаетъ однако, что это условіе остается неизмѣннымъ, и только при этомъ предположеніи онъ признаетъ вѣрнымъ критеріемъ мѣновой цѣнности затрату труда. Отсюда слѣдуетъ, что относительная высота вознагражденія труда соотвѣтственно его квалификаціи не игнорируется Рикардо, при изученіи причинъ колебанія цѣнности, но устраняется изъ изслѣдованія, какъ условіе, по предположенію, неизмѣнное. Что рѣчь идетъ дѣйствительно о вознагражденіи труда, видно изъ того, что Рикардо подтверждаетъ свое разсужденіе слѣдующей цитатой изъ Смита: «Отношеніе между различными нормами заработной платы и прибыли въ различныхъ отрасляхъ труда и приложеній капитала, повидимому, не подвергаются, какъ было уже замѣчено, значительному вліянію богатства и бѣдности, прогрессирующаго, неподвижнаго или регрессирующаго состоянія общества. Такіе перевороты въ общественномъ благосостояніи, хотя и вліяютъ на общій уровень какъ заработной платы, такъ и прибыли, но въ концѣ-концовъ вліяютъ на нихъ одинаково во всѣхъ разнообразныхъ занятіяхъ. Поэтому отношеніе между ними остается такое же и не можетъ измѣняться, по крайней мѣрѣ, на значительное время подъ вліяніемъ такихъ переворотовъ».

Разсмотримъ дальнѣйшія условія, которыми Рикардо обставляетъ доказательство своего положенія объ измѣреніи мѣновой цѣнности Поясняя свою мысль, онъ приводитъ примѣръ, относящійся къ тому строю, который Смитъ называетъ первобытнымъ. Разсматривая законы мѣновыхъ отношеній между охотниками и рыболовами, онъ прежде всего предполагаетъ, что орудія производства, служащія той и другой сторонѣ, имѣютъ одинаковую цѣнность и отличаются одинаковой прочностью. При этихъ условіяхъ, говоритъ онъ, мѣновая цѣнность продуктовъ охотника и рыболова будетъ опредѣляться исключительно количествомъ труда, затраченнаго на производство, и будетъ измѣняться соотвѣтственно съ измѣненіями этого мѣрила. «Если бы при помощи такого же количества труда, замѣчаетъ Рикардо, добывалось меньшее количество рыбы или большее количество дичи, то цѣнность рыбы повысилась бы сравнительно съ дичью. Если бы, наоборотъ, при помощи того же количества труда добывалось меньшее количество дичи или большее

количество рыбы, дичь повысилась бы сравнительно съ рыбой» [1]). Это положеніе Рикардо explicite обставляетъ только двумя условіями, указанными выше; именно, что относительная оцѣнка различныхъ видовъ труда остается неизмѣнной и что производители употребляютъ постоянный капиталъ одинаковой цѣнности и прочности, изъ чего слѣдуетъ, что и отношеніе между постояннымъ и оборотнымъ капиталомъ одинаково. Не трудно, однако, видѣть изъ дальнѣйшаго изложенія, что Рикардо предполагаетъ implicite еще одно условіе. Это вытекаетъ изъ тѣхъ мѣстъ I-й главы «Началъ Политической Экономіи», которыя представляютъ попытку доказать то, что излагается въ возраженіяхъ Смиту догматически.

Знакомясь съ критическими замѣчаніями Рикардо по поводу теоріи цѣнности, развитой въ «Изслѣдованіи о богатствѣ народовъ», читатель легко убѣждается, что количество труда, которое можно купить за данный продуктъ, и то, которое затрачено на его производство, не могутъ при современномъ экономическомъ строѣ одинаково служить для измѣренія цѣнности. Но можно ли всегда измѣрять цѣнность только количествомъ труда, затраченнаго на производство, — это требуетъ доказательства. Рикардо и даетъ его въ слѣдующихъ строкахъ.

Говоря о колебаніи цѣнности рыбы и дичи, выраженной въ деньгахъ, цѣнность которыхъ предполагается неизмѣнной, онъ замѣчаетъ: «никакое измѣненіе въ заработной платѣ не могло бы произвести какого-либо измѣненія въ относительной цѣнности упомянутыхъ продуктовъ. Предположимъ, что плата за трудъ повышается; ни то, ни другое производство не требовало бы большей затраты труда: онъ только оплачивался бы болѣе высокой цѣной, и тѣ же соображенія, которыя побудили бы охотника и рыболова попытаться поднять цѣнность дичи и рыбы, привели бы къ тому, что собственникъ рудника поднялъ бы цѣнность золота. Такъ какъ этотъ мотивъ вліялъ бы съ одинаковой силой на всѣ три отрасли производства, и относительное положеніе тѣхъ, которые заняты въ нихъ, оставалось бы неизмѣннымъ до и послѣ повышенія заработной платы, то относительная цѣнность дичи, рыбы и золота осталась бы преж-

---

[1]) Стр. 19.

ней. Заработная плата могла бы подняться на 20%, а прибыль по этой причинѣ упасть въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ, не причиняя ни малѣйшаго измѣненія въ относительной цѣнности упомянутыхъ продуктовъ» [1]). Мысль Рикардо заключается въ слѣдующемъ: если бы капиталистамъ, у которыхъ работаютъ по найму охотникъ и рыболововъ, пришлось платить дороже за трудъ, то попытка одного изъ нихъ поднять цѣнность продукта вслѣдствіе повышенія заработной платы была бы парализована такой же попыткой другого. Если бы капиталистъ, у котораго работаетъ охотникъ, заявилъ, что онъ повышаетъ цѣну дичи на 20% на томъ основаніи, что трудъ ему обходится на 20% дороже, то рыболовъ отвѣтилъ бы ему, что его расходъ на заработную плату также увеличился на 20%, вслѣдствіе чего онъ также соотвѣтственно повышаетъ цѣну рыбы. При этихъ условіяхъ данныя количества рыбы и дичи, представляющія напр. продуктъ однодневнаго труда, продавались бы за большую сумму денегъ, если предположить, что они производятся при прежнихъ условіяхъ; но на эту бо́льшую сумму денегъ охотникъ могъ бы купить только прежнее количество рыбы, а рыболовъ,—прежнее количество дичи. Такимъ образомъ, измѣнилась бы цѣна дичи и рыбы, но ихъ мѣновая цѣнность осталась бы прежней.

Рикардо говоритъ, что это произошло бы при томъ условіи, что оба капиталиста употребляютъ постоянный и оборотный капиталъ въ одинаковыхъ пропорціяхъ и постоянный капиталъ одинаковой прочности [2]). Но къ этому нужно еще прибавить: и если оба капиталиста платятъ за одинаковый трудъ одинаковое вознагражденіе, причемъ повышеніе уровня заработной платы и прибыли одинаково касается того и другого. Въ такомъ случаѣ вліяніе заработной платы и прибыли парализуется, и единственнымъ измѣняющимся факторомъ является количество труда, затраченнаго на производство. Каково же значеніе этого фактора въ теоріи Рикардо?

Значеніе труда въ ученіи о цѣнности можетъ быть таково, что цѣнность зависитъ отъ количества трудовой энергіи, затрачиваемой на производство. При такомъ пониманіи теоріи Рикардо нужно было бы утверждать, что при данной затратѣ трудовой энергіи на производ-

[1]) Тамъ же.
[2]) Тамъ же, стр. 20.

ство извѣстнаго продукта цѣнность его должна быть опредѣленной величиной, и каково бы ни было вознагражденіе труда, цѣнность не можетъ измѣниться, пока производство продукта требуетъ прежняго количества энергіи. Очевидно, что Рикардо совсѣмъ не имѣлъ этого въ виду. Онъ призналъ при извѣстныхъ условіяхъ затрату труда мѣриломъ цѣнности только потому, что она caeteris paribus является вѣрнымъ показателемъ измѣненія затратъ, производимыхъ капиталистами. Рикардо всегда предполагаетъ средній уровень заработной платы и прибыли и неограниченное дѣйствіе конкуренціи, приравнивающей доходы во всѣхъ отрасляхъ производства. При этихъ условіяхъ всѣ факторы цѣнности измѣняются параллельно количеству труда, затраченнаго на производство, т.-е. количеству рабочаго времени, употребленнаго на производство при одинаковомъ вознагражденіи за трудъ. Но, изъ этого не слѣдуетъ, что Рикардо считалъ затрату энергіи единственнымъ источникомъ цѣнности: она входитъ въ счетъ лишь постольку, поскольку опредѣляетъ значеніе и движеніе факторовъ, отъ которыхъ зависитъ относительная цѣнность продуктовъ, т.-е. доходовъ, изъ которыхъ слагаются цѣны и которыми опредѣляется мѣновая цѣнность, или покупательная сила продуктовъ.

Рикардо стоитъ на той же почвѣ, на которой стоялъ и Смитъ при изслѣдованіи состава цѣны. Исходя изъ тѣхъ же принциповъ, онъ развиваетъ и исправляетъ его ученіе: Смитъ указалъ вообще на зависимость цѣнности отъ факторовъ распредѣленія, но не выяснилъ, какъ эти факторы вліяютъ на мѣновую цѣнность продуктовъ. Именно эта сторона вопроса и составляетъ предметъ изслѣдованія Рикардо: онъ опредѣлилъ условія, при которыхъ измѣненія факторовъ распредѣленія оказываютъ вліяніе на мѣновую цѣнность продуктовъ въ связи съ основнымъ факторомъ производства—затратой труда.

При условіяхъ, указанныхъ Рикардо, высота заработной платы и прибыли не обнаруживаетъ своего дѣйствія на мѣновую цѣнность, потому что измѣненія указанныхъ доходовъ одинаково отражаются на всѣхъ продуктахъ и дѣйствіе этой причины въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ парализуется ея же дѣйствіемъ въ другихъ случаяхъ. Но когда условія, парализующія ея дѣйствіе, отсутствуютъ, она обнаруживаетъ вліяніе на мѣновую цѣнность. Это происходитъ, по Рикардо, при измѣненіяхъ въ вознагражденіи труда въ тѣхъ случаяхъ, когда обмѣниваются продукты, которые произведены при ка-

питалахъ, распадающихся въ различныхъ пропорціяхъ на постоянный и оборотный, или хотя бы и при одинаковомъ составѣ капитала, но при разной прочности постоянныхъ капиталовъ или, наконецъ, когда время оборота капиталовъ различно. Во всѣхъ этихъ случаяхъ измѣненія высоты заработной платы и прибыли не одинаково отражаются на положеніи отдѣльныхъ капиталистовъ, и поэтому тѣ, которые вслѣдствіе колебанія заработной платы и прибыли оказываются въ менѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ другіе, требуютъ болѣе высокой цѣны за свои продукты, чтобы обезпечить себѣ и другимъ участникамъ производства средній уровень доходовъ.

Разсмотримъ перечисленные выше случаи.

Первый изъ нихъ тотъ, когда капиталы бываютъ различнаго состава въ отношеніи дѣленія на постоянный и оборотный. Здѣсь прежде всего нужно остановиться на понятіяхъ постояннаго и оборотнаго капитала, которыя Рикардо опредѣляетъ въ одномъ смыслѣ, а употребляетъ въ другомъ. «Смотря по тому, замѣняетъ онъ, быстро ли исчезаетъ капиталъ и требуетъ частаго воспроизведенія, или же онъ медленно потребляется его относятъ къ категоріямъ оборотнаго или постояннаго». Къ этому опредѣленію Рикардо дѣлаетъ примѣчаніе, въ которомъ говоритъ, что раздѣленіе, указанное въ текстѣ, не существенно и что провести точное разграниченіе между постояннымъ и оборотнымъ капиталомъ невозможно. Дѣйствительно, изъ приведеннаго выше опредѣленія трудно составить сколько нибудь точное понятіе о признакахъ, отличающихъ тотъ или другой видъ капитала. Еще менѣ удовлетворителенъ примѣръ, которымъ Рикардо поясняетъ свою мысль. «Говорятъ, что пивоваръ, строенія и машины котораго цѣнны и долговѣчны, употребляетъ значительную долю постояннаго капитала; напротивъ, что сапожникъ, капиталъ котораго употребляется главнымъ образомъ на заработную плату, расходуемую на пищу и одежду, предметы менѣе долговѣчные, чѣмъ строенія и машины, употребляетъ значительную часть своего капитала въ качествѣ оборотнаго»[1]). Здѣсь помимо признака долговѣчности, который самъ по себѣ страдаетъ крайней неопредѣленностью, дается еще другой признакъ столь же мало пригодный для данной цѣли—боль-

[1]) Стр. 21.

шая или меньшая цѣнность капитала; и кромѣ того высказывается еще новая точка зрѣнія, окончательно способная сбить съ толку читателя: Рикардо относитъ заработную плату, или лучше сказать, капиталъ, расходуемый на плату за трудъ, къ оборотному на томъ основаніи, что рабочіе тратятъ свой заработокъ на предметы, не отличающіеся долговѣчностью—пищу и одежду. Изъ этого можно заключить, что если бы рабочій накопилъ изъ своей заработной платы сумму денегъ, на которую купилъ бы домъ, то соотвѣтствующая часть капитала, израсходованнаго на вознагражденіе его труда, накопленная имъ и теперь употребленная на покупку долговѣчнаго предмета, должна быть причислена къ постоянному капиталу.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи Рикардо, конечно, не могъ пользоваться подобнымъ опредѣленіемъ и, дѣйствительно, онъ понимаетъ постоянный и оборотный капиталъ совершенно иначе: оборотнымъ онъ называетъ только ту часть капитала, которая употребляется на вознагражденіе труда; всѣ же остальные виды относитъ къ категоріи постояннаго. Такъ напр. нѣсколькими строками ниже приведенныхъ разсужденій онъ выражается слѣдующимъ образомъ: «Въ одной отрасли производства можетъ быть очень небольшой капиталъ употребленъ въ качествѣ оборотнаго, *т.-е. на вознагражденіе труда*, и главная часть вложена въ машины, инструменты, строенія и т. д., капиталъ сравнительно постояннаго и прочнаго характера. Въ другой отрасли можетъ быть употребленъ тотъ же капиталъ, но главнымъ образомъ на вознагражденіе труда и въ очень небольшой части въ видѣ инструментовъ, машинъ и строеній. Повышеніе заработной платы не можетъ не отразиться различнымъ образомъ на продуктахъ, произведенныхъ при столь различныхъ обстоятельствахъ»[1]). Согласно приведенному положенію, оно повышаетъ мѣновую цѣнность предметовъ, въ производствѣ которыхъ относительно бо̀льшее участіе принимаетъ живой трудъ, и понижаетъ мѣновую цѣнность предметовъ, производство которыхъ требуетъ большаго участія прошлаго труда въ видѣ капитала, который Рикардо называетъ постояннымъ. Для поясненія и доказательства своей мысли Рикардо приводитъ числовые примѣры.

---

[1]) Тамъ же.

Въ третьемъ изданіи своего сочиненія онъ переработалъ эту часть и замѣнилъ прежніе примѣры, приведенные въ первыхъ двухъ изданіяхъ, новыми, менѣе наглядными. Поэтому мы остановимся на первоначальномъ изложеніи этого предмета въ «Началахъ Политической Экономіи».

Рикардо изслѣдуетъ законъ, по которому должны обмѣниваться между собою продукты охотника и рыболова, произведенные при помощи одинаковыхъ капиталовъ въ 200 ф. каждый, но съ той разницей въ ихъ составѣ, что $^3/_4$ капитала охотника, т.-е. 150 ф., приходятся на постоянный капиталъ и $^1/_4$ на оборотный (въ указанномъ выше смыслѣ), а изъ капитала рыболова наоборотъ—$^1/_4$ приходится на постоянный и $^3/_4$—на оборотный. При уровнѣ прибыли въ 10% охотникъ, по расчету Рикардо, продавалъ бы свой продуктъ за $79_{,4}$ ф., а рыболовъ за $173_{,3}$ ф., т.-е. отношеніе между ихъ цѣнностями было бы какъ 100 къ 218. Затѣмъ Рикардо предполагаетъ, что при томъ же количествѣ труда, требуемаго на производство, вознагражденіе труда повысилось на 6%, а прибыль на капиталъ понизилась до 4%. При этихъ условіяхъ оказывается, что охотникъ долженъ продавать свой продуктъ за $73_{,61}$ ф., а рыболовъ за $171_{,523}$ ф., такъ что отношеніе между ними будетъ какъ 100 къ 233. Мѣновая цѣнность продукта, въ производствѣ котораго живой трудъ принималъ бо́льшее участіе, повысилась сравнительно съ продуктомъ, въ производствѣ котораго главное участіе приходилось на долю постояннаго капитала. Почему же повышеніе заработной платы, при указанныхъ условіяхъ, должно было привести къ измѣненію мѣновыхъ цѣнностей продуктовъ, которыхъ оно коснулось? Рикардо не приводитъ доказательствъ въ подтвержденіе своей мысли, но смыслъ его соображеній совершенно ясенъ: при одинаковомъ отношеніи между основнымъ и оборотнымъ капиталомъ повышеніе заработной платы одинаково коснулось бы какъ одного капиталиста, такъ и другого; при различномъ же составѣ капитала повышеніе заработной платы безъ соотвѣтствующаго возвышенія цѣнности повело бы къ сокращенію прибыли того капиталиста, которому приходится употреблять большую часть своего капитала на плату за трудъ. Поэтому, если его продуктъ необходимъ обществу, онъ можетъ потребовать такой цѣны, которая давала бы ему возможность оплатить соотвѣтствующую долю основного капитала и заработную плату и получить обычную прибыль. Повышеніе цѣны

до этого предѣла коснется только той группы капиталистовъ, которыхъ возрастаніе заработной платы затронуло въ большей мѣрѣ, чѣмъ другихъ; и такое повышеніе цѣны ихъ продуктовъ будетъ знаменовать собою и повышеніе покупательной способности послѣднихъ, т.-е. ихъ мѣновой цѣнности.

Второе условіе, при которомъ повышеніе заработной платы оказываетъ вліяніе на мѣновую цѣнность, заключается въ томъ, что обмѣнивающіеся другъ на друга продукты произведены при участіи постояннаго капитала различной прочности. Подробно останавливаясь на этомъ вопросѣ въ первыхъ двухъ изданіяхъ своего сочиненія, Рикардо разъясняетъ свою мысль слѣдующимъ примѣромъ, выпущеннымъ въ послѣдующихъ изданіяхъ.

Предположимъ, что произведена машина, которая можетъ служить 100 лѣтъ, что цѣна ея 20,000 ф. и что она безъ помощи какого бы то ни было труда можетъ производить ежегодно извѣстное количество продуктовъ. Въ такомъ случаѣ, при уровнѣ прибыли въ 10%, общая цѣнность продуктовъ, произведенныхъ машиной въ теченіе года, составляла бы 2000 ф. 2 ш. 11 п., потому что прибыль на 20,000 ф. въ годъ составила бы 2000 ф., а 2 ш. 11 п. представляютъ, при начисленіи десятипроцентной прибыли, погашеніе капитала въ 20,000 ф. въ 100 лѣтъ. Если бы та же самая сумма денегъ употреблена была на оплату производительнаго труда и ежегодно была потребляема и воспроизводима, то при 10% прибыли продукты, произведенные при этихъ условіяхъ въ теченіе года, продавались бы за 22,000 ф. Теперь предположимъ, что заработная плата повысилась бы настолько, что вмѣсто 20,000 ф. нужно было бы платить за то же количество труда 20,952 ф. и прибыль соотвѣтственно понизилась бы до 5%. Въ такомъ случаѣ продукты, произведенные машиной, упали бы въ цѣнѣ до 1007 ф. 13 ш. 8 п. Если бы прибыль понизилась до 4%, то машинные продукты продавались бы за 816 ф. 3 ш. 2 п., а если бы до 3%, то за 632 ф. 16 ш. 7 п. Такимъ образомъ вслѣдствіе повышенія цѣны труда на 7%,—повышенія не имѣющаго никакого вліянія на продукты, произведенные исключительно трудомъ,—продукты, произведенные исключительно машиной, должны упасть на 68%. Рикардо высчитываетъ, что при пониженіи прибыли съ 10% до 3%, продукты, произведенные при помощи машинъ должны понизиться въ цѣнѣ:

на 68% если машина существуетъ . . . . . 100 л.
» 28% » » » . . . . . 10 »
» 13% » » » . . . . . 3 г.
нѣсколько болѣе 6% если машина существуетъ . . . . . 1 » [1]).

Объясняя это явленіе, Рикардо приводитъ такое соображеніе. Если бы собственникъ машины при паденіи прибыли до 3% продавалъ свои продукты дороже 632 ф. 16 ш. 7 п., онъ получалъ бы на свой капиталъ болѣе 3%, и, такъ какъ другіе могли бы производить подобныя же машины съ затратой 20,000 ф., то число машинъ настолько увеличилось бы, что упомянутый капиталистъ неизбѣжно вынужденъ былъ бы понизить цѣну на свой товаръ до такого предѣла, при которомъ онъ получалъ бы только обычную прибыль [2]). Наоборотъ: если бы цѣна продукта, произведеннаго трудомъ, не повысилась согласно приведенной выше скалѣ, то капиталистъ не получилъ бы обычной прибыли на свой капиталъ и въ концѣ-концовъ перевелъ бы послѣдній въ другую болѣе выгодную отрасль производства. Тогда сократилось бы предложеніе даннаго продукта, и цѣна его повысилась бы до того уровня, при которомъ доходы, оплачиваемые ею, достигли бы обычной нормы.

Мы не будемъ останавливаться на третьемъ случаѣ, когда рѣчь идетъ о различіи во времени оборота капитала. При отсутствіи равенства въ отношеніи этого условія, на цѣну и мѣновую цѣнность продуктовъ должна оказывать вліяніе прибыль: продукты, произведенные при помощи одинаковаго количества труда, будутъ имѣть различную цѣнность, и паденіе или повышеніе прибыли также отразится на нихъ различно [3]).

Резюмируя теорію Рикардо нужно сказать, что трудъ, затраченный на производство продукта, служитъ точнымъ показателемъ его мѣновой цѣнности при слѣдующихъ условіяхъ: 1) когда продукты, обмѣниваемые другъ на друга, произведены при участіи капиталовъ одинаковаго состава, и постоянныхъ капиталовъ (въ указанномъ выше смыслѣ) одинаковой прочности, 2) когда время оборота капиталовъ одинаково и, наконецъ, 3) когда въ отрасляхъ производства,

---

[1]) 1-е изд., стр. 36 и сл.
[2]) Тамъ же, стр. 36 и 40.
[3]) Principles, 3 изд., стр. 24.

продукты которыхъ обмѣниваются другъ на друга, существуетъ общій имъ всѣмъ уровень заработной платы и прибыли. Кромѣ того послѣднее условіе предполагаетъ еще, что отношеніе между различными видами труда по его качеству остается безъ измѣненія. Этотъ пунктъ требуетъ нѣкоторыхъ замѣчаній.

Вопросъ о сведеніи квалифицированнаго труда на простой представляется весьма спорнымъ и сложнымъ, если имѣть при этомъ въ виду трудъ, какъ затрату энергіи; но онъ является очень простымъ, когда рѣчь идетъ о вознагражденіи за трудъ. Можно спорить о томъ, правильно ли утверждать, что энергія, затрачиваемая обученнымъ работникомъ на высшихъ стадіяхъ труда, можетъ быть выражена въ единицахъ энергіи, затрачиваемой простымъ рабочимъ; но внѣ всякаго сомнѣнія то, что вознагражденіе труда самаго высокаго по качеству можетъ быть представлено въ единицахъ вознагражденія самаго простого труда. Именно это и имѣлъ въ виду Смитъ, когда онъ говорилъ, что на рынкѣ при помощи торга устанавливается извѣстное отношеніе между различными видами труда. Онъ предполагалъ, что разъ установившееся отношеніе затѣмъ не измѣняется, по крайней мѣрѣ въ значительной степени; и то же самое предположеніе, какъ мы уже говорили, дѣлаетъ и Рикардо. Этихъ писателей интересовалъ вопросъ о вознагражденіи труда, которое они считали факторомъ, вліяющимъ на мѣновую цѣнность. Этимъ и объясняется то, что они не придавали большого значенія различію качествъ труда—вопросу, пріобрѣтающему принципіальную важность, когда дѣло идетъ объ измѣреніи затраченной энергіи.

Изъ ученія, развитаго выше, слѣдуетъ, что у Рикардо цѣнность предмета означаетъ его покупательную способность относительно другихъ предметовъ и что эта способность зависитъ отъ цѣны предмета, а цѣна его опредѣляется уровнемъ доходовъ, которые должны быть оплачены ею. Исходя отъ этого общаго положенія, Рикардо, въ отличіе отъ Смита, полагалъ, что *не всякое* повышеніе заработной платы должно вести къ повышенію цѣны и цѣнности. Онъ самъ сводитъ къ этому значеніе своей теоріи. Подробнѣе разъясняя свою точку зрѣнія въ первыхъ двухъ изданіяхъ «Началъ Политической Экономіи», онъ говоритъ, что дѣлаетъ это потому, что результаты его изслѣдованія очень важны въ научномъ отношеніи, но весьма мало согласуются съ нѣкоторыми изъ ученій, принятыхъ наукой, и

утверждающихъ, что «*всякое* повышеніе заработной платы непремѣнно переносится на цѣну продуктовъ» [1]).

Мы разсматривали до сихъ поръ теорію цѣнности Рикардо въ томъ видѣ, какой она получила въ теоретической части его основнаго трактата. Если мы обратимся къ тѣмъ главамъ послѣдняго, которыя касаются практическихъ вопросовъ, и затѣмъ къ другимъ сочиненіямъ Рикардо, то безъ труда убѣдимся, что онъ неизмѣнно исходитъ отъ тѣхъ воззрѣній на цѣнность, которыя были изложены выше. Разсмотримъ, напр., соображенія, высказанныя Рикардо по вопросу о вліяніи повышенія заработной платы на цѣну хлѣба.

Обсуждая этотъ вопросъ, Рикардо выступаетъ противъ мнѣнія тѣхъ, которые полагали, что повышеніе платы за трудъ служитъ доводомъ въ пользу охранительныхъ пошлинъ на иностранный хлѣбъ. Аргументъ протекціонистовъ былъ основанъ на теоретическомъ положеніи, что высокая заработная плата имѣетъ тенденцію повышать цѣну продуктовъ, на которые затрачивается трудъ. Если фермеръ, разсуждали они, и могъ раньше соперничать съ иностраннымъ производителемъ хлѣба, то онъ не въ состояніи будетъ выдержать этой конкуренціи послѣ того, какъ цѣна труда повысится подъ вліяніемъ новыхъ налоговъ, падающихъ на рабочаго: для того, чтобы оплатить повышенный расходъ на вознагражденіе труда фермеръ долженъ будетъ повысить цѣну хлѣба, а при этомъ условіи его продуктъ будетъ вытѣсненъ иностраннымъ хлѣбомъ. Какими же аргументами Рикардо опровергаетъ это положеніе?

Если бы Рикардо держался того мнѣнія, что исключительно трудъ, какъ затрата энергіи, опредѣляетъ цѣнность и что вознагражденіе труда опредѣляется пропорціей, въ которой данная величина цѣнности распадается на долю капиталиста и рабочаго, то онъ могъ бы представить протекціонистамъ только такое возраженіе: цѣна и мѣновая цѣнность хлѣба не повысятся подъ вліяніемъ повышенія заработной платы, потому что на производство хлѣба будетъ требоваться прежнее количество труда; вашъ аргументъ основанъ на неправильной идеѣ, будто заработная плата вліяетъ на цѣнность, между тѣмъ какъ послѣдняя опредѣляется исключительно количествомъ труда, затраченнаго на производство; слѣдов., вся ваша аргумента-

[1]) Principles, 1 изд. стр. 38.

ція, построенная на этомъ предположеніи, падаетъ. Между тѣмъ Рикардо отвѣчаетъ совершенно иначе. Онъ не отрицаетъ возможности вліянія заработной платы на цѣнность, но утверждаетъ только, что въ данномъ случаѣ повышеніе платы за трудъ не окажетъ такого дѣйствія, потому что его вліянію подвергнутся всѣ отрасли производства; если и повысятся цѣны, то на всѣ предметы, изъ чего слѣдуетъ, что относительная цѣнность всѣхъ предметовъ останется безъ измѣненій. «Этотъ аргументъ (протекціонистовъ), говоритъ онъ, ложенъ: фермеръ не будетъ поставленъ въ сравнительно невыгодное положеніе вслѣдствіе повышенія заработной платы. Если бы, подъ вліяніемъ налоговъ, уплачиваемыхъ рабочимъ классомъ, заработная плата повысилась, что по всей вѣроятности и случится, то это одинаково коснулось бы всѣхъ классовъ производителей. Если бы было признано необходимымъ, чтобы хлѣбъ повысился для вознагражденія его производителей, то необходимо также, чтобы повысились сукно, шляпы, башмаки и всѣ другіе предметы для того, чтобы и ихъ производители были вознаграждены. Въ такомъ случаѣ, или хлѣбъ не долженъ повыситься, или всѣ другіе предметы должны повыситься вмѣстѣ съ нимъ. Если не повысятся ни хлѣбъ, ни какіе-либо другіе предметы, то конечно ихъ относительная цѣнность останется такой же, какой была раньше; и если всѣ они повысятся, будетъ справедливо то же самое» [1]).

Изъ приведеннаго разсужденія Рикардо слѣдуетъ, что повышеніе заработной платы оказало бы вліяніе на мѣновую цѣнность хлѣба, если бы этому повышенію подверглось только одно сельское хозяйство. Слѣдов., повышеніе заработной платы не оказываетъ вліянія на цѣнность только тогда, когда дѣйствіе ея на цѣны парализуется всеобщностью самого явленія; при отсутствіи же этого условія вознагражденіе труда, являясь однимъ изъ составныхъ элементовъ цѣны, обнаруживаетъ свое дѣйствіе на цѣнность.

Другимъ подтвержденіемъ высказаннаго выше взгляда на теорію Рикардо служитъ его ученіе о вліяніи налоговъ на мѣновую цѣнность. Рикардо держится здѣсь того же принципа, которымъ онъ руководится при обсужденіи вопроса о вліяніи заработной платы на

---

[1]) On Protection to agriculture. Works, 1852, стр. 461. См. также 462--3 и 476.

мѣновую цѣнность: налогъ, одинаково распространяющійся на всѣ производства, не измѣняетъ относительной цѣнности предметовъ; такой же налогъ, который падаетъ исключительно на производителей одного какого-нибудь предмета, повышаетъ цѣну послѣдняго и вмѣстѣ съ тѣмъ его мѣновую цѣнность. Въ послѣднемъ случаѣ производитель имѣетъ возможность повысить цѣну своего продукта, не встрѣчаясь съ подобнымъ же повышеніемъ цѣнъ другихъ продуктовъ, и при такихъ условіяхъ Рикардо говоритъ о повышеніи мѣновой цѣнности товара, обложеннаго налогомъ; если же налогъ касается всѣхъ производителей, то всѣ они повысятъ цѣны своихъ продуктовъ, и поэтому мѣновыя цѣнности послѣднихъ останутся безъ измѣненій. На этомъ принципѣ построено ученіе Рикардо о налогахъ, излагать которое въ подробностяхъ здѣсь нѣтъ необходимости [1]). Изъ сказаннаго достаточно ясно, что въ основѣ этого ученія лежитъ то же понятіе относительной или мѣновой цѣнности, которое Рикардо имѣетъ въ виду, когда говоритъ о трудѣ, какъ регуляторѣ покупательной силы предметовъ. Съ его точки зрѣнія всѣ элементы стоимости производства могутъ оказывать вліяніе на относительную цѣнность предметовъ, но при установленныхъ имъ условіяхъ всѣ элементы, за исключеніемъ налоговъ, измѣняются параллельно одному изъ нихъ—труду; и такъ какъ упомянутыя условія покрываютъ собою значительную часть случаевъ въ реальной жизни, то отсюда вытекаетъ, что трудъ служитъ главнымъ регуляторомъ мѣновой цѣнности — главнымъ, но не единственнымъ.

Въ подтвержденіе того, что Рикардо не считалъ труда единственнымъ регуляторомъ цѣнности, можно привести его собственныя заявленія, высказанныя въ перепискѣ съ разными лицами. Такъ, напр,, въ одномъ письмѣ къ Мальтусу, онъ ставитъ вопросъ: какимъ постояннымъ причинамъ могутъ быть приписаны измѣненія, происходящія въ относительной цѣнности предметовъ? и отвѣчаетъ: «двумъ и только двумъ, одной незначительной по своему вліянію—это повышенію и пониженію заработной платы, или, что я считаю равнозначущимъ, пониженію и повышенію прибылей, другой — громадной важности — большему или меньшему количеству труда, потребнаго для изготовленія продуктовъ. Отъ первой не можетъ послѣдовать

[1]) См. Principles, главы отъ VIII до XVII.

большихъ результатовъ, потому что прибыль сама составляетъ лишь незначительную часть цѣны и на ея счетъ не можетъ быть сдѣлано ни большой прибавки, ни большого вычета. Для другой причины нельзя намѣтить ограниченнаго предѣла, потому что количество труда, потребнаго для приготовленія продуктовъ, можетъ измѣняться въ два или три раза» [1]).

Особенно ясно высказывается Рикардо по этому предмету въ нѣкоторыхъ письмахъ къ Макъ-Кѣллоку. Онъ приходитъ къ заключенію, что «существуетъ двѣ причины, вызывающія измѣненія въ относительной цѣнности продуктовъ: первая — относительное количество труда, требуемое для ихъ производства, вторая—относительные періоды времени, которые должны истечь прежде, чѣмъ результатъ такого труда будетъ доставленъ на рынокъ». Всѣ вопросы, касающіеся постояннаго капитала, по мнѣнію Рикардо, подходятъ подъ второе правило [2]). Разъясняя въ другомъ письмѣ свой взглядъ по этому предмету, Рикардо замѣчаетъ, что «строго говоря относительныя количества труда, израсходованнаго на продукты, регулируютъ ихъ относительную цѣнность въ томъ случаѣ, если ничего, кромѣ труда, не истрачено на нихъ и притомъ въ равные періоды времени» [3]). Если же эти періоды неравны, то Рикардо полагаетъ, что количество труда, истраченнаго на производство предметовъ, является только главнымъ, но не единственнымъ ингредіентомъ, регулирующимъ ихъ относительную цѣнность. При этомъ нужно замѣтить, что онъ прямо говоритъ не о трудѣ, а о вознагражденіи труда, утверждая, что кромѣ послѣдняго «цѣна продукта должна также вознаградить за продолжительность времени, которое должно истечь, прежде чѣмъ продуктъ будетъ доставленъ на рынокъ» [4]). Еще яснѣе формули-

---

[1]) Letters of D. Ricardo to T. R. Malthus, стр. 176. См. также Principles, 3 ed. стр. 23—24.

[2]) Letters of D. Ricardo to J. R. Mc. Culloch. 1895, стр. 64.

[3]) Тамъ же, стр. 71 и сл.

[4]) „Всѣ исключенія изъ главнаго правила подходятъ подъ это условіе времени, говоритъ Рикардо, и такъ какъ существуетъ много случаевъ, когда время, потребное для изготовленія продукта, можетъ быть различно, то трудно указать какой-либо продуктъ, который могъ бы быть выбранъ въ качествѣ общаго мѣрила цѣнности, даже если бы удалось превзойти трудность, заключающуюся въ томъ, что нѣтъ такого продукта, производство котораго требовало бы одинаковаго количества труда. Два крайнихъ случая были бы такіе: одинъ, когда предметъ производится быстро и только

руетъ Рикардо свою мысль, говоря: «Я думаю иногда, что если бы мнѣ пришлось снова написать главу о цѣнности, помѣщенную въ моемъ сочиненіи, я призналъ бы, что относительная цѣнность продуктовъ регулируется двумя причинами, а не одной; именно, относительнымъ количествомъ труда, необходимаго для производства продуктовъ, о которыхъ идетъ рѣчь, и уровнемъ прибыли, получаемой за то время, въ теченіе котораго капиталъ оставался бы въ дѣлѣ и которое прошло бы пока продукты не были бы доставлены на рынокъ» [1]). На томъ же основаніи Рикардо полагаетъ, что Макъ-Кёллокъ идетъ дальше его въ проведеніи трудового принципа, пытаясь подвести подъ него и элементъ времени [2]).

Допуская всѣ указанныя оговорки, Рикардо тѣмъ не менѣе остался при своей теоріи; но это не было доктринерскимъ упорствомъ, не отступающимъ передъ прямыми указаніями жизни. Трудовое начало, какъ основаніе относительной цѣнности, не противорѣчитъ принципу рикардовской теоріи, но является слѣдствіемъ осуществленія этого принципа при извѣстныхъ условіяхъ; и это начало господствуетъ потому, что предположенныя условія являются господствующими въ дѣйствительной жизни [3]). Такъ полагалъ Рикардо; и на этомъ основаніи онъ заявилъ, что будетъ разсматривать въ своемъ сочиненіи, всѣ крупныя измѣненія въ относительной цѣнности продуктовъ какъ результатъ измѣненій въ количествѣ труда, затра-

---

трудомъ безъ участія капитала; другой, когда онъ составляетъ результатъ затраты большого количества постояннаго капитала, содержитъ очень мало труда, и можетъ быть произведенъ только черезъ довольно значительный промежутокъ времени. Средніе условія между этими двумя случаями можетъ быть всего болѣе подходили бы для общаго измѣренія продуктовъ. По одну сторону этого средняго уровня продукты повышались бы при повышеніи цѣны труда и пониженіи уровня прибыли, а по другую сторону они понижались бы отъ той же причины". Тамъ же, стр. 71.

[1]) Тамъ же.

[2]) Письма XXII и XXXIX. Объ этомъ ниже.

[3]) „Больше чѣмъ когда-либо я убѣжденъ въ томъ, что великимъ регуляторомъ цѣнности служитъ количество труда, потребное для производства оцѣниваемаго предмета. Это ученіе должно быть подвергнуто многимъ видоизмѣненіямъ въ зависимости отъ того обстоятельства, что время, необходимое для доставки продукта на рынокъ различно, но это не колеблетъ самаго ученія. Я не удовлетворенъ моимъ изложеніемъ принциповъ, регулирующихъ цѣнность. Я желалъ бы, чтобы это было сдѣлано болѣе искуснымъ перомъ. Вина за всѣ эти затрудненія лежитъ не въ пригодности ученія, а въ непригодности того, кто взялся изложить его". Тамъ же, стр. 46.

ченнаго на ихъ производство [1]). Поэтому говоря объ этомъ предметѣ въ послѣдующихъ главахъ, онъ выражается такъ, какъ будто его положеніе объ измѣреніи цѣнности количествомъ труда, затраченнаго на производство, представляется вѣрнымъ при всякихъ условіяхъ [2]).

На этомъ основаніи многіе послѣдователи и комментаторы Рикардо считали себя вправѣ совершенно игнорировать условія, которыми обставлено его ученіе о цѣнности. Въ ихъ изложеніи это ученіе получило абсолютный характеръ, совершенно противорѣчащій его принципу, и явилось въ ложномъ освѣщеніи, мѣшавшемъ правильной оцѣнкѣ его истиннаго значенія. Рикардовская теорія цѣнности оказалась основанной на идеѣ, ничѣмъ не доказанной; и всякая попытка ее обосновать приводила къ неразрѣшимымъ противорѣчіямъ или явно нелѣпымъ заключеніямъ. Въ подтвержденіе сказаннаго остановимся на трехъ экономистахъ, считающихся непосредственными послѣдователями Рикардо. Это — Милль — отецъ, Макъ—Кёллокъ и Де-Квинси.

Сочиненіе Милля «Элементы Политической Экономіи» (1826) представляетъ сжатое изложеніе ученія Рикардо по основнымъ во-

---

[1]) Principles, 3 ed., 25.

[2]) Такъ, напр., выясняя различіе между цѣнностью и богатствомъ, онъ говоритъ, что „каждый предметъ повышается или понижается въ цѣнности пропорціонально количеству труда, затраченнаго на его производство. Предположимъ, что при данномъ капиталѣ трудъ извѣстнаго числа людей производитъ 1000 паръ чулокъ и что вслѣдствіе изобрѣтенія машинъ то же число людей можетъ изготовить 2000 паръ и кромѣ того еще 500 шляпъ; въ такомъ случаѣ цѣнность 1000 паръ чулокъ и 500 шляпъ будетъ не больше и не меньше цѣнности 1000 паръ чулокъ до изобрѣтенія машинъ, потому что они произведены тѣмъ же количествомъ труда“ (стр. 165). Затѣмъ далѣе: „можно сказать такимъ образомъ относительно двухъ строкъ, обладающихъ совершенно одинаковымъ количествомъ всѣхъ предметовъ необходимости и удобствъ жизни, что онѣ одинаково богаты, но цѣнность ихъ богатствъ зависѣла бы отъ сравнительной легкости или трудности ихъ производства. Ибо если бы усовершенствованная машина дала намъ возможность производить безъ добавочнаго труда, двѣ пары чулокъ вмѣсто одной, то двойное количество ихъ отдавалось бы въ обмѣнъ за одинъ ярдъ сукна. Если бы подобное же усовершенствованіе сдѣлано было въ производствѣ сукна, то чулки и сукно обмѣнивались бы въ такой же пропорціи, какъ раньше, но они оба понизились бы въ цѣнности; потому что при обмѣнѣ ихъ на шляпы, на золото или вообще на другіе продукты пришлось бы отдавать двойное количество ихъ противъ прежняго. Распространите усовершенствованіе на производство золота и всѣхъ другихъ продуктовъ, и всѣ они вновь станутъ въ прежнее отношеніе другъ къ другу. Въ странѣ будетъ производиться ежегодно двойное количество продуктовъ и поэтому ея богатство удвоится, но это богатство не возрастетъ въ цѣнности“ (стр. 167).

просамъ политической экономіи; но это изложеніе, вообще далеко не точное [1]), отличается чрезвычайной сбивчивостью, происходящей, какъ будетъ подробнѣе показано ниже, оттого, что Милль постоянно смѣшиваетъ двѣ точки зрѣнія: обоснованіе оцѣнки предметовъ на трудовомъ принципѣ и измѣреніе мѣновой цѣнности трудомъ, затраченнымъ на производство.

Точкой отправленія для Милля служитъ анализъ расходовъ производства въ современномъ хозяйствѣ, но затѣмъ онъ покидаетъ почву мѣноваго оборота и хочетъ показать, что трудъ всегда служилъ первоначальной основой цѣнности всѣхъ благъ, и въ томъ числѣ капитала. Его положеніе сводится къ тому, что оцѣнка предметовъ основывается на затратѣ труда, такъ какъ человѣкъ цѣнитъ хозяйственныя блага по той причинѣ, что онъ трудился надъ ихъ производствомъ и въ той мѣрѣ, въ какой они ему стоили усилій. Затѣмъ Милль снова переноситъ свои разсужденія въ современную обстановку и говоритъ, что товары обмѣниваются пропорціонально труду, затраченному на ихъ производство. Здѣсь ему приходится принимать въ соображеніе историческія условія современнаго періода, и его выводы оказываются въ полномъ противорѣчіи съ тѣмъ внѣ—историческимъ понятіемъ цѣнности, которое онъ установилъ раньше. Изложимъ нѣсколько подробнѣе ходъ его мысли.

---

[1]) Давая общее опредѣленіе цѣнности въ главѣ о прибыли Милль говоритъ: „Если на два продукта употреблено одинаковое количество труда и капитала, они будутъ обмѣниваться одинъ на другой; другими словами мѣновая цѣнность одного равна мѣновой цѣнности другого. Это то же самое что сказать: если два продукта изготовлены при одинаковыхъ расходахъ, они будутъ обмѣниваться между собою. По какой же другой причинѣ одна половина продукта равна по цѣнности другой половинѣ, какъ не по той, что для производства ихъ потребовались равныя количества, труда и капитала". Elements of Political Economy, стр. 59. Въ приведенномъ отрывкѣ, какъ справедливо замѣтилъ Мальтусъ, дано крайне неудачное опредѣленіе цѣнности. Можно ли въ самомъ дѣлѣ измѣрять цѣнность *количествомъ* труда и капитала? Опредѣлять такимъ способомъ цѣнность труда возможно; но совершенно невозможно опредѣлять цѣнность разнаго рода машинъ и сырыхъ матеріаловъ ихъ количествомъ. „Количество сырого матеріала, содержащагося въ кускѣ толстаго грубаго коленкора, можетъ быть въ 4 или 5 разъ больше, чѣмъ въ кускѣ очень тонкаго и легкаго батиста, произведеннаго тѣмъ же количествомъ труда; между тѣмъ цѣнность этого матеріала и степень, въ которой онъ вліяетъ на цѣнность продукта, можетъ оказаться въ дѣйствительности меньше. Словомъ, мы не можемъ измѣрять цѣнность какого нибудь продукта его объемомъ или количествомъ, и поэтому въ высшей степени неправильно говорить, что цѣнность продукта опредѣляется количествомъ капитала и труда, потребныхъ для ихъ производства". Malthus. Definitions in Political Economy, стр. 88.

Показавъ, что цѣны, опредѣляемыя на рынкѣ спросомъ и предложеніемъ, въ концѣ концовъ регулируются расходами производства, Милль анализируетъ послѣднее понятіе и приходитъ къ заключенію, что мѣновая цѣнность внѣшнимъ образомъ опредѣляется капиталомъ, а въ дѣйствительности—трудомъ и капиталомъ, потому что въ составъ расходовъ капиталиста приходится включать и денежную оплату труда. Если продолжить этотъ анализъ, то окажется, что всякій капиталъ состоитъ изъ продуктовъ; а изъ этого слѣдуетъ, что первый капиталъ былъ произведенъ только трудомъ, потому что первыя хозяйственныя блага не могли быть приготовлены при помощи какихъ либо другихъ продуктовъ, уже существовавшихъ раньше. Такимъ образомъ одинъ изъ элементовъ, составляющихъ расходы производства, можетъ быть сведенъ къ другому: капиталъ сводится къ труду; изъ чего слѣдуетъ, что мѣновая цѣнность всѣхъ предметовъ опредѣляется количествомъ труда, затраченнаго на ихъ производство. «Первый капиталъ, какъ было только — что показано, замѣчаетъ Милль, имѣетъ цѣнность пропорціональную труду, затраченному на производство. Этотъ капиталъ участвуетъ въ производственномъ процессѣ, и предполагается, что при этомъ условіи цѣнность произведеннаго предмета опредѣляется цѣнностью капитала; но послѣдняя, какъ мы только что признали, опредѣляется трудомъ. Слѣдовательно, сказать, что цѣнность продукта опредѣляется цѣнностью капитала значитъ ничего не сказать, если не остановиться на цѣнности капитала и не задаться вопросомъ, чѣмъ она опредѣляется. Сказать, что цѣнность продукта опредѣляется цѣнностью капитала, а цѣнность капитала—количествомъ труда, значитъ сказать, что цѣнность продукта опредѣляется количествомъ труда. Такимъ образомъ обнаруживается съ несомнѣнностью, что не только цѣнность перваго капитала, но съ такой же необходимостью и цѣнность продуктовъ, произведенныхъ при помощи перваго капитала, опредѣляется трудомъ. Капиталъ второй ступени долженъ состоять изъ продуктовъ, произведенныхъ капиталомъ на первой ступени; слѣдов. онъ долженъ быть оцѣниваемъ количествомъ труда. Такое же разсужденіе приложимо къ каждой послѣдующей ступени... Но если цѣнность всего капитала должна опредѣляться трудомъ, то отсюда слѣдуетъ, что при всякихъ условіяхъ трудъ опредѣляетъ цѣнность всѣхъ продуктовъ» [1]).

[1]) Elements, стр. 73—74.

Изложенныя разсужденія Милля должны какъ будто утвердить читателя въ той мысли, что цѣнность опредѣляется исключительно количествомъ труда, затраченнаго на производство. При этомъ Милль ни разу не оговорился, что трудъ служитъ только показателемъ расходовъ производства и что онъ постольку и является мѣриломъ цѣнности, поскольку онъ дѣйствительно показываетъ относительную высоту расходовъ, необходимыхъ для изготовленія продукта. Милль говоритъ все время такъ, что его сужденія могутъ быть приведены, какъ вполнѣ послѣдовательное выраженіе теоріи, основывающей цѣнность на затратѣ человѣческой энергіи. Тѣмъ не менѣе Милль, приступая въ слѣдующей главѣ къ вопросу о вліяніи колебаній заработной платы и прибыли на мѣновую цѣнность, безъ всякихъ оговорокъ и повидимому вполнѣ безсознательно, становится на совершенно иную точку зрѣнія. Излагая съ нѣкоторыми дополненіями ученіе Рикардо, онъ проводитъ принципъ расходовъ производства съ такой же прямолинейностью, съ какой раньше проводилъ принципъ труда, какъ затраты энергіи. Желая пояснить на элементарномъ примѣрѣ положеніе Рикардо, Милль даетъ чрезвычайно наглядное доказательство своей непослѣдовательности. «Предположимъ, говоритъ онъ, что существуетъ два рода труда, вознагражденіе котораго (заработная плата) повышается и понижается не въ одинаковой пропорціи; предположимъ также, что въ производствѣ всѣхъ предметовъ участвуетъ трудъ того и другого вида, но тоже не въ одинаковой пропорціи. При этихъ условіяхъ, полагаетъ Милль, всякое колебаніе заработной платы порождало бы разницу въ мѣновыхъ цѣнностяхъ предметовъ. «Если бы всѣ предметы производились частью квалифицированнымъ трудомъ и частью простымъ, но отношеніе между степенью участія того и другого труда было бы различно для различныхъ предметовъ, и если бы всякій разъ, когда повышалась бы плата за квалифицированный трудъ, плата за простой трудъ повышалась бы въ два раза больше, то очевидно, что при повышеніи заработной платы тѣ предметы, въ производствѣ которыхъ простой трудъ былъ употребленъ въ бо́льшей пропорціи, повысились бы въ цѣнности по сравненію съ тѣми, производство которыхъ потребовало простого труда въ меньшей пропорціи». Изъ этого положенія совершенно ясно, что мѣновая цѣнность продуктовъ опредѣляется количествомъ труда, затрачен-

наго на производство, лишь постольку, поскольку этимъ опредѣляются расходы производства; изъ чего слѣдуетъ, что затрата труда никакъ не можетъ быть признана регуляторомъ цѣнности, если этотъ моментъ обособленъ отъ вознагражденія труда. Поэтому совершенно неожиданнымъ является замѣчаніе, которымъ Милль заканчиваетъ приведенное выше разсужденіе: «очевидно, однако, говоритъ онъ, что хотя разница въ отношеніи, въ которомъ измѣнилась плата за трудъ обѣихъ категорій, и разница отношеній, въ которыхъ трудъ той и другой категоріи примѣнялся въ производствѣ различныхъ предметовъ и измѣнилъ бы относительныя цѣнности послѣднихъ, тѣмъ не менѣе это ни въ малѣйшей степени не нарушило бы справедливости предшествовавшаго положенія, что количество труда опредѣляетъ мѣновыя цѣнности продуктовъ» [1]).

Этотъ выводъ является въ такой же мѣрѣ неожиданнымъ, какъ и мало понятнымъ. Если придавать мѣновой цѣнности значеніе, которое придаетъ ей Милль, опредѣляя ее какъ относительную цѣнность, т.-е. какъ отношеніе между количествами двухъ обмѣнивающихся продуктовъ, то нельзя отрицать того, что въ примѣрѣ, приведенномъ у Милля, мѣновая цѣнность продуктовъ измѣнилась, несмотря на то, что количество труда, затраченнаго на ихъ производство, осталось безъ измѣненія: единственно по той причинѣ, что измѣнилось вознагражденіе труда. Въ какомъ же смыслѣ можно утверждать, что приведенный примѣръ нисколько не колеблетъ установленнаго раньше принципа?

Милль полагаетъ, что вопросъ о вліяніи различнаго состава капитала на цѣнность рѣшается совершенно такъ же, какъ и въ примѣрѣ простого и квалифицированнаго труда: стоитъ только замѣнить эти понятія непосредственнымъ и накопленнымъ трудомъ, прилагаемыми въ производствѣ разныхъ предметовъ въ различныхъ пропорціяхъ. Разсужденія Милля по этому вопросу не представляютъ ничего оригинальнаго, и поэтому мы на нихъ не останавливаемся; но для характеристики его ученія замѣтимъ, что во 2-мъ и 3-мъ изданіяхъ своей Политической Экономіи онъ прибавилъ къ главѣ о цѣнности нѣсколько страницъ, которыя, какъ онъ заявляетъ въ предисловіи, должны «установить на болѣе ясномъ основаніи точку зрѣ-

[1]) Тамъ же, стр. 76.

нія, принятую имъ относительно условій регулирующихъ цѣнность»[1]). Въ дѣйствительности эти добавленія представляютъ только новое доказательство полнѣйшей несостоятельности этой точки зрѣнія.

Обсуждая вопросъ о неизмѣнномъ мѣрилѣ цѣнности, Милль признаетъ, что такого мѣрила не существуетъ, и замѣчаетъ въ противность «раньше установленному имъ принципу», что нѣтъ предмета, «который не былъ бы подверженъ измѣненіямъ въ цѣнности, проистекающимъ изъ двухъ источниковъ: измѣненій въ количествѣ труда и капитала, требуемыхъ для производства, и также измѣненій въ заработной платѣ и прибыли»[2]). При этомъ Милль ограничиваетъ свое первоначальное положеніе, признавая, что количество труда служитъ самой важной причиной измѣненій цѣнности, но не единственной. Хотя при помощи строгаго анализа, замѣчаетъ онъ, мы и можемъ обнаружить, что мѣновая цѣнность пропорціональна количеству труда, затраченнаго на производство, однако существуетъ два основанія, по которымъ мы не можемъ пользоваться трудомъ какъ мѣриломъ цѣнности. Первое изъ нихъ то, что въ производствѣ предметовъ участвуетъ трудъ двухъ категорій (непосредственный и накопленный); при чемъ пропорція, въ которой продуктъ распредѣляется между ними часто мѣняется, вызывая измѣненія въ мѣновой цѣнности предметовъ, произведенныхъ при участіи этихъ двухъ видовъ труда въ различныхъ пропорціяхъ. Второе основаніе заключается въ томъ, что мы не располагаемъ никакими практическими средствами для того, чтобы заранѣе, т.-е. до обмѣна, въ точности опредѣлять количество накопленнаго труда, поступающее въ производство[3]). Единственный доводъ, приводимый Миллемъ въ пользу своего основного положенія, заключается въ томъ, что «громадное большинство предметовъ», производится при условіяхъ приближающихся къ среднимъ, т.-е. такимъ, при которыхъ непосредственный и накопленный трудъ принимаютъ приблизительно равное участіе въ производствѣ, такъ что колебанія заработной платы и прибыли не отражаются или почти не отражаются на ихъ мѣновой цѣнности, регулирующейся только

---

[1]) Elements, 2 edit. 1824, стр. V.
[2]) Тамъ же, стр. 109 и слѣд.
[3]) Тамъ же, стр. 10.

количествомъ труда, затраченнаго на производство. Это утвержденіе, какя мы увидимъ ниже, заслуживаетъ серьезнаго вниманія, но у Милля оно остается совершенно голословнымъ.

Въ позднѣйшихъ изданіяхъ своей книги Милль посвятилъ также нѣсколько страницъ разбору возраженія, которое дѣлаетъ Мальтусъ противъ трудовой теоріи цѣнности, именно, что различіе въ быстротѣ оборота капиталовъ, вліяя на размѣры прибыли, которую долженъ оплатить продуктъ, вліяетъ и на его мѣновую цѣнность [1]); но Милль заимствуетъ свою аргументацію у Макъ-Кёллока; поэтому мы коснемся этого вопроса при разборѣ ученія этого экономиста, къ которому теперь и переходимъ.

Макъ-Кёллокъ еще рѣзче, чѣмъ Милль, выдвинулъ въ своемъ ученіи о цѣнности внѣ—историческій моментъ. Онъ также разсматриваетъ положеніе о трудѣ, какъ основаніе оцѣнки благъ внѣ мѣновыхъ отношеній современнаго періода, молчаливо утверждая, что человѣкъ цѣнитъ блага соотвѣтственно затраченной на нихъ трудовой энергіи; затѣмъ и онъ возвращается къ мѣновому хозяйству и разсматриваетъ уже относительную цѣнность, но при этомъ рѣшительно отступаетъ отъ Рикардо, придавая его ученію абсолютный характеръ. Вмѣсто того, чтобы поставить идею о трудѣ въ соотношеніе съ извѣстными гипотетическими условіями, онъ задался цѣлью доказать, что эта идея представляетъ абсолютный принципъ и осуществляется при всякихъ условіяхъ. Такое пониманіе цѣнности вовсе не отвѣчаетъ общему смыслу рикардовскаго ученія, и поэтому Макъ-Кёллокъ, чтобы придать своимъ сужденіямъ видъ обоснованныхъ положеній, долженъ былъ прибѣгать къ извращенію терминовъ и натяжкамъ [2]).

Макъ-Кёллокъ при самомъ началѣ своего изслѣдованія устанавливаетъ различіе между мѣновой и реальной цѣнностью. Подъ именемъ первой онъ обозначаетъ способность предмета покупать другіе предметы или обмѣниваться на нихъ — способность, которая можетъ проявиться только въ отношеніи между опредѣленнымъ количествомъ даннаго предмета и извѣстнымъ количествомъ

---

[1]) Definitions, стр. 40.

[2]) См. критику терминологіи М'Кёллока въ книгѣ Мальтуса Definitions, стр. 89 и сл.

другого, денегъ или труда. Реальной цѣнностью продукта онъ называетъ количество труда, затраченнаго на его производство или необходимаго для его воспроизводства. Реальная цѣнность служитъ, по его ученію, основаніемъ оцѣнки продуктовъ, или значенія, которое придается продукту его обладателемъ [1]), и опредѣляясь только трудомъ, измѣняется вмѣстѣ съ измѣненіями въ количествѣ труда, затрачиваемаго на производство [2]).

Опредѣливъ понятіе реальной цѣнности, онъ утверждаетъ, что при обычныхъ условіяхъ рынка, т. е. при отсутствіи естественныхъ и юридическихъ монополій, мѣновая цѣнность опредѣляется реальной [3]). Макъ-Кёллокъ, какъ и Милль, взялъ у Рикардо готовый выводъ его ученія о цѣнности и, отдѣливъ его отъ гипотетическихъ условій, съ которыми онъ связанъ и которыя придаютъ ему характеръ историческаго закона, пришелъ къ понятію цѣнности, какъ «сгустка труда». Его реальная цѣнность — овеществленная рабочая энергія, составляющая субстанцію цѣнности. Трудъ появляется уже не въ качествѣ «великаго регулятора относительной или мѣновой цѣнности», а въ качествѣ единственнаго источника цѣнности, механически регулирующаго ея величину при всякихъ условіяхъ. Изъ области исторической относительности мы переходимъ въ область абсолютнаго, находящагося внѣ реальной обстановки разнообразной и постоянно измѣняющейся дѣйствительности. Съ такой точки зрѣнія Макъ-Кёллокъ пытается обосновать трудовую теорію.

Разсматривая вопросъ о вліяніи заработной платы на цѣнность, онъ разрѣшаетъ его въ томъ смыслѣ, что вознагражденіе рабочаго представляетъ часть созданной его трудомъ цѣнности и поэтому не можетъ оказывать вліяніе на послѣднюю. «Очень часто предполагаютъ, говоритъ онъ, что прибыль зависитъ отъ обмѣна, но это ошибка. Сапожникъ напр., продающій за 50 ш. сапоги, на которые онъ израсходовалъ только 40 ш., выручаетъ свои 10 ш. прибыли не на счетъ своего заказчика. Онъ производитъ въ данный промежутокъ времени извѣстное количество сапогъ, эквивалентное или стоющее въ серебрѣ 50 ш., между тѣмъ разные расходы,

---

[1]) „Estimation, in which it is held by its possessor.“ Principles, 1828, стр. 219.

[2]) Principles, стр. 215 и 225.

[3]) Principles, 221. См. также Supplemental Notes and Dissertations (Smith's Inquiry), 1828, стр. 89.

которые онъ принужденъ дѣлать для изготовленія сапогъ, составляютъ только 40 ш. То же самое происходитъ и у его заказчиковъ: всѣ они выручатъ такой же уровень прибыли въ своихъ занятіяхъ; т. е. будутъ производить количество равное 50 при расходахъ въ 40. Слѣдов. обмѣнивая серебро на сапоги, ни одна изъ сторонъ ничего не выигрываетъ на счетъ другой. Прибыль во всѣхъ случаяхъ является результатомъ того, что въ опредѣленный періодъ времени производится больше чѣмъ потребляется въ тотъ же періодъ»[1]). Что Макъ-Кёллокъ имѣетъ въ виду затрату трудовой энергіи, видно изъ слѣдующаго его разсужденія въ комментаріяхъ къ Смиту. «Когда капиталистъ обмѣниваетъ капиталъ или продуктъ на трудъ, онъ въ дѣйствительности обмѣниваетъ продуктъ труда, уже выполненнаго, на трудъ, который *долженъ быть* выполненъ. Въ зависимости отъ состоянія рынка рабочій получаетъ большее или меньшее вознагражденіе. Въ одномъ случаѣ рабочіе могутъ быть такъ многочисленны сравнительно съ капиталомъ, который ихъ содержитъ, что рабочій согласится отдать трудъ будущаго дня за существующій продуктъ одного часа уже выполненнаго труда; тогда какъ въ другое время число рабочихъ, по сравненію съ капиталомъ, можетъ такъ сократиться, что рабочему удастся получить продуктъ 10 часовъ выполненнаго труда за 12 часовъ будущаго труда»[2]). Эти колебанія доли рабочаго, заключаетъ Макъ-Кёллокъ, нисколько не измѣняютъ «реальной и, при обычномъ состояніи рынка, мѣновой цѣнности продуктовъ, на которые затрачены *равныя количества* труда».

Затѣмъ Макъ-Кёллоку предстояло устранить возраженія противъ трудоваго принципа, вытекающія изъ рикардовскихъ ограниченій; и онъ вполнѣ правильно принимаетъ за точку отправленія для своихъ сужденій анализъ расходовъ производства, но находитъ рѣшеніе вопроса не въ изслѣдованіи данныхъ, опредѣляющихъ эти расходы и приводящихъ при извѣстныхъ условіяхъ къ трудовому началу, а въ понятіи цѣнности какъ абсолютной величины, опредѣляемой количествомъ затраченной энергіи.

Макъ-Кёллокъ предполагаетъ сначала, что расходы производства, регулирующіе цѣны, слагаются изъ средней заработной платы

---

[1]) Principles, стр. 366–7.

[2]) Suppl. Notes, стр. 97.

и прибыли. «Уже было показано, говоритъ онъ, что капиталы, вложенные въ разныя занятія, приносятъ, въ данный періодъ времени, одинаковый для всѣхъ средній уровень чистой прибыли; но совершенно очевидно, что если бы какой нибудь продуктъ былъ доставленъ на рынокъ и обмѣнивался на большее количество другихъ продуктовъ или денегъ, чѣмъ сколько необходимо, чтобы покрыть расходы его производства, включая сюда средній уровень чистой прибыли, существующій въ данное время, то производители этого предмета были бы поставлены въ относительно болѣе выгодное положеніе, по сравненію съ другими; и вслѣдствіе этого начался бы притокъ капитала въ эту спеціальную область до тѣхъ поръ, пока соперничество не понизило бы цѣнности, или цѣны продукта, до такого уровня, при которомъ какъ разъ получалась бы обычная норма прибыли на капиталъ, вложенный въ дѣло» [1]). Если бы цѣна какого-либо продукта не оплачивала расходовъ производства, или, вложенный въ дѣло капиталъ приносилъ бы прибыль ниже средняго уровня, то капиталъ сталъ бы отливать изъ этой отрасли производства, и конкуренція установила бы цѣну на такомъ уровнѣ, при которомъ всѣ участники производства получали бы доходы обычной нормы. Изъ этого разсужденія Макъ-Кёллока ясно, что по его мнѣнію расходы производства, регулирующіе мѣновую цѣнность или цѣну, за устраненіемъ ренты, опредѣляются среднимъ уровнемъ заработной платы и прибыли. Изъ этихъ элементовъ, замѣчаетъ онъ, слагается то, что Смитъ и Гарнье называютъ *естественной* или *необходимой* цѣной, къ которой тяготѣютъ рыночныя цѣны, зависящія отъ спроса и предложенія [2]).

Для того, чтобы установить связь между мѣновой и реальной цѣнностью, нужно опредѣлить связь между расходами производства, въ указанномъ выше смыслѣ, и количествомъ труда, затраченнаго на производство продукта. Рикардо устанавливаетъ эту связь въ томъ смыслѣ, что при извѣстныхъ условіяхъ количество труда затраченнаго на производство, регулируетъ относительную или мѣновую цѣнность, а Макъ-Кёллокъ заявляетъ, что стоимость производства предметовъ, или такъ называемая ихъ естественная цѣна, «тож-

[1]) Тамъ же, стр. 249.
[2]) Тамъ же, стр. 250.

дественна съ количествомъ труда, потребнаго для того, чтобы произвести ихъ и доставить на рынокъ» [1]).

Первый аргументъ представленный въ подтвержденіе приведеннаго положенія, заключается въ слѣдующемъ. Различный составъ капиталовъ ведетъ къ тому, что при повышеніи заработной платы всѣ продукты, произведенные при помощи капиталовъ *менѣе* прочныхъ, чѣмъ тѣ, при содѣйствіи которыхъ производится предметъ, принятый за мѣрило, повысятся въ мѣновой цѣнности, а всѣ тѣ, которые произведены при помощи *болѣе* прочныхъ капиталовъ, понизятся [2]). Колебанія мѣновой цѣнности въ зависимости отъ колебаній заработной платы и прибыли, очевидно, будутъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ значительнѣе отступленія въ составѣ капитала отъ средняго. Для тѣхъ же предметовъ, которые производятся при помощи капиталовъ, распадающихся поровну на постоянный и оборотный, эти колебанія равны нулю. Макъ-Кёллокъ утверждаетъ, что очень значительный классъ предметовъ производится именно при такихъ условіяхъ, такъ что вліяніе, оказываемое на ихъ мѣновую цѣнность колебаніями заработной платы, уравновѣшивается противоположными колебаніями прибыли [3]). То же соображеніе, какъ мы видѣли, высказываетъ и Милль; и подобно послѣднему Макъ-Кёллокъ не приводитъ никакихъ доказательствъ въ пользу высказаннаго положенія. Вмѣсто изслѣдованія вопроса, въ какой мѣрѣ его гипотеза соотвѣтствуетъ дѣйствительности, онъ становится на точку зрѣнія абсолютной цѣнности, т. е. оцѣнки внѣ современнаго хозяйства и считаетъ свою задачу выполненной, заявивъ что колебанія вверхъ и внизъ отъ уровня трудовой цѣнности взаимно покрываются. «Нужно замѣтить, говоритъ Макъ-Кёллокъ, что хотя колебанія въ уровнѣ заработной платы производятъ извѣстное измѣненіе въ уровнѣ мѣновой цѣнности нѣкоторыхъ предметовъ, эти колебанія ничего не прибавляютъ и не отнимаютъ отъ *совокупной цѣнности* всей массы продуктовъ. Если они увеличиваютъ цѣнность предметовъ, произведенныхъ при помощи менѣе прочныхъ капиталовъ, то они въ равной мѣрѣ

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Тамъ же, стр. 309.

[3]) Тамъ же, стр. 312. См. по этому поводу замѣчанія Мальтуса Definitions, стр. 99.

понижаютъ цѣнность предметовъ, произведенныхъ при помощи болѣе прочныхъ капиталовъ. Такимъ образомъ, ихъ совокупная цѣнность остается безъ измѣненій; и хотя можетъ быть не вполнѣ вѣрно относительно конкретнаго продукта, что его мѣновая цѣнность въ точности такова, какъ его *реальная* цѣнность, или какъ количество труда, потребнаго для того, чтобы произвести его и доставить на рынокъ, тѣмъ не менѣе вполнѣ справедливо утверждать это относительно массы продуктовъ, взятыхъ въ совокупности» [1]).

Наконецъ, Макъ-Кёллокъ стремится показать, что время оборота капитала не оказываетъ вліянія на цѣнность и что увеличеніе цѣнности продуктовъ вслѣдствіе наростанія прибыли на капиталъ, находящійся въ оборотѣ дольше, чѣмъ другіе капиталы, въ дѣйствительности происходитъ вслѣдствіе большей затраты труда на такіе продукты. Онъ возражаетъ Рикардо, который ограничилъ дѣйствіе своего закона въ этомъ случаѣ, и поясняетъ свою мысль такимъ примѣромъ. Предположимъ, что боченокъ молодого вина, стоющій 50 ф., положенъ въ погребъ и что по истеченіи двѣнадцати мѣсяцевъ онъ стоитъ 55 ф. Спрашивается, слѣдуетъ ли разсматривать 5 ф., прибавившихся къ цѣнности вина какъ вознагражденіе за время, въ теченіе котораго находился въ дѣлѣ капиталъ въ 50 ф., или же ихъ нужно разсматривать какъ цѣнность добавочнаго труда, въ самомъ дѣлѣ израсходованнаго на вино? Макъ-Кёллокъ вполнѣ раздѣляетъ послѣдній взглядъ. «Если, говоритъ онъ, мы будемъ выдерживать какой-нибудь продуктъ, напр. боченокъ вина, еще не достигшій зрѣлости и въ которомъ поэтому *должно быть произведено извѣстное измѣненіе или дѣйствіе*, то этотъ продуктъ получитъ добавочную цѣнность по истеченіи года; между тѣмъ если выдерживать 100 или 1000 лѣтъ боченокъ вина или какой-нибудь другой продуктъ, который *уже достигъ зрѣлости* и въ которомъ нельзя произвести никакого полезнаго или желательнаго измѣненія, то отъ этого его цѣнность не увеличилась бы ни на одинъ фартингъ. Это, повидимому, безспорно доказываетъ, что добавочная цѣнность, пріобрѣтенная виномъ въ то время, когда его держали въ погребѣ, составляетъ вознагражденіе или

---

[1]) Principles, стр. 312 и 313.

доходъ за дѣйствіе или измѣненіе, произведенное въ винѣ» [1]). Далѣе Макъ-Кѣллокъ развиваетъ свою мысль, сопоставляя примѣръ вина съ работой сапожника. Предположимъ, что кто-нибудь обладаетъ двумя капиталами, изъ которыхъ одинъ состоитъ изъ молодаго вина, стоющаго 1000 ф., а другой изъ кожи, стоющей 900 ф., и 100 ф. денегъ. Вино ставится въ подвалъ, а 100 ф. уплачиваются сапожнику, нанятому для того, чтобы переработать кожу въ обувь. Въ концѣ года капиталистъ будетъ имѣть двѣ эквивалентныя цѣнности: вино, стоющее 1100 ф., и обувь, стоющую тоже 1100 ф. «Если добавочная цѣнность, сообщенная этимъ капиталамъ, представляетъ слѣдствіе *измѣненія или дѣйствія*, произведеннаго въ нихъ (а что это такъ, явствуетъ изъ того факта, что если бы или кожа, или вино по истеченіи года оказались въ такомъ же состояніи, въ какомъ они были въ началѣ его, они не пріобрѣли бы никакой добавочной цѣнности), то не имѣемъ ли мы права утверждать, что эта добавочная цѣнность была сообщена предметамъ вліяніемъ агентовъ, для приведенія въ дѣйствіе которыхъ и для доставленія которымъ матеріаловъ, являющихся объектомъ ихъ дѣйствія, потребовались одинаковые капиталы, и что поэтому какъ обувь, такъ и вино составляютъ результатъ одинаковыхъ количествъ труда?» [2]).

По поводу этой теоріи очень мѣткія замѣчанія были высказаны Мальтусомъ, указавшимъ, что Макъ-Кѣллокъ въ вышеприведенномъ разсужденіи придаетъ труду такое значеніе, котораго никто раньше не придавалъ этому термину. Смитъ и всѣ другіе экономисты понимали подъ трудомъ извѣстное усиліе человѣка, между тѣмъ Макъ-Кѣллокъ распространяетъ это понятіе на дѣйствія природы. «Нѣтъ ничего такого, замѣчаетъ Мальтусъ, чего нельзя было бы доказать при помощи новаго опредѣленія: напр. легко доказать, что изъ муки, молока, сала и камней можно сдѣлать пломъ-пуддингъ, если подъ каменьями разумѣть изюмъ (plum). На основаніи такого принципа Макъ-Кѣллокъ стремится доказать, что продукты дѣйствительно обмѣниваются другъ на друга соотвѣтственно труду, затраченному на нихъ; и нужно признать, что въ примѣрахъ, которые онъ из-

---

[1]) Тамъ же, стр. 314.
[2]) Тамъ же, стр. 314—5.

бралъ, онъ не отступаетъ передъ очевидными трудностями. Онъ взялъ быка за рога; но примѣры, о которыхъ онъ говоритъ, приблизительно также убѣдительны, какъ примѣръ пломъ-пуддинга» [1]). Но тому же поводу одинъ изъ рецензентовъ книги Макъ-Келлока дѣлаетъ изъ его разсужденій, приведенныхъ выше, тотъ выводъ, что теорія Рикардо вѣрна только въ томъ случаѣ, если придавать термину трудъ совершенно иное значеніе, чѣмъ какое придается ему обыкновенно. «Распространите однимъ взмахомъ значеніе термина «трудъ» до такихъ предѣловъ, чтобы онъ охватывалъ, кромѣ человѣческаго усилія, работу скота, дѣйствіе машинъ и процессы природы, и тогда станетъ безусловной истиной, что количество труда регулируетъ цѣнность; но ограничьте значеніе термина «трудъ» смысломъ, въ которомъ онъ неизмѣнно употребляется въ дѣйствительной жизни; признайте, что процессъ броженія, которому подвергается жидкость въ боченкѣ или растительный процессъ, который приводитъ дерево въ состояніе зрѣлости, отличны отъ человѣческаго труда, и теорія цѣнности Рикардо теряетъ почву» [2]).

Не останавливаясь на этихъ возраженіяхъ, замѣтимъ, что самъ Макъ-Келлокъ не выдерживаетъ въ своемъ ученіи о цѣнности опредѣленной точки зрѣнія: то онъ становится, какъ въ вышеприведенныхъ отрывкахъ на почву понятія цѣнности, какъ трудовой субстанціи, то онъ изслѣдуетъ значеніе труда, какъ регулятора мѣновой цѣнности. Послѣднюю точку зрѣнія вполнѣ въ духѣ Рикардо онъ проводилъ напр. въ рецензіи о «Началахъ Политической Экономіи» Мальтуса: защищая противъ послѣдняго рикардовскую теорію, онъ формулируетъ ее какъ законъ относительной цѣнности, регулируемой трудомъ при извѣстныхъ условіяхъ, предположенныхъ изслѣдователемъ [3]). Въ другихъ же сочиненіяхъ Макъ-Келлока эта точка зрѣнія отступаетъ передъ понятіемъ абсолютной цѣнности.

---

[1]) Definitions, стр. 110.

[2]) Вырѣзка изъ неизвѣстной газеты или журнала, приложенная къ экземпляру сочиненія М.-Келлока, имѣющемуся въ Британскомъ музеѣ. Экземпляръ этотъ, какъ видно изъ надписи, принадлежалъ первоначально Ф. Плэсу.

[3]) Remarks on Malthus's Principles of Political Economy, нап. въ The Scots Magazine. May. 1820.

Тенденція, выразившаяся въ трудахъ Милля и Макъ-Кёллока, получила еще болѣе рѣзкое выраженіе у де-Квинси, извѣстнаго въ качествѣ автора сочиненія «Логика Политической Экономіи» [1]), но почти совершенно неизвѣстнаго въ качествѣ автора весьма любопытныхъ статей, появившихся болѣе чѣмъ за 20 лѣтъ до его большого сочиненія въ журналѣ The London Magazine [2]). Въ этомъ сочиненіи, вышедшемъ безъ имени автора, излагаются въ видѣ діалоговъ основныя положенія рикардовской теоріи цѣнности.

Де-Квинси различаетъ основаніе цѣнности и ея мѣрило, называя первое principium essendi, а второе только principium cognoscendi. На вопросъ своего собесѣдника, въ чемъ же различіе между этими понятіями, авторъ отвѣчаетъ сравненіемъ: термометръ измѣряетъ температуру воздуха, т.-е. даетъ критерій для выраженія различныхъ степеней тепла; но вы не можете даже представить себѣ, чтобы термометръ являлся въ какой-нибудь мѣрѣ основаніемъ этого тепла. «Я хочу знать, представлялъ ли одинъ рабочій день во времена англійской революціи такую же цѣнность, какъ и черезъ 100 лѣтъ во время французской революціи; и если онъ не представлялъ той же цѣнности, то бо́льшую или меньшую. Для этой цѣли я естественно долженъ сравнить рабочій день въ каждый изъ названныхъ періодовъ съ такимъ продуктомъ, который, по моему мнѣнію, обладаетъ неизмѣнной цѣнностью. Въ этомъ случаѣ я употребилъ бы хлѣбъ какъ мѣрило цѣнности труда, но я не могъ бы не отступая отъ здраваго смысла, сказать, что хлѣбъ былъ *основаніемъ* цѣнности труда; и если бы я сказалъ, что воспользовался хлѣбомъ для того, чтобы *опредѣлить* цѣнность труда, то употребилъ бы слово «опредѣлить» въ такомъ же смыслѣ, какъ если бы я сказалъ, что термометръ опредѣляетъ теплоту, т.-е. что онъ опредѣляетъ ее для моего сознанія (въ качествѣ principium cognoscendi)». Проведя указанное различіе, авторъ совершенно неправильно заявляетъ, что Рикардо употребляетъ трудъ не въ смыслѣ мѣрила, а именно какъ основаніе, или причину цѣнности. Когда Рикардо говоритъ, «что количество труда, употребленнаго на A, опредѣляетъ цѣнность A, то, по мнѣнію де-Квинси, его конечно нужно

[1]) The Logic of P. E. By Th. De Quincey. 1844.

[2]) Dialogues of the three Templars on Political Economy. The London Magazine, 1824 г.

понимать въ томъ смыслѣ, что трудъ служитъ *причиной* того, что *А* обладаетъ опредѣленной цѣнностью, что онъ является *основаніемъ* послѣдней, ея principium essendi: совершенно такъ, какъ если бы меня спросили, что заставляетъ камень падать внизъ, а не вверхъ, я отвѣтилъ бы, что притяженіе земли или законъ тяготѣнія» [1]).

Пока дѣло идетъ объ установленіи понятія абсолютной цѣнности де-Квинси остается вполнѣ послѣдовательнымъ, хотя и бездоказательнымъ, но какъ только онъ переноситъ указанное понятіе въ обстановку современнаго хозяйства, его разсужденія становятся сбивчивыми и не приводятъ ни къ какому результату; и при этомъ рѣчь идетъ уже о мѣрилѣ цѣнности, а не объ ея основаніи.

Доказывая, что прибыль не вліяетъ на мѣновую цѣнность или цѣну, де-Квинси говоритъ, что измѣненія въ уровнѣ прибыли распространяются на всѣ предметы и слѣдов. оставляютъ ихъ соотношенія безъ перемѣнъ. «Причина, по которой никакія измѣненія въ *цѣнности* труда не способны отразиться на цѣнности его продукта, замѣчаетъ онъ, заключается въ томъ, что эти измѣненія распространяются на всѣ виды труда, и поэтому одинаково на всѣ продукты; а то, что въ равной мѣрѣ повышаетъ или понижаетъ всѣ предметы, оставляетъ ихъ отношенія между собою безъ измѣненія» [2]). Изъ этого разсужденія слѣдуетъ, что при существованіи неодинаковаго уровня заработной платы и прибыли въ разныхъ отрасляхъ производства, высота этихъ доходовъ вліяла бы на отношеніе между продуктами, слѣд. на ихъ цѣнность; и отсюда приходится заключить, что доходы вообще вліяютъ на цѣнность. Между тѣмъ де-Квинси отрицалъ въ принципѣ это вліяніе, и поэтому онъ не могъ объяснить ограниченій, допущенныхъ Рикардо. Въ своихъ діалогахъ онъ вовсе не говоритъ о нихъ, а въ книгѣ о Логикѣ Политической Экономіи посвящаетъ имъ нѣсколько страницъ, отличающихся такой запутанностью изложенія, что у читателя не остается ни малѣйшаго сомнѣнія относительно неясности вопроса для самого автора. Онъ разсматриваетъ случаи, приводимые Рикардо, какъ отступленіе отъ основнаго принципа, но объяснить эти отступленія

---

[1]) Тамъ же, стр. 558.
[2]) Тамъ же, стр. 352.

не берется: въ обширной системѣ Политической Экономіи, замѣчаетъ онъ, этотъ отдѣлъ потребовалъ бы болѣе подробнаго разсмотрѣнія; но «въ небольшомъ трудѣ, имѣющемъ цѣлью только установить отдѣльные принципы и основы теоріи Рикардо, нѣтъ повидимому основанія распространять изслѣдованіе за предѣлы, намѣченные собственными взглядами послѣдняго [1]).» При такихъ условіяхъ всѣ разсужденія де-Квинси о цѣнности, основанной на трудѣ, теряютъ значеніе.

Разсматривая взгляды трехъ экономистовъ, о которыхъ говорилось выше, мы замѣчаемъ, что предметомъ ихъ изслѣдованія служатъ двѣ стороны явленія цѣнности. Одна сторона касается объективной мѣновой цѣнности, или покупательной силы предметовъ; другая — субъективной оцѣнки внѣ обмѣна. Въ первомъ случаѣ дѣло идетъ о тѣхъ объективныхъ причинахъ, которыя приводятъ къ тому, что предметы обмѣниваются между собою въ извѣстныхъ количественныхъ отношеніяхъ; во второмъ говорится о причинахъ, по которымъ человѣкъ придаетъ значеніе предметамъ, служащимъ объектами его хозяйственной дѣятельности, независимо отъ мѣноваго оборота. Когда Макъ-Кѣллокъ упоминаетъ о совокупной цѣнности всѣхъ предметовъ, совпадающей съ количествомъ труда, затраченнаго на ихъ производство, онъ не можетъ разумѣть покупательной силы предметовъ или ихъ субъективной мѣновой цѣнности, потому что условія обмѣна при такой постановкѣ вопроса устраняются; въ дѣйствительности онъ утверждаетъ, что значеніе совокупности предметовъ въ изолированномъ хозяйствѣ опредѣляется трудомъ, затраченнымъ на нихъ, т. е. что трудъ служитъ основаніемъ оцѣнки благъ. Эта идея не чужда Рикардо, который проводитъ ее, заявляя, что источниками цѣнности служатъ рѣдкость и трудъ, и затѣмъ высказывая нѣкоторыя соображенія объ абсолютной цѣнности. На этихъ соображеніяхъ нужно нѣсколько остановиться, чтобы опредѣлить ихъ значеніе въ рикардовской системѣ.

Подобно Смиту и Мальтусу, Рикардо размышлялъ о конечномъ основаніи цѣнности, или томъ началѣ, которое опредѣляетъ значеніе предмета для субъекта хозяйственной дѣятельности. Поэтому, онъ

---

[1]) Logic of Political Economy, стр. 117.

различаетъ отъ мѣновой цѣнности абсолютную, которую называетъ также реальной и положительной [1]).

Что же служитъ основаніемъ абсолютной цѣнности? По мнѣнію Рикардо, такимъ основаніемъ не можетъ служить полезность предметовъ, какъ думалъ Сэ. «Онъ очевидно, замѣчаетъ Рикардо по поводу мнѣнія французскаго экономиста, не имѣетъ правильнаго представленія о томъ, что разумѣется подъ цѣнностью, когда утверждаетъ, что продуктъ цѣнится пропорціонально его полезности. Это было бы вѣрно, если бы *одни покупатели* регулировали цѣнность продуктовъ; тогда конечно можно было бы разсчитывать, что люди платили бы за предметы цѣну, соотвѣтствующую тому значенію, которое они придавали бы имъ; но мнѣ представляется дѣло такъ, что покупатели абсолютно не участвуютъ въ установленіи цѣны. Все это дѣлается соперничествомъ *продавцевъ*, и хотя бы покупатели на самомъ дѣлѣ готовы были дать больше за желѣзо, чѣмъ за золото, они не могли бы сдѣлать это, потому что предложеніе регулировалось бы стоимостью производства; и поэтому золото стояло бы къ желѣзу въ томъ отношеніи, въ которомъ оно стоитъ теперь, хотя вѣроятно все человѣчество считаетъ золото наименѣе полезнымъ металломъ» [2]).

Въ приведенномъ отрывкѣ Рикардо устанавливаетъ точку зрѣнія на основаніе субъективной оцѣнки въ современномъ строѣ, діаметрально противоположную той, которой держатся теоретики предѣльной полезности. По ихъ ученію основаніемъ цѣнности служитъ значеніе даннаго предмета для даннаго субъекта, опредѣляемое важностью и силой потребности, которую этотъ предметъ можетъ удовлетворить. По мнѣнію же Рикардо, основаніемъ цѣнности предмета служитъ его цѣна, опредѣляемая стоимостью производства: предметъ тѣмъ выше поднимается въ своей цѣнности, чѣмъ выше его цѣна, а его цѣна тѣмъ выше, чѣмъ выше стоимость производства.

Однако, на ряду съ изложеннымъ взглядомъ Рикардо высказываетъ и другой. «Безъ сомнѣнія, замѣчаетъ онъ, продуктъ, чтобы обладать цѣнностью, долженъ быть *полезенъ*, но *трудность* его изгото-

---

[1]) Letters of D. Ricardo to Hutches Trower and others. 1899. Стр. 151 и 157. См. также Письма къ Мальтусу. Стр. 176.

[2]) Ricardo—Malthus, стр. 173.

вленія служитъ единственной мѣрой его цѣнности» [1]). На этомъ принципѣ оцѣнка продуктовъ можетъ производиться не только въ мѣновомъ, но и въ изолированномъ хозяйствѣ. «Вы говорите, пишетъ онъ Троуэру, что если бы не было мѣны продуктовъ они не имѣли бы цѣнности; и я согласенъ съ вами, если вы разумѣете мѣновую цѣнность, но если я долженъ употребить мѣсяцъ труда, чтобы сдѣлать себѣ платье и только одну недѣлю, чтобы сдѣлать шляпу, то хотя бы мнѣ не пришлось никогда обмѣнять ни того, ни другого, платье имѣло бы въ четыре раза болѣе высокую цѣнность, чѣмъ шляпа; и если бы воръ проникъ въ мой домъ и унесъ часть моего имущества, я предпочелъ бы, чтобы онъ унесъ 3 шляпы, чѣмъ одно платье. На примитивныхъ стадіяхъ общества, когда производится еще мало мѣновыхъ сдѣлокъ, цѣнность продуктовъ главнѣйшимъ образомъ опредѣляется количествомъ труда, необходимаго для ихъ изготовленія, какъ это указалъ Адамъ Смитъ» [2]).

Перенося понятіе абсолютной или положительной цѣнности въ современный строй, Рикардо обозначаетъ его терминомъ «реальная или положительная цѣнность» и говоритъ, что подъ этимъ онъ разумѣетъ количество труда, затраченнаго на производство; между тѣмъ какъ мѣновая цѣнность выражаетъ только отношеніе между двумя предметами, и если идетъ рѣчь объ отношеніи между продуктомъ и деньгами, то такое отношеніе обозначается понятіемъ цѣны. «Слово цѣна, говоритъ онъ, должно быть ограничено исключительно цѣнностью продуктовъ, выраженной въ деньгахъ и только въ деньгахъ. При такомъ ограниченіи продуктъ можетъ повышаться въ реальной цѣнности, не повышаясь въ цѣнѣ. Если приходится употреблять больше труда, чтобы разработывать копи, и для того, чтобы изготовлять башмаки, то возможно, что цѣна башмаковъ останется безъ измѣненій, но и башмаки и золото (или деньги) повысятся въ цѣнности» [3]). По этому же предмету Рикардо писалъ Троуэру: «меня не удивляетъ то, что вы не согласны съ моимъ опредѣленіемъ мѣновой цѣнности, но когда вы говорите, что «трудъ, израсходованный на продуктъ, представляетъ мѣрило, которымъ съ точностью опредѣляется

---

[1]) Ricardo—Malthus, стр. 92.
[2]) Ricardo—Trower, стр. 152.
[3]) Тамъ же, стр. 57—58.

и постоянно регулируется его мѣновая цѣнность», вы признаете все, что я утверждаю. Мнѣ кажется, я не говорю, что трудъ, затраченный на продуктъ, служитъ мѣриломъ его мѣновой цѣнности, но его положительной цѣнности. Затѣмъ я прибавляю, что мѣновая цѣнность регулируется положительной и поэтому регулируется количествомъ затраченнаго труда» [1]).

Изъ приведенныхъ отрывковъ видно, что ученіе объ основаніи субъективной цѣнности независимо отъ обмѣна представлялось Рикардо очень смутно; но оно мало интересовало его, потому что кореннымъ началомъ его системы служитъ объективная мѣновая, или относительная, цѣнность: онъ изучаетъ условія, вліяющія на покупательную силу предметовъ и лишь вскользь касается вопроса, чѣмъ опредѣляется значеніе этихъ благъ внѣ обмѣна. Ни Милль, ни Макъ-Кёллокъ, ни де-Квинси не раздѣляютъ указанныхъ точекъ зрѣнія. Напротивъ, онѣ сливаются въ ихъ разсужденіяхъ настолько, что взглядъ, по которому основаніемъ субъективной цѣнности внѣ обмѣна служитъ трудъ, переносится въ область изслѣдованія объективной цѣнности и какъ бы является главнымъ доводомъ въ пользу трудового начала какъ регулятора мѣновой цѣнности. Послѣдняя пріобрѣтаетъ этимъ путемъ характеръ только внѣшняго проявленія абсолюта, находящагося внѣ относительныхъ условій мѣнового оборота и коренящагося въ природѣ человѣка. Такая точка зрѣнія, имѣющая, какъ было сказано, извѣстныя основанія въ нѣкоторыхъ заявленіяхъ Рикардо, совершенно чужда его системѣ, построенной въ цѣломъ на законѣ объективной цѣнности.

Что касается послѣдней, то и здѣсь Милль и Макъ-Кёллокъ придали рикардовскому ученію абсолютный характеръ, противорѣчащій его идеѣ. Рикардо говоритъ, что трудъ служитъ только одной, хотя и главной изъ причинъ, опредѣляющихъ покупательную силу предметовъ, и что эта причина обнаруживаетъ свое исключительное дѣйствіе только при извѣстныхъ условіяхъ. Между тѣмъ названные экономисты пытаются доказать, что одинъ только трудъ и при всѣхъ условіяхъ регулируетъ покупательную силу предметовъ. Противъ разсужденій Макъ-Кёллока въ этомъ направленіи Рикардо весьма опредѣленно высказался въ одномъ письмѣ къ нему, заслуживающемъ

[1]) Тамъ же стр. 151.

вниманія. «Вы идете, писалъ онъ, немного (?) дальше меня въ ученіи, что цѣнность продуктовъ регулируется количествомъ труда, необходимаго для ихъ производства. Вы повидимому не допускаете по отношенію къ этому правилу никакого исключенія или оговорки; между тѣмъ я всегда готовъ допустить, что нѣкоторыя измѣненія въ относительной цѣнности продуктовъ могутъ быть отнесены на счетъ другихъ причинъ, кромѣ количества труда, необходимаго для ихъ производства. Если 1000 кирпичей измѣняются въ цѣнности относительно извѣстнаго количества коленкора, произведеннаго при помощи цѣнныхъ машинъ, то это можетъ произойти отъ одной изъ двухъ причинъ: или отъ того, что больше или меньше труда требуется для ихъ производства или что заработная плата повысилась или понизилась. Относительно существованія первой причины мы съ вами вполнѣ согласны, но вы повидимому не допускаете, что хотя бы то же самое количество труда было употреблено на кирпичи и на коленкоръ ихъ относительныя цѣнности могли бы измѣниться исключительно потому, что цѣнность труда повысилась или понизилась; между тѣмъ этотъ фактъ представляется мнѣ безспорнымъ. Этой второй причинѣ я далеко не придаю такого большого значенія какъ Мальтусъ и другіе, но я не могу совершенно закрыть глаза на нее [1])». Въ другомъ письмѣ онъ заявляетъ, что не можетъ «преодолѣть трудности примѣра съ виномъ, которое выдерживалось въ погребѣ 3—4 года, или съ дубомъ, на который съ самаго начала можетъ быть не было истрачено 2 ш. въ видѣ заработной платы и который тѣмъ неменѣе пріобрѣтаетъ цѣнность въ 100 ф. [2])». Заявленія Рикардо показываютъ, насколь кобыло бы неправильно видѣть въ сужденіяхъ Макъ-Кёллока и близкихъ ему писателей точное выраженіе рикардовскихъ идей; между тѣмъ именно это дѣлаетъ напр. Эшли, подкрѣпляя свое пониманіе Рикардо ссылкой на указанныхъ выше писателей, какъ на его непосредственныхъ учениковъ [3]).

Подведемъ итогъ высказанному выше. Если Рикардо, повидимому, и не была чужда мысль, что основаніемъ оцѣнки хозяйственныхъ благъ служитъ затраченный на ихъ производство трудъ, то во вся-

---

[1]) Letters of D. Ricardo to Mc.-Culloch, Письмо XXXII.

[2]) Тамъ же. Письмо XXXIX.

[3]) Prof. Ashley. The Rehabilitation of Ricardo. The Economic Journal. Sept. 1891.

комъ случаѣ его система построена не на этой идеѣ. Въ основу ея положено утвержденіе, что трудъ служитъ регуляторомъ объективной мѣновой цѣнности, или покупательной силы предметовъ при извѣстныхъ гипотетическихъ условіяхъ. Система Рикардо представляетъ развитіе ученія объ относительной цѣнности, между тѣмъ перечисленные выше экономисты строятъ свою аргументацію на той и на другой идеѣ, не разграничивая ихъ и не сознавая коренного различія между ними. Въ дѣйствительности такое различіе существуетъ.

Понятіе такъ называемой абсолютной цѣнности отвѣчаетъ на вопросъ: почему человѣкъ цѣнитъ блага, относящіяся къ категоріи хозяйственныхъ? Авторы, мнѣніе которыхъ было изложено выше, говорятъ: «потому что эти блага стоили человѣку труда». Ничего другого нельзя разумѣть, когда Милль утверждаетъ, что въ конечномъ счетѣ цѣнность капитала сводится къ труду, потому что первые продукты были произведены только трудомъ; или когда Макъ-Кёллокъ устанавливаетъ понятіе трудовой цѣнности всей совокупности предметовъ, которыми располагаетъ общество; или, наконецъ, когда де-Квинси выдвигаетъ трудъ, какъ principium essendi цѣнности.

Понятіе абсолютной цѣнности въ указанномъ смыслѣ получило развитіе сначала въ трудахъ нѣкоторыхъ англійскихъ послѣдователей Оуэна, именно Томпсона, Брэя и др.; а впослѣдствіи у Маркса, Энгельса и Родбертуса.

Въ сочиненіи Томпсона о распредѣленіи богатства основныя положенія трудовой теоріи цѣнности въ марксовскомъ смыслѣ высказаны съ полной опредѣленностью. Онъ называетъ «трудъ *единственнымъ* [1]) отцомъ богатства»; говоритъ, что «оцѣнивая какой-нибудь предметъ богатства мы въ дѣйствительности оцѣниваемъ трудъ, употребленный на его производство и нахожденіе или добычу его сырого матеріала»; и, наконецъ, отправляясь отъ этого принципа, онъ устанавливаетъ понятіе прибавочной цѣнности. «Не можетъ существовать никакого другого источника прибыли, говоритъ Толтсонъ, кромѣ цѣнности, прибавленной къ сырому матеріалу трудомъ, который былъ истраченъ на него при умѣломъ руководствѣ. Матеріалы, строенія, ма-

[1]) Курсивъ въ подлинникѣ.

шины, заработная плата не могутъ ничего прибавить къ своей собственной цѣнности. Прибавочная цѣнность (the additional value) получается только отъ труда» [1]). Тѣ же идеи развивалъ другой послѣдователь Оуэна, Брэй [2]).

Взглядъ Томпсона, Брэя и др. на цѣнность, какъ на свойство предмета, имѣющее своимъ источникомъ трудъ и измѣряемое имъ, представлялъ лишь болѣе послѣдовательное развитіе идеи, которая, какъ мы видѣли, высказывалась ближайшими сторонниками Рикардо. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что ее отождествили съ ученіемъ послѣдняго.

Такое пониманіе теоріи цѣнности Рикардо въ новѣйшей литературѣ установлено было Марксомъ и Энгельсомъ, по мнѣнію которыхъ ученіе о трудѣ, какъ единственномъ источникѣ цѣнности, и основанная на этомъ ученіи теорія прибавочной цѣнности представляются только логическимъ развитіемъ рикардовской идеи. Марксъ высказываетъ эту мысль съ большой осторожностью, хотя не настолько опредѣленно, чтобы устранить возможность того толкованія, которое далъ ей Энгельсъ и за нимъ многіе другіе. Онъ говоритъ, что въ противоположность Смиту, Рикардо окончательно выяснилъ, или, какъ выражается Марксъ, начисто выработалъ опредѣленіе цѣнности товаровъ рабочимъ временемъ и показалъ, что этотъ законъ господствуетъ также при буржуазныхъ производственныхъ отношеніяхъ, находящихся какъ будто въ самомъ рѣшительномъ противорѣчіи съ нимъ [3]). Вслѣдъ за этимъ Марксъ высказываетъ нѣкоторыя замѣчанія, представляющія глубокій интересъ для пониманія Рикардо, — замѣчанія, о которыхъ намъ придется говорить дальше; но тѣмъ не менѣе остается въ концѣ концовъ неяснымъ, полагалъ ли Марксъ, что Рикардо признаетъ цѣнность «застывшимъ трудомъ», или же онъ ставитъ англійскому экономисту въ заслугу то, что онъ выяснилъ значеніе труда, какъ измѣрителя мѣновой цѣнности въ смыслѣ покупательной силы. Энгельсъ держится по этому

---

[1]) W. Thompson. An Inquiry into the Principles of the Distribution of Wealth. 1824, стр. 7, 89, 166 и др.

[2]) I. F. Bray. Labour's Wrongs and Labour's Remedy; or the Age of Might and the Age of Right. 1839. Стр. 33, 47, 49, 56, 57, 61, 87, 109 и 157. С. также цитаты изъ сочиненія Брэя въ Misère de la Philosophie, стр. 92 и сл.

[3]) Zur Kritik der Politischen Oekonomie, стр. 38.

вопросу вполнѣ опредѣленнаго взгляда, заявляя, что Марксъ вывелъ свои заключенія отъ Рикардо и что соціалистическая теорія есть не что иное, какъ приложеніе рикардовскаго ученія [1]). Такого же воззрѣнія придерживается и цѣлый рядъ другихъ экономистовъ. Напр., Зиберъ, излагая ученіе Рикардо, говоритъ отъ его лица, что трудъ служитъ источникомъ всякой цѣнности, [2]) и отправляясь отъ этого взгляда утверждаетъ, что «отъ постановки вопроса школой Смита—Рикардо былъ только шагъ къ такому опредѣленію предмета, который въ отношеніи ясности, точности и опредѣленности не оставляетъ ничего желать»; и по мнѣнію Зибера, «заслуга въ отысканіи такого опредѣленія вмѣстѣ съ цѣлымъ рядомъ важнѣйшихъ дополненій къ извѣстной теоріи, принадлежитъ нѣмецкому экономисту К. Марксу» [3]). Другой изслѣдователь, Цуккеркандль, проводящій совершенно иной взглядъ на цѣнность, чѣмъ Зиберъ, сходится однако съ послѣднимъ въ томъ, что признаетъ основаніемъ соціалистической теоріи цѣнности ученіе Рикардо. «Въ то время, какъ политическая экономія, говоритъ онъ, все болѣе и болѣе разрушаетъ ученое построеніе Рикардо, такъ что новыми писателями едва ли признается хотя бы одно положеніе его теоріи цѣнности, соціалистическое ученіе приняло эту теорію и вытекающія изъ нея слѣдствія безъ всякихъ измѣненій по существу» [4]). Наконецъ, нельзя не упомянуть о мнѣніи Эшли, полагающаго, что Марксъ, говоря о «кристаллахъ труда» или о «застывшемъ трудѣ», употребляетъ только болѣе сильныя выраженія для той мысли, которую высказалъ Рикардо [5]).

Противъ положенія, заключающагося въ понятіи абсолютной цѣнности, и направлены возраженія противниковъ трудовой теоріи цѣнности. Всѣ они утверждаютъ, что Рикардо не доказалъ необходимой связи между оцѣнкой благъ и затратой на нихъ труда [6]), и что основаніемъ субъективной цѣнности служитъ полезность благъ. Дѣйствительно, Рикардо не доказалъ положенія, которое оспаривается его

---

[1]) См. предисловіе Энгельса къ Misère de la Philosophie. 1896. Стр. 10 и сл.
[2]) Д. Рикардо и К. Марксъ 1898. Стр. 78.
[3]) Тамъ же, стр. 145.
[4]) Zuckerkandl. Zur Theorie des Preises, стр. 286.
[5]) Prof. Ashley. The Rehabilitation of Ricardo, стр. 479 и сл.
[6]) Böhm-Bawerk. Das Kapital и Kapitalzins, I, стр. 428 и сл.

противниками; но его ученіе основано не на этомъ положеніи, а на томъ, что трудъ регулируетъ относительныя цѣнности благъ. Въ пользу этого мнѣнія онъ представляетъ доказательства; и тѣ, которые расходятся съ трудовой теоріей цѣнности Рикардо, обязаны направлять свои возраженія противъ его ученія объ относительной цѣнности, или о покупательной силѣ товаровъ. Такія возраженія были сдѣланы, и мы переходимъ къ ихъ разсмотрѣнію.

ГЛАВА V.

Экономисты, развившіе ученіе объ относительной цѣнности могутъ быть отнесены частью къ послѣдователямъ Рикардо, частью къ его противникамъ. Послѣдователями его они являются, потому что при обсужденіи явленія цѣнности они исходятъ отъ тѣхъ же принциповъ, которыхъ держался и Рикардо: всѣ они отправляются отъ анализа издержекъ производства и приходятъ къ выводу, что при извѣстныхъ гипотетическихъ условіяхъ мѣновая цѣнность опредѣляется только трудомъ; но въ отличіе отъ Рикардо они считаютъ, что число случаевъ, въ которыхъ оказался бы на лицо комплексъ упомянутыхъ условій очень незначительно; нѣкоторые же полагаютъ, что соединеніе подобныхъ условій никогда не встрѣчается въ реальной жизни. Остановимся на характеристикѣ главныхъ представителей этого направленія.

Торренсъ, сочиненіе котораго по теоріи Политической Экономіи «Опытъ о производствѣ богатства» [1]) вышло въ 1821 г., исходитъ въ своемъ ученіи о цѣнности отъ идеи Смита о различіи между т. н. первобытнымъ состояніемъ общества и современнымъ строемъ. Такъ же, какъ у автора «Изслѣдованія о богатствѣ народовъ», эти понятія представляютъ у него только два комплекса гипотетическихъ условій, при которыхъ разсматриваются явленія цѣнности; и единственное отличіе между ними заключается въ томъ, что въ современномъ строѣ существуетъ раздѣленіе на классы, отсутствующее въ первобытномъ состояніи.

---

[1]) Essay on the Production of Wealth. Торренсъ развилъ также свое ученіе въ статьѣ: Strictures on Mr. Ricardo's Doctrine respecting exchangeable Value. Ст. за подписью *R* въ журн. The Scots Magazine and Edinburgh Literary Miscellany. New Series, Oct. 1818. На эту статью отвѣчалъ М'Кёллокъ, который между прочимъ говоритъ, что въ концѣ-концовъ то, что утверждаетъ Торренсъ представляетъ только менѣе удачный варіантъ рикардовской теоріи. Тамъ же. Nov. 1818.

Принимая за основаніе своихъ разсужденій мысль Смита, Торренсъ разсматриваетъ ее при болѣе сложныхъ условіяхъ. Возникновеніе идеи мѣновой цѣнности онъ ставитъ въ связь съ раздѣленіемъ занятій, полагая, что соперничество, обусловленное стремленіемъ людей воспользоваться выгодами, проистекающими отъ раздѣленія труда и увеличенія его продуктивности, опредѣляетъ мѣновую цѣнность продуктовъ, служащихъ объектами мѣны, и что при предположенныхъ условіяхъ соперничество необходимо должно приводить къ тому, что мѣновая цѣнность будетъ опредѣляться исключительно количествомъ труда, затраченнаго на производство предмета. Онъ поясняетъ свою мысль примѣрами, въ которыхъ фигурируютъ гипотетическіе дикари, дѣйствующіе по всѣмъ правиламъ опытныхъ коммерсантовъ; но эта несообразность не лишаетъ значенія основную мысль Торренса. Стороны, вступающія между собою въ обмѣнъ продуктами, по его мнѣнію, одинаково заинтересованы въ томъ, чтобы раздѣленіе занятій продолжалось, и въ этомъ заключается мотивъ, побуждающій ихъ обмѣнивать свои продукты соотвѣтственно затраченному на нихъ труду. Нарушеніе этого правила одной изъ сторонъ въ свою пользу повело бы къ тому, что другая нашла бы для себя болѣе выгоднымъ отказаться отъ раздѣленія занятій и самой добывать и изготовлять для себя все необходимое; и возможность такого рѣшенія понудила бы сторону, предъявившую чрезмѣрныя требованія, понизить ихъ. Такимъ образомъ въ концѣ-концовъ установилось бы равновѣсіе, при которомъ всѣ производители въ равной мѣрѣ участвовали бы въ выгодахъ, проистекающихъ отъ раздѣленія занятій. Это правило не терпѣло бы нарушенія и въ тѣхъ случаяхъ, когда продуктъ являлся бы результатомъ затраты не только непосредственнаго, живого труда, но и труда предшествовавшаго, уже накопленнаго, т.-е. капитала.

Каждая сторона стремилась бы получить за свой продуктъ возможно большее количество чужого продукта, и мѣновая цѣнность объектовъ мѣны опредѣлялась бы размѣромъ дохода, который удалось бы каждой изъ сторонъ обезпечить за собой. Торренсъ утверждаетъ, что относительная величина этихъ доходовъ при условіяхъ, существующихъ въ его гипотетическомъ обществѣ, опредѣлялась бы относительными количествами труда, затраченнаго на производство,

потому что высота доходовъ каждаго производителя зависѣла бы исключительно отъ количества того труда, который употребленъ на изготовленіе продуктовъ, входящихъ въ составъ доходовъ. Если бы одинъ производитель потребовалъ въ обмѣнъ за свой продуктъ произведеніе большого количества труда, чѣмъ какое онъ самъ затратилъ, онъ повысилъ бы свой доходъ выше нормы, существующей въ этомъ обществѣ и этимъ привлекъ бы къ своему занятію другихъ производителей, которые въ концѣ-концовъ понизили бы цѣнность продукта.

Торренсъ поясняетъ сказанное слѣдующимъ примѣромъ. «Прежде чѣмъ рабочій и капиталистъ, говоритъ онъ, стали различными лицами, продуктъ однодневнаго труда въ одномъ занятіи, caeteris paribus, всегда будетъ эквивалентенъ продукту одного дня труда въ другомъ занятіи; все равно, употребляется ли весь трудъ непосредственно и прямо на полученіе предметовъ потребленія, или часть его была раньше употреблена на пріобрѣтеніе капитала, необходимаго для производства такихъ предметовъ. Если до раздѣленія общества на рабочихъ и капиталистовъ растительные продукты собирались безъ помощи капитала, тогда какъ при изготовленіи животныхъ продуктовъ приходится на каждый день труда, употребленнаго въ полѣ, употреблять другой день на изготовленіе снарядовъ для охоты, или другими словами, капитала охотника, то очевидно, что продуктъ одного дня непосредственнаго труда, употребленнаго на охоту, былъ бы эквивалентенъ продукту двухдневнаго труда, употребленнаго на собираніе плодовъ. При установленіи условій обмѣна трудъ, употребленный на изготовленіе капитала былъ бы принятъ такъ же въ расчетъ, какъ и трудъ, примѣнившій его къ дѣлу. Если бы, по возвращеніи вечеромъ съ работы, собиратель растительныхъ продуктовъ предложилъ плоды, собранные имъ въ теченіе одного дня, въ обмѣнъ на животныхъ, убитыхъ охотникомъ за тотъ же періодъ времени, то послѣдній естественно отвѣтилъ бы: «Стрѣлы, израсходованныя во время охоты, обошлись мнѣ одинъ день труда; животныя, убитыя мною составляютъ въ дѣйствительности продуктъ двухдневнаго труда; поэтому вы должны дать мнѣ въ обмѣнъ за нихъ количество плодовъ, собранныхъ въ два дня». Собиратель плодовъ долженъ былъ бы согласиться на это требованіе для того, чтобы не вынудить охотника отказаться отъ раздѣленія занятій и

приняться самому за собираніе плодовъ. Было бы невозможно заставить охотника въ теченіе сколько-нибудь продолжительнаго времени отдавать больше, чѣмъ продуктъ однодневнаго труда за количество плодовъ, которое онъ всегда могъ бы получить, затративъ одинъ день работы. Если бы, при какихъ-либо исключительныхъ обстоятельствахъ, продуктъ однодневнаго труда, употребленнаго на собираніе плодовъ, обмѣнивался на продуктъ, который составлялъ бы результатъ болѣе чѣмъ однодневнаго труда, употребленнаго на охоту, тогда собираніе плодовъ сдѣлалось бы выгоднѣе, чѣмъ охота; и лица, которыя пожелали бы получить извѣстное количество животныхъ продуктовъ, отказались бы отъ послѣднихъ и обратились бы къ добыванію плодовъ до тѣхъ поръ, пока равновѣсіе не было бы возстановлено и продуктъ однодневнаго труда въ одномъ занятіи не обмѣнивался бы на продуктъ одного дня въ другомъ» [1]).

Это разсужденіе, не имѣющее, конечно, никакого отношенія къ первобытному обществу, какъ стадіи историческаго развитія человѣчества, показываетъ, что Торренсъ, развивая мысль Смита, придавалъ ей тотъ смыслъ, который вытекаетъ изъ ея принципіальной основы и связываетъ ее съ послѣдующимъ ученіемъ Рикардо. Принципъ заключается въ томъ, что мѣновая цѣнность опредѣляется данными распредѣленія, а слѣдствіе этого принципа при отсутствіи раздѣленія общества на классы то, что мѣновая цѣнность регулируется трудомъ, затраченнымъ на производство.

Тотъ же принципъ служитъ для Торренса исходнымъ пунктомъ при анализѣ явленія цѣнности въ современномъ обществѣ, т.-е. при условіи отдѣленія класса капиталистовъ отъ рабочихъ. Здѣсь, какъ и раньше, мѣновая цѣнность опредѣляется доходами, которые могутъ включить въ составъ цѣны участники производства; но мы имѣемъ дѣло съ иными участниками, и другія условія опредѣляютъ ихъ доходы. Изслѣдуя мѣновую цѣнность въ этой обстановкѣ, Торренсъ излагаетъ Рикардо, но даетъ его теоріи иную формулировку. Онъ утверждаетъ, что въ современномъ обществѣ «продукты, полученные при помощи равныхъ капиталовъ, или равныхъ количествъ накопленнаго труда, представляютъ равныя мѣновыя цѣнности» [2]). Тор-

---

[1]) Тамъ же, стр. 22.

[2]) Тамъ же, стр. 26.

ренсъ обосновываетъ свою мысль слѣдующимъ образомъ. «Предположимъ, что два равныхъ капитала состоятъ, каждый, изъ 100 квартеровъ хлѣба и 1000 фунтовъ шерсти; и что собственникъ одного изъ этихъ капиталовъ употребляетъ его на производство сукна, а другой на изготовленіе носковъ. Очевидно, что сукно и носки, на которые истрачены одинаковые капиталы, будутъ имѣть одинаковую цѣнность. Если бы одинъ изъ этихъ капиталистовъ предложилъ часть своего продукта въ обмѣнъ за весь продуктъ другого, то послѣдній немедленно отвѣтилъ бы ему: «за предметы, которые я выработалъ на 100 кв. хлѣба и 1000 ф. шерсти, вы должны дать мнѣ все количество продуктовъ, которое вы изготовили на такой же капиталъ. Мой капиталъ такой же силы, какъ и вашъ, и если вы не будете вести обмѣнъ на равныхъ основаніяхъ, я могу во всякое время нанять такое число рабочихъ, какое необходимо, чтобы изготовить продуктъ, въ которымъ вы отказываете мнѣ. На это нельзя представить никакого основательнаго возраженія» [1]).

Смыслъ этого ученія становится ясенъ изъ другого примѣра, приводимаго Торренсомъ. Онъ предполагаетъ два капитала: одинъ, состоящій изъ пищи для 100 рабочихъ и 1000 ф. шерсти, которая по цѣнности равна пищѣ; и другой, состоящій изъ пищи на 100 рабочихъ и 1000 ф. хлопчатой бумаги, также равной по цѣнности пищѣ. Владѣлецъ перваго капитала употребляетъ 100 рабочихъ на производство тонкаго сукна, а владѣлецъ второго — такое же число рабочихъ на производство ковровой матеріи. При этихъ условіяхъ сукно и ковры будутъ обладать одинаковой цѣнностью. Торренсъ доказываетъ это совершенно такъ же, какъ онъ доказывалъ, что въ первобытномъ обществѣ продукты, произведенные при помощи одинаковаго количества труда, обладаютъ одинаковой цѣнностью. Если бы капиталистъ, изготовляющій сукно, отказался отдать его за ковровую матерію, произведенную при помощи равнаго капитала, суконное производство стало бы выгоднѣе ковроваго; поэтому капиталъ началъ бы покидать послѣднее и направлялся бы къ первому до тѣхъ поръ, пока не возстановилось бы равновѣсіе. «Такимъ образомъ, замѣчаетъ Торренсъ, постоянно дѣйствующій законъ соперничества и личная выгода, всегда побуждающая при-

---

[1]) Тамъ же, стр. 25.

мѣнять капиталъ къ наиболѣе прибыльному занятію, неизбѣжно ведутъ къ тому, что въ обществѣ, которое раздѣляется на классы капиталистовъ и рабочихъ, продукты, полученные при помощи равныхъ капиталовъ или равныхъ количествъ накопленнаго труда, обладаютъ одинаковою цѣнностью» [1]).

Нетрудно видѣть, что правило, выведенное Торренсомъ, представляетъ только иную формулировку теоріи Рикардо, при условіяхъ, установленныхъ имъ относительно состава, прочности и быстроты оборота капитала. Въ приведенныхъ примѣрахъ Торренсъ предполагаетъ всѣ эти условія; и кромѣ того въ его разсужденіяхъ, какъ и у Рикардо, само собой подразумѣвается, что во всѣхъ занятіяхъ существуетъ одинаковый уровень заработной платы и прибыли. При такомъ предположеніи равные капиталы, употребленные на наемъ рабочихъ, представляютъ равныя количества труда; и такъ какъ отношеніе постояннаго капитала къ оборотному, прочность и быстрота оборота капиталовъ по предположенію одинаковы, то совершенно безразлично: сказать ли, что цѣнности продуктовъ относятся между собою какъ количество труда, затраченнаго на ихъ производство, или какъ капиталы, употребленные для той же цѣли. Формулировка Торренса совершенно ясно выдвигаетъ ту сторону теоріи Рикардо, которая имъ самимъ была затемнена. Если держаться формулы Торренса, то само-собой ясно, что повышеніе заработной платы, происшедшее только въ одной отрасли производства, должно оказать вліяніе на мѣновую цѣнность продуктовъ, изготовленныхъ въ этой отрасли. Торренсъ поясняетъ это примѣромъ. Предположимъ, что два капитала содержатъ, каждый, накопленный 50-ти дневный трудъ и состоятъ изъ суммы заработной платы для 90 обыкновенныхъ рабочихъ и куска металла эквивалентнаго заработной платѣ 10 рабочихъ, и что собственникъ одного капитала употребляетъ его на изготовленіе гвоздей, а собственникъ другого нанимаетъ рѣзчиковъ по металлу. При этихъ условіяхъ гвозди и вырѣзанныя пластинки, будучи произведены при помощи одинаковыхъ капиталовъ, должны имѣть равную цѣнность. Между тѣмъ количество труда, затраченнаго на производство, было далеко не одинаково, потому что рѣзчики получали

[1]) Тамъ же, стр. 28.

болѣе высокую плату за трудъ, такъ что въ производствѣ гвоздей занято было 90 рабочихъ, а рѣзчиковъ нанято было только 22. Рикардо и Смитъ сказали бы, что квалифицированный трудъ рѣзчиковъ можетъ быть сведенъ къ единицамъ простого труда гвоздарей; но очевидно, что это сведеніе одного труда къ другому не было бы возраженіемъ Торренсу: для его теоріи совершенно не важно, идетъ ли рѣчь о трудѣ, различномъ или однородномъ по качеству; все дѣло въ томъ, одинаково или различно вознагражденіе этого труда. Если одинаково, то продукты, произведенные при помощи равнаго количества его, будутъ имѣть равныя цѣнности, конечно, при условіяхъ, предположенныхъ относительно состава, прочности и оборота капиталовъ. Если же вознагражденіе труда различно, то и цѣнность продуктовъ будетъ различна, хотя бы интенсивность и качество труда были въ этомъ послѣднемъ случаѣ одинаковы, а въ первомъ различны. То же самое должно произойти и по теоріи Рикардо, но его изложеніе, ничего не говорящее объ уровнѣ заработной платы, оставляетъ эту сторону вопроса невыраженной.

Соотвѣтственно съ формулировкой основного закона, отличающейся отъ рикардовской, Торренсъ выводитъ также иную формулу и для исключеній, которыя Рикардо вводитъ въ свой законъ. Онъ разсматриваетъ прежде всего вопросъ о прочности капитала и утверждаетъ, что это обстоятельство не нарушаетъ установленнаго имъ общаго правила, по которому продукты, полученные при помощи равныхъ капиталовъ, равны между собою по цѣнности; но въ дѣйствительности Торренсъ измѣняетъ свою формулу, приспособляя ее къ ученію Рикардо. Говоря о прочности капитала, онъ имѣетъ въ виду не прочность постояннаго капитала по терминологіи Рикардо, а составъ всего капитала, употребляемаго въ дѣло; и въ этомъ отношеніи онъ передаетъ истинный смыслъ воззрѣнія, проводимаго Рикардо, потому что въ его разсужденіяхъ различіе въ степени прочности постояннаго капитала означаетъ ничто иное, какъ различіе въ составѣ капитала или въ быстротѣ его оборота. Торренсъ развиваетъ свою мысль на слѣдующемъ примѣрѣ.

Предположимъ, что два фабриканта, шерсти и шелка, употребляютъ, каждый, капиталъ въ 2000 ф., но первый затрачиваетъ 1500 ф. на прочныя машины и 500 ф. на заработную плату и сырой матеріалъ, а второй расходуетъ только 500 ф. на прочныя машины и

1500 ф. на заработную плату и матеріалы. Предположимъ, что ежегодно потребляется $\frac{1}{10}$ этихъ постоянныхъ капиталовъ и что уровень прибыли составляетъ 10%. Въ такомъ случаѣ продукты шерстяного производства, при капиталѣ въ 2000 ф., должны, чтобы доставить капиталисту обычную прибыль, продаваться за 2200 ф.; но такъ какъ изъ постояннаго капитала израсходована только $\frac{1}{10}$, т.-е. 150 ф., а 1350 ф. остались во владѣніи фабриканта, то этотъ остатокъ долженъ быть вычтенъ изъ 2200 ф., такъ что цѣна продукта выразится въ 850 ф. Точно также въ шелковомъ производствѣ продуктъ капитала въ 2200 ф. долженъ продаваться за 2200 ф., но изъ постояннаго капитала въ 500 ф. израсходовано только 50 ф., а 450 ф. сохранились. Если вычесть этой остатокъ изъ 2200 ф., то останется 1750 ф., которые и представляютъ цѣну шелка. Изъ этого примѣра Торренсъ выводитъ слѣдующее правило. «Когда употребляемые капиталы представляютъ равныя цѣнности и обладаютъ равной степенью прочности, то продукты, произведенные при ихъ помощи, будутъ на рынкѣ въ одинаковой цѣнѣ; но если употребляются капиталы равные по размѣрамъ, но различной прочности, то произведенные продукты вмѣстѣ съ остатками капитала въ одной отрасли будутъ равны по мѣновой цѣнности предметамъ, произведеннымъ въ другой отрасли, вмѣстѣ съ остатками употребленнаго въ ней капитала» [1]).

Приведенная формула, конечно, не то же самое, что первая. Во второмъ случаѣ мы имѣемъ два продукта, мѣновыя цѣнности которыхъ опредѣляются не количествомъ капитала, употребленнаго въ производствѣ, а тѣмъ количествомъ его, которое истрачено въ процессѣ производства + прибыль на весь капиталъ. Вводя въ свою формулу новое условіе, именно въ словахъ: «вмѣстѣ съ остаткомъ капитала», Торренсъ измѣнилъ раньше установленное имъ правило. Продукты, произведенные при помощи равныхъ капиталовъ, оказываются неравными по своей мѣновой цѣнности. На основаніи примѣра, приведеннаго Торренсомъ, нельзя какъ раньше утверждать, что отношеніе между продуктами опредѣляется количествами затраченнаго капитала, потому что истраченные капиталы относятся какъ 455 къ 1065, а цѣны продуктовъ какъ 527 къ 1065. Разница въ

[1]) Тамъ же, стр. 29.

двухъ приведенныхъ отношеніяхъ возникаетъ подъ вліяніемъ прибыли, сумма которая опредѣляется не количествомъ израсходованнаго капитала, а всей массой капитала, употребленнаго въ дѣло. Поэтому при различномъ составѣ капиталовъ, равныхъ по величинѣ, одна и та же сумма присоединяется къ разнымъ суммамъ израсходованнаго капитала и мѣняетъ ихъ отношеніе. Слѣдовательно, по теоріи Торренса мѣновая цѣнность предметовъ опредѣляется количествами затраченнаго капитала + прибыль на весь капиталъ, употребленный въ дѣло.

Что прибыль по мнѣнію Торренса составляетъ элементъ, вліяющій на мѣновую цѣнность, вытекаетъ также изъ того, что онъ обусловливаетъ установленное имъ правило обмѣна одинаковой быстротой оборота капиталовъ. При различіи условій въ этомъ отношеніи продукты, произведенные при участіи равныхъ капиталовъ будутъ, по его мнѣнію, представлять различныя цѣнности. Такое же вліяніе имѣетъ и различіе въ степени риска, съ которымъ сопряжено приложеніе капитала. Изъ этого ученія слѣдуетъ также, что неравенство уровня прибыли, отъ какихъ бы причинъ оно ни происходило, должно измѣнять мѣновую цѣнность продуктовъ, произведенныхъ при различныхъ условіяхъ въ этомъ отношеніи. Неравенство прибыли въ разныхъ отрасляхъ производства, при свободѣ конкуренціи, можетъ быть только преходящимъ явленіемъ и поэтому оказываетъ временное вліяніе на цѣнность; но при ограниченіи конкуренціи или отсутствіи ея прибыль въ разныхъ производствахъ можетъ значительно уклоняться отъ средняго уровня и различно вліять на цѣнность. При указанныхъ условіяхъ правило, по которому продукты произведенные при помощи равныхъ капиталовъ равны по цѣнности, по мнѣнію Торренса, терпитъ исключеніе.

Торренсъ рѣшительно возражаетъ противъ того, что прибыль составляетъ часть расходовъ производства и входитъ въ составъ т. н. естественной цѣны. Подъ послѣдней Торренсъ разумѣетъ только расходы производства въ буквальномъ смыслѣ, т. е. затраты въ видѣ заработной платы и постояннаго капитала. Это разсужденіе однако нисколько не мѣняетъ дѣла, потому что Торренсъ называетъ рыночной цѣной ту, которая оплачиваетъ расходы, производства + прибыль, и полагаетъ, что она не тяготѣетъ къ естественной, какъ утверждаютъ Смитъ и Рикардо, а всегда выше ея;

при нормальныхъ условіяхъ рыночная цѣна превосходитъ естественную на средній уровень прибыли, а при существованіи естественной или искусственной монополіи разница между рыночной цѣной естественной зависитъ отъ спроса и предложенія.

Между изложеннымъ взглядомъ и ученіями Рикардо и Смита существуетъ разница только въ терминологіи. То, что Рикардо называетъ стоимостью, у Торренса носитъ названіе естественной цѣны, мѣновую же цѣнность или естественную цѣну, по терминологіи Рикардо и Смита, онъ называетъ рыночной цѣной; а для того понятія, которое другіе экономисты обозначаютъ послѣднимъ терминомъ, желая отличить уклоненія отъ нормальнаго порядка, у Торренса нѣтъ особаго названія. «Предметы равные по естественной цѣнѣ, замѣчаетъ Торренсъ, въ среднемъ, будутъ также равны по рыночной цѣнѣ».

Если принять въ соображеніе различіе въ терминологіи и невыдержанность изложенія, то нельзя не признать, что у Торренса мы встрѣчаемъ рикардовскую теорію цѣнности, но формулированную такъ, что вскрывается ея основа: опредѣленіе мѣновой цѣнности и цѣны доходами тѣхъ лицъ и группъ, которые участвуютъ въ производствѣ продуктовъ. Самъ Рикардо выдвинулъ на первый планъ другую сторону своей теоріи, связь между мѣновой цѣнностью и количествомъ труда, затраченнаго на производство; Торренсъ же принадлежитъ къ группѣ писателей, у которыхъ этотъ вопросъ совершенно отодвинутъ на задній планъ. Онъ считалъ его маловажнымъ, потому что полагалъ, что условія, при которыхъ эта связь можетъ обнаружиться, очень немногочисленны. «Послѣ раздѣленія промышленныхъ членовъ общества на классы капиталистовъ и рабочихъ, говоритъ Торренсъ, существуетъ только одинъ случай, и тотъ является крайне рѣдкимъ, когда мѣновая цѣнность продуктовъ пропорціональна общему количеству труда, какъ накопленнаго, такъ и непосредственнаго, затраченнаго на производство. Это тотъ случай, когда равные капиталы или количества накопленнаго труда, даютъ занятіе одинаковымъ количествамъ непосредственнаго труда» [1]).

Случай, о которомъ говоритъ Торренсъ, какъ разъ тотъ, который имѣетъ въ виду Рикардо, когда утверждаетъ что мѣновая цѣн-

---

[1]) Стр. 38.

ность опредѣляется количествомъ труда, затраченнаго на производство. Если равные капиталы даютъ занятіе равному количеству непосредственнаго труда, то при одинаковомъ уровнѣ заработной платы и прибыли, это значитъ, что отношеніе между постояннымъ и оборотнымъ капиталомъ, по терминологіи Рикардо, въ обоихъ производствахъ одинаково.

Въ конечномъ итогѣ различіе между Рикардо и Торренсомъ сводится къ тому, что первый считалъ общимъ правиломъ комбинацію условій, при которой мѣновая цѣнность регулируется количествомъ труда, затраченнаго на производство, а уклоненія отъ этой комбинаціи исключеніями; второй же держится противоположнаго взгляда. Но какъ тотъ, такъ и другой, исходятъ изъ того принципа, что мѣновая цѣнность и цѣна продуктовъ опредѣляются доходами, которые должны быть оплачены для того, чтобы производство продолжалось. Эта идея Смита, отодвинутая на задній планъ Рикардо, была обновлена Торренсомъ при помощи рикардовской теоріи, давшей возможность точнѣе формулировать Смита. Ученіе Торренса представляетъ попытку свести въ одно цѣлое теорію Смита и Рикардо; но смитовская идея въ этомъ ученіи подавляетъ рикардовскую, такъ что вопросъ о связи между количествомъ труда, затраченнаго на производство, и цѣнностью, поставленный Рикардо, теряетъ значеніе.

Отчасти подъ вліяніемъ Торренса, частью же самостоятельно многіе другіе экономисты разработывали вопросъ о цѣнности въ томъ же направленіи. Одни полемизируя съ Рикардо, другіе выступая въ качествѣ его сторонниковъ развивали ту сторону ученія о цѣнности, которая составляетъ общій базисъ какъ у Рикардо, такъ и у Смита, но у перваго только подразумѣвается, а у второго установлена въ качествѣ главнаго принципа. Воспроизведеніе идеи Торренса, что мѣновыя цѣнности продуктовъ въ современномъ обществѣ опредѣляются не трудомъ, а капиталомъ, затраченнымъ на производство и вложеннымъ въ предпріятіе, мы находимъ у Рамзэ въ его сочиненіи: «Опытъ о распредѣленіи богатствъ» [1]). Исходя по примѣру другихъ англійскихъ экономистовъ отъ простѣйшаго порядка хозяйственныхъ отношеній, обозначеннаго первобытнымъ обще-

[1]) An Essay on the Distribution of Wealth. 1836.

ствомъ, Рамзэ полагаетъ, что на этой ступени развитія мѣновая цѣнность опредѣляется трудомъ, затраченнымъ на производство, но особенность его воззрѣнія заключается въ томъ, что онъ вводитъ уже въ это первобытное состояніе общества вліяніе постояннаго капитала, видоизмѣняющее первоначальный принципъ. Когда постоянный капиталъ становится факторомъ производства, но принадлежитъ еще самому рабочему, цѣнность продуктовъ зависитъ отъ вліянія двухъ факторовъ: труда и капитала. Такъ какъ продуктъ труда цѣликомъ поступаетъ рабочему и постоянный капиталъ также составляетъ продуктъ его же труда, то соперничество приводитъ къ тому, что главнымъ правиломъ обмѣна является количество труда, затраченнаго на производство; но это правило видоизмѣняется тѣмъ, что постоянные капиталы служатъ въ производствѣ различное время, и производители, капиталъ которыхъ дольше находится въ процессѣ производства, естественно требуютъ большаго вознагражденія за него.

Это разсужденіе Рамзэ интересно какъ поясненіе того, въ какомъ смыслѣ фигурировалъ трудъ въ ученіи экономистовъ о первобытномъ состояніи общества; очевидно какъ показатель единственнаго дохода, который долженъ быть оплаченъ цѣнностью. Совершенно послѣдовательно примѣняя тотъ же принципъ къ современному строю, Рамзэ приходитъ къ выводу, что «единственной *непосредственной* причиной, которая можетъ теперь, (т.-е. въ современномъ строѣ), опредѣлять относительныя цѣнности предметовъ, служитъ цѣнность капитала, постояннаго и оборотнаго, или дѣйствительно истраченнаго на нихъ или вложеннаго и употребленнаго, но не вполнѣ истраченнаго. Для капиталиста, замѣчаетъ онъ, не безразлично, какое количество труда было примѣнено къ дѣлу, лишь постольку, поскольку это обстоятельство повліяло на размѣръ потребовавшагося оборотнаго капитала. Все, о чемъ капиталисты заботятся, сводится къ тому, чтобы вернуть цѣнность капитала съ возможно большей прибылью. Они не обращаютъ вниманія ни на что другое. Цѣнность капитала употребленнаго и израсходованнаго, цѣликомъ или частью, составляетъ въ настоящее время единственное обстоятельство, управляющее соперничествомъ капиталистовъ, стремящихся каждый получить на свой капиталъ какъ можно больше; и это соперничество такъ регулируетъ цѣнность, чтобы каждый вернулъ свои затраты съ

соотвѣтствующей прибылью» [1]). Поэтому принципъ, по которому трудъ служитъ единственнымъ регуляторомъ мѣновой цѣнности, видоизмѣняется при трехъ условіяхъ: когда употребляется только постоянный капиталъ и продукты равныхъ капиталовъ требуютъ различныхъ промежутковъ времени, чтобы быть оконченными; 2) когда капиталы равны, но состоятъ изъ постояннаго и оборотнаго въ разныхъ пропорціяхъ; 3) когда оборотный капиталъ употребляется въ однѣхъ отрасляхъ производства, а въ другихъ не употребляется; напр. въ странахъ, гдѣ распространено мелкое землевладѣніе поселянъ собственниковъ, не считающихъ капиталомъ расходовъ на свое пропитаніе и не требующихъ на нихъ процентовъ [2]).

Мы не будемъ подробнѣе излагать аргументаціи Рамзэ, потому что изъ приведенныхъ положеній его теоріи достаточно ясно, что онъ исходитъ отъ принципа, по которому мѣновая цѣнность опредѣляется доходами. Выдвигая подобно Торренсу этотъ принципъ на первый планъ, Рамзэ придаетъ большее, чѣмъ онъ, значеніе связи между трудомъ, истраченнымъ на производство, и мѣновой цѣнностью. «Въ обществѣ на передовыхъ стадіяхъ развитія, говоритъ онъ, непосредственной причиной цѣнности, какъ мы видѣли, является совокупная цѣнность употребленнаго капитала, какъ постояннаго, такъ и оборотнаго. Но что же опредѣляетъ ихъ размѣры? Очевидно, что вся цѣнность капитала, необходимаго для какого-либо производства, должна зависѣть отъ двухъ условій: цѣнности необходимаго постояннаго капитала и количества необходимаго труда. Всякое повышеніе или пониженіе послѣдняго должно увеличивать или уменьшать размѣръ оборотнаго капитала, необходимаго для данной цѣли, и этимъ путемъ должно оказывать соотвѣтствующее вліяніе на цѣнность продукта. Кромѣ того, цѣнность самого постояннаго капитала должна зависѣть, по крайней мѣрѣ въ значительной мѣрѣ, отъ количества труда, которое въ то или другое время было истрачено на него. Такимъ образомъ, цѣнность продукта *въ конечномъ счетѣ* будетъ регулироваться, *въ наибольшей степени* совокупнымъ количествомъ труда, употребленнаго на производство отъ начала до конца его» [3])

---

[1]) Тамъ же, 47.
[2]) Тамъ же, стр. 57.
[3]) Тамъ же, стр. 57.

Тѣмъ не менѣе Рамзэ не придавалъ важнаго значенія отмѣченному факту и поэтому не задавался вопросомъ, какова именно связь, которую онъ констатировалъ. Очевидно, что и онъ вмѣстѣ съ Торренсомъ считалъ эту связь явленіемъ второстепеннымъ, а зависимость цѣнности и цѣны отъ доходовъ первостепеннымъ [1]).

Послѣдній моментъ былъ выдвинутъ и другими экономистами. Напр. анонимный авторъ небольшого трактата по Политической Экономіи, вышедшаго въ 1825 г., «Нѣсколько замѣчаній по нѣкоторымъ вопросамъ Политической Экономіи» [2]) излагаетъ ученіе Рикардо, но совершенно опускаетъ вопросъ о вліяніи затраченнаго на производство труда на мѣновую цѣнность. Его интересуетъ исключительно вліяніе факторовъ распредѣленія въ связи съ составомъ капитала.

Въ еще большей мѣрѣ проявляется та же точка зрѣнія въ книгѣ Бассетта: «Элементарныя мысли о принципахъ денежнаго обращенія и богатства». Онъ опредѣляетъ цѣнность продукта расходами, которые требуется произвести, чтобы доставить его на рынокъ. Эти расходы состоятъ изъ ренты, прибыли и труда или только нѣкоторыхъ изъ этихъ элементовъ. Мѣновая цѣнность опредѣляется спросомъ и предложеніемъ и тяготѣетъ къ естественной. Цѣна зависитъ отъ мѣновыхъ цѣнностей обмѣниваемыхъ продуктовъ. При этомъ авторъ замѣчаетъ, что развиваемое имъ ученіе предполагаетъ одинаковый уровень прибыли во всѣхъ отрасляхъ производства, и что постоянная тенденція прибыли къ среднему уровню регулируетъ цѣнность всѣхъ продуктовъ [3]).

Экономисты, о которыхъ говорилось выше, отодвинули на второй планъ или совершенно игнорировали вопросъ о связи между трудомъ и цѣнностью, потому что комбинація условій, при которыхъ эта связь, по ученію Рикардо, можетъ обнаружиться, представлялась

---

[1]) Рамзэ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ причину, по которой цѣнность не регулируется исключительно трудомъ. Капиталъ не можетъ быть примѣняемъ иначе какъ подъ условіемъ полученія на него прибыли. Между тѣмъ прибыль необходимо должна быть пропорціональна капиталу, но *не должна* необходимо быть пропорціональна количеству труда, употребляемаго на производство. И даже въ послѣднемъ случаѣ продукты, произведенные наемнымъ трудомъ, выше продуктовъ, произведенныхъ независимыми рабочими на всю величину прибыли. Essay. Стр. 60.

[2]) A few Observations on some topics in Political Economy. 1825.

[3]) Bassett. Elementary Thoughts on the Principles of Currency and Wealth. 1830, стр. 8 и сл.

имъ исключительнымъ явленіемъ въ дѣйствительности. Послѣднее соображеніе было спеціально выдвинуто Гопкинсомъ и Мальтусомъ, доказывавшими, что идея Рикардо, справедливая при наличности предположенныхъ имъ условій, вообще не осуществляется на дѣлѣ.

Гопкинсъ, какъ и вышеупомянутые авторы, исходилъ отъ положенія, по которому мѣновая цѣнность опредѣляется доходами, которые должны быть оплачены цѣною, т. е. «стоимостью существованія рабочаго, владѣльца капитала, земельнаго собственника и правительства (налоги)» [1]) но онъ совершенно отрицаетъ положеніе Рикардо о зависимости мѣновой цѣнности отъ количества труда, затраченнаго на производство. «Эта доктрина, замѣчаетъ Гопкинсъ, даетъ Рикардо возможность сохранить простоту его теоріи; и поэтому онъ игнорируетъ причины неравенства заработной платы, какъ условія, которыя не имѣютъ значенія и которыя онъ можетъ затѣмъ допустить, не колебля этимъ своей аргументаціи. Онъ самъ однако вынужденъ отступить отъ своей собственной доктрины, доказывая, что мѣновая цѣнность измѣняется въ зависимости отъ количествъ постояннаго и оборотнаго капиталовъ, употребленныхъ на производство. Его способъ опредѣленія мѣновой цѣнности вызываетъ возраженія, 1) потому что на производство нѣкоторыхъ продуктовъ употребляется значительный капиталъ, между тѣмъ какъ на производство другихъ почти никакого; и хотя бы на эти продукты расходовалось одинаковое количество труда, они будутъ имѣть неодинаковую мѣновую цѣнность, потому что въ цѣнность однихъ изъ нихъ входитъ прибыль на значительный капиталъ, а цѣнность другихъ почти не заключаетъ никакой прибыли. 2) Вслѣдствіе причинъ, постоянно находящихся въ дѣйствіи, продукты равныхъ количествъ труда и капитала не всегда обмѣниваются другъ на друга. Продуктъ одного дня труда въ одной отрасли будетъ обычно обмѣниваться на продуктъ двухъ дней труда въ другой отрасли; и точно также одинаковыя количества капитала приносятъ очень неравныя прибыли, и эти неравныя прибыли оплачиваются продуктами, дѣлая ихъ мѣновыя цѣнности неравными. 3) При нѣкоторыхъ условіяхъ земельная рента можетъ составить значительную часть мѣновой

[1]) Economical Enquiries relative to the Laws, which regulate rent, profit, wages and the value of Money. 1822, стр. 10.

цѣнности продуктовъ, между тѣмъ какъ при другихъ она составитъ только небольшую часть; и она вѣроятно всегда составляетъ нѣкоторую часть цѣнности въ густо-населенныхъ странахъ. По указаннымъ выше причинамъ, не говоря о налогахъ, количество труда, употребленнаго на продукты, въ дѣйствительности не опредѣляетъ ихъ мѣновыхъ цѣнностей; поэтому неправильно въ экономическихъ изслѣдованіяхъ принимать трудъ, затраченный на производство, въ качествѣ мѣрила цѣнности, если можно найти другое мѣрило, ближе подходящее къ дѣйствительнымъ условіямъ дѣятельности людей» [1]).

Едва ли не въ самой рѣшительной формѣ высказался по этому вопросу Мальтусъ, который, подобно перечисленнымъ выше авторамъ, придавалъ первостепенное значеніе изъятіямъ, допущеннымъ Рикардо въ ученіи о трудѣ, какъ мѣрилѣ цѣнности.

Возраженія Мальтуса любопытны въ томъ отношеніи, что они ясно показываютъ, въ какомъ смыслѣ и Рикардо, и многіе его современники понимали вопросъ о вліяніи, которое оказываетъ на цѣнность трудъ, затраченный на производство. Мальтусъ оспариваетъ ученіе Рикардо, не подвергая ни одной минуты сомнѣнію того, что мѣновая цѣнность опредѣляется доходами, оплата которыхъ необходима, чтобы производство продолжалось. Это особенно ясно въ его сочиненіи, посвященномъ вопросу объ измѣреніи цѣнностей. Исходнымъ пунктомъ его разсужденій служитъ ученіе Смита, которое онъ понимаетъ такъ. «Изъ принциповъ Адама Смита, говоритъ онъ, непосредственно слѣдуетъ, что условіемъ снабженія значительной массы продуктовъ служитъ такая высота цѣны, при которой возможна была бы оплата труда, прибыли и ренты, необходимыхъ для ихъ производства. Если эти платежи производятся въ деньгахъ по обычному уровню даннаго времени, то они составляютъ то, что Адамъ Смитъ называетъ естественными цѣнами продуктовъ. Деньги однако, какъ мы знаемъ, непостоянны въ своей цѣнности; но если мы замѣнимъ деньги предметами, необходимыми для того, чтобы дать производителю такую же силу производить и накоплять, какую предоставили бы ему естественныя денежныя цѣны, то такія полученія могутъ быть разсматриваемы какъ естественныя условія снабженія продуктами, и могутъ правильно быть названы ихъ есте-

[1]) Тамъ же, стр. 7.

ственной цѣнностью въ отличіе отъ ихъ естественной цѣны» [1]). Указанныя три условія снабженія Мальтусъ называетъ элементами естественной цѣнности, изъ которыхъ заработную плату и прибыль онъ считаетъ наиболѣе важными [2]).

Отсюда Мальтусъ дѣлаетъ заключеніе, что цѣнность предметовъ, составляясь изъ двухъ элементовъ, «не можетъ зависѣть исключительно отъ одного изъ нихъ». Это, по его мнѣнію, можетъ явиться только результатомъ случайности или тогда, когда одинъ изъ элементовъ можетъ быть разсматриваемъ какъ данная и общая всѣмъ случаямъ величина. «Всѣ признаютъ, что цѣнность значительной массы продуктовъ въ цивилизованныхъ и развитыхъ странахъ состоитъ по крайней мѣрѣ изъ двухъ элементовъ—труда и прибыли; слѣдовательно, мѣновая цѣнность продуктовъ, въ составъ которой эти два элемента входятъ въ качествѣ условій снабженія, не будетъ зависѣть исключительно отъ количества труда, израсходованнаго на нихъ, за исключеніемъ совершенно особыхъ случаевъ, когда и срокъ возвращенія авансовъ и пропорціи постояннаго и оборотнаго капиталовъ одинаковы. Поэтому нельзя сказать, оставаясь сколько-нибудь точнымъ, что трудъ, употребленный на производство, составляетъ мѣрило мѣновой цѣнности. Если къ накопленному и непосредственному труду, употребленному на продукты, мы прибавимъ прибыль на всѣ затраты за время, на которое онѣ были авансированы, то мы такимъ образомъ примемъ въ соображеніе другой элементъ цѣнности и можемъ разсчитывать на полученіе болѣе точнаго мѣрила». Поэтому Мальтусъ совершенно соглашается съ формулировкой Торренса, утверждающаго въ сущности, что цѣнность продукта опредѣляется количествомъ труда, затраченнаго на его производство, вмѣстѣ съ прибылью на весь вложенный капиталъ» [3]).

Мальтусъ не разграничиваетъ ученій Смита и Рикардо, считая ихъ построенными на однихъ и тѣхъ же принципахъ. Онъ оспариваетъ только одинъ пунктъ этой теоріи, введенный Рикардо, именно, что трудъ является мѣриломъ цѣнности, *какъ общее правило*. Считая совпаденіе необходимыхъ для этого условій случайностью Маль-

---

[1]) Measure, стр. 4.

[2]) См. также Definitions, стр. 110—111.

[3]) Measure, стр. 11.

[illegible] КАБИНЕТЪ Б. Ж. К.

тусъ замѣчаетъ, что самъ Рикардо признавалъ важную роль быстроты оборота и состава капиталовъ, но въ позднѣйшемъ изданіи своего сочиненія очень смягчилъ значеніе этихъ условій. Въ оцѣнкѣ степени этого значенія Мальтусъ и расходится съ Рикардо. По его мнѣнію, указанныя условія «теоретически и практически такъ важны, что совершенно разрушаютъ положеніе, по которому продукты обмѣниваются между собою соотвѣтственно количеству употребленнаго на нихъ труда». При этомъ однако Мальтусъ прибавляетъ, что никто, сколько ему извѣстно, никогда не отрицалъ, что различіе въ количествѣ труда, употребленнаго на производство, составляетъ «самую важную причину различія цѣнностей» [1]).

Развивая изложенную точку зрѣнія, Мальтусъ отступаетъ отъ Смита, Рикардо и цѣлаго ряда другихъ экономистовъ прежде всего въ томъ, что не признаетъ труда, затраченнаго на производство, мѣриломъ мѣновой цѣнности даже на первоначальныхъ ступеняхъ развитія. Онъ полагаетъ, что уже въ т. н. первобытномъ обществѣ прибыль является весьма важнымъ элементомъ, входящимъ въ составъ мѣновой цѣнности, какъ «необходимое условіе изготовленія предмета», Даже для того, чтобы сдѣлать лукъ и стрѣлу, говоритъ Мальтусъ, необходимо, чтобы дерево и тростникъ были какъ слѣдуетъ высушены и приготовлены, и то время, въ теченіе котораго эти матеріалы должны будутъ находиться у рабочаго, прежде чѣмъ работа будетъ окончена, тотчасъ же вводитъ новый элементъ въ подсчетъ цѣнности. Различіе въ быстротѣ оборотовъ является совершенно новымъ элементомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ количествомъ труда, затраченнаго на капиталъ; а между тѣмъ во всѣхъ періодахъ общественнаго развитія, какъ въ самыхъ раннихъ, такъ и въ позднѣйшихъ, это обстоятельство имѣетъ чрезвычайную важность при опредѣленіи мѣновой цѣнности» [2]). Мальтусъ придаетъ отмѣченному имъ моменту особенно важное значеніе именно на раннихъ ступеняхъ развитія общества, потому что тогда прибыль высока, и при различіи въ быстротѣ оборота она должна оказывать очень сильное вліяніе на мѣновую цѣнность [3]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 12– 13.

[2]) Principles of P. E., 2 ed., 1836, стр. 85—86.

[3]) Measure, стр. 8—10 и 40—41.

Въ странахъ передовыхъ прибыль на капиталъ не такъ высока, какъ въ первобытномъ обществѣ, и поэтому быстрота или медленность оборотовъ не будетъ такъ сильно вліять на различіе въ цѣнѣ, поскольку это зависитъ отъ уровня прибыли; но зато различіе въ количествахъ постояннаго капитала, употребляемыхъ въ дѣло, чрезвычайно значительно, и едва ли оно бываетъ одинаково даже въ производствѣ двухъ продуктовъ. Различіе же въ оборотахъ капитала колеблется между 2—3 днями и 2—3 годами, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и больше [1]).

Дѣло представляется въ современномъ обществѣ въ слѣдующемъ видѣ. Существуетъ очень значительный разрядъ предметовъ, въ производствѣ которыхъ употребляется большое количество постояннаго капитала; причемъ проходитъ много времени прежде, чѣмъ возвращается капиталъ, постоянный или оборотный. Въ производствѣ такихъ продуктовъ отношеніе капитала къ количеству труда, которое ежегодно употребляется въ дѣло, бываетъ весьма различно; и во всѣхъ этихъ случаяхъ естественно предполагать, что пониженіе цѣны, происходящее отъ паденія прибыли, должно болѣе, чѣмъ перевѣсить повышеніе цѣны, котораго естественно было бы ожидать вслѣдствіе вздорожанія труда. Слѣдовательно, при повышеніи цѣны труда и пониженіи уровня прибыли всѣ продукты той категоріи, о которой здѣсь идетъ рѣчь, должны въ разныхъ пропорціяхъ понизиться въ цѣнѣ.

Съ другой стороны существуетъ значительный классъ продуктовъ, въ производствѣ которыхъ, вслѣдствіе отсутствія постояннаго капитала и благодаря быстротѣ возобновленія оборотнаго, отношеніе капитала къ количеству примѣняемаго труда очень мало. Капиталъ въ 100 ф., оборачивающійся каждую недѣлю, могъ бы содержать ежегодно такое же количество труда, какъ 2,600 ф., которые оборачивались бы въ теченіе года; и если бы капиталъ оборачивался приблизительно каждый день, что̀ дѣйствительно и бываетъ въ немногихъ случаяхъ, то сумма денегъ, нѣсколько превышающая дневной заработокъ одного человѣка, могла бы оплатить болѣе 300 дней труда въ теченіе года. «Совершенно очевидно, замѣчаетъ Мальтусъ, что изъ прибыли на такой ничтожный капиталъ было бы совершенно невозможно по-

[1]) Principles, стр. 88.

крыть повышеніе въ цѣнѣ труда не только на 7%, но даже на ½%. Въ первомъ случаѣ повышеніе цѣны труда всего въ ½% при той же цѣнѣ продукта поглотило бы болѣе, чѣмъ всю сумму прибыли отъ 100 ф., а во второмъ случаѣ гораздо болѣе, чѣмъ весь авансированный капиталъ. Поэтому, изготовленіе такихъ продуктовъ должно было бы прекратиться при вздорожаніи труда, если бы цѣны ихъ не повысились. Несомнѣнно, что окажется категорія продуктовъ, цѣна которыхъ подъ вліяніемъ указанныхъ выше двухъ противоположныхъ причинъ останется безъ измѣненія; но по самому существу дѣла этотъ классъ долженъ представлять собою такъ сказать линію, которая, гдѣ бы она ни была проведена, можетъ охватить только небольшое число предметовъ. Всѣ же остальные продукты при повышеніи цѣны труда и пониженіи прибыли повысятся или понизятся въ цѣнѣ, хотя на ихъ производство будетъ употребляться такое же количество труда, какъ и раньше. «Что же въ такомъ случаѣ становится съ ученіемъ, по которому мѣновая цѣнность продуктовъ пропорціональна затраченному на нихъ труду? Вмѣсто того, чтобы сохранять прежнюю цѣнность, когда на нихъ употребляется одинаковое количество труда, продукты подъ вліяніемъ хорошо извѣстныхъ причинъ, имѣющихъ постоянное и всеобщее дѣйствіе, за немногими исключеніями, измѣняются въ своихъ цѣнностяхъ вмѣстѣ съ измѣненіями въ уровнѣ и количествѣ прибылей» [1]). «Самое поверхностное наблюденіе убѣдитъ насъ въ томъ, что послѣ того, какъ будутъ сдѣланы всѣ необходимыя оговорки относительно временныхъ уклоненій отъ естественнаго и обыкновеннаго положенія вещей, категоріи предметовъ, подлежащихъ этому закону обмѣна (Рикардо), окажутся въ высшей степени ограниченными; между тѣмъ категоріи, не подлежащія ему, охватываютъ значительную массу предметовъ. Дѣйствительно, самъ Рикардо допускаетъ важныя исключенія изъ установленнаго имъ правила; но если мы разсмотримъ категоріи, подходящія подъ его исключенія, т.-е. случаи, когда количества употребленнаго постояннаго капитала различны и имѣютъ различныя степени прочности и когда періоды возвращенія оборотнаго капитала неодинаковы, то эти исключенія окажутся столь многочисленными, что правило придется признать исключеніемъ, а исключеніе правиломъ» [2]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 91.

[2]) Definitions, стр. 27.

На основаніи высказанныхъ соображеній Мальтусъ приходитъ къ выводу, что едва ли возможно найти два предмета различнаго рода, которые обмѣнивались бы между собою пропорціонально труду, затраченному на ихъ производство. Такое правило можно было бы, по его мнѣнію, вывести только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы признать прибыль на капиталъ заработной платой накопленнаго труда; но еще Ад. Смитъ показалъ, что прибыль опредѣляется совершенно иными законами, чѣмъ заработная плата. Поэтому отнесеніе ихъ къ одному виду доходовъ могло бы только внести путаницу въ терминологію и затемнить истинный смыслъ понятій, съ которыми имѣетъ дѣло политическая экономія. «Съ такимъ же правомъ, замѣчаетъ Мальтусъ, можно было бы назвать ренту заработной платой» [1]). Сдѣлавъ всѣ приведенныя выше оговорки, Мальтусъ совершенно вѣрно устанавливаетъ условія, при которыхъ положеніе Рикардо можетъ быть признано справедливымъ. По его мнѣнію, «если примѣнять его только къ мѣновымъ отношеніямъ между предметами и предполагать всѣ другія условія равными; т.-е. считать, что существуютъ: средній уровень прибыли и заработной платы, одинаковое отношеніе между постояннымъ и оборотнымъ капиталомъ, одинаковая прочность постоянныхъ капиталовъ и одинаковое время возвращенія оборотнаго, то въ такомъ случаѣ относительныя цѣнности продуктовъ дѣйствительно будутъ опредѣляться количествомъ человѣческаго труда, употребленнаго на нихъ» [2]).

Теорія Рикардо представляетъ ученіе объ относительной цѣнности; однако въ основѣ его лежитъ не только та мысль, что въ современномъ хозяйственномъ строѣ цѣнность опредѣляется покупательной силой предметовъ, но и та, что покупательная сила регулируется трудомъ. Послѣднее положеніе составляетъ необходимое условіе рикардовской теоріи, безъ котораго вся она теряетъ научное значеніе. Экономисты, о которыхъ говорилось выше, совершенно устранили и отодвинули на второй планъ трудовое начало и поэтому относительная цѣнность свелась у нихъ къ отношенію между двумя конкретными предметами, которые обмѣниваются другъ на друга.

---

[1]) Тамъ же. См. также стр. 100.

[2]) Тамъ же.

крыть повышеніе въ цѣнѣ труда не только на 7%, но даже на ½%. Въ первомъ случаѣ повышеніе цѣны труда всего въ ½% при той же цѣнѣ продукта поглотило бы болѣе, чѣмъ всю сумму прибыли отъ 100 ф., а во второмъ случаѣ гораздо болѣе, чѣмъ весь авансированный капиталъ. Поэтому, изготовленіе такихъ продуктовъ должно было бы прекратиться при вздорожаніи труда, если бы цѣны ихъ не повысились. Несомнѣнно, что окажется категорія продуктовъ, цѣна которыхъ подъ вліяніемъ указанныхъ выше двухъ противоположныхъ причинъ останется безъ измѣненія; но по самому существу дѣла этотъ классъ долженъ представлять собою такъ сказать линію, которая, гдѣ бы она ни была проведена, можетъ охватить только небольшое число предметовъ. Всѣ же остальные продукты при повышеніи цѣны труда и пониженіи прибыли повысятся или понизятся въ цѣнѣ, хотя на ихъ производство будетъ употребляться такое же количество труда, какъ и раньше. «Что же въ такомъ случаѣ становится съ ученіемъ, по которому мѣновая цѣнность продуктовъ пропорціональна затраченному на нихъ труду? Вмѣсто того, чтобы сохранять прежнюю цѣнность, когда на нихъ употребляется одинаковое количество труда, продукты подъ вліяніемъ хорошо извѣстныхъ причинъ, имѣющихъ постоянное и всеобщее дѣйствіе, за немногими исключеніями, измѣняются въ своихъ цѣнностяхъ вмѣстѣ съ измѣненіями въ уровнѣ и количествѣ прибылей» [1]). «Самое поверхностное наблюденіе убѣдитъ насъ въ томъ, что послѣ того, какъ будутъ сдѣланы всѣ необходимыя оговорки относительно временныхъ уклоненій отъ естественнаго и обыкновеннаго положенія вещей, категоріи предметовъ, подлежащихъ этому закону обмѣна (Рикардо), окажутся въ высшей степени ограниченными; между тѣмъ категоріи, не подлежащія ему, охватываютъ значительную массу предметовъ. Дѣйствительно, самъ Рикардо допускаетъ важныя исключенія изъ установленнаго имъ правила; но если мы разсмотримъ категоріи, подходящія подъ его исключенія, т.-е. случаи, когда количества употребленнаго постояннаго капитала различны и имѣютъ различныя степени прочности и когда періоды возвращенія оборотнаго капитала неодинаковы, то эти исключенія окажутся столь многочисленными, что правило придется признать исключеніемъ, а исключеніе правиломъ» [2]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 91.

[2]) Definitions, стр. 27.

На основаніи высказанныхъ соображеній Мальтусъ приходитъ къ выводу, что едва ли возможно найти два предмета различнаго рода, которые обмѣнивались бы между собою пропорціонально труду, затраченному на ихъ производство. Такое правило можно было бы, по его мнѣнію, вывести только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы признать прибыль на капиталъ заработной платой накопленнаго труда; но еще Ад. Смитъ показалъ, что прибыль опредѣляется совершенно иными законами, чѣмъ заработная плата. Поэтому отнесеніе ихъ къ одному виду доходовъ могло бы только внести путаницу въ терминологію и затемнить истинный смыслъ понятій, съ которыми имѣетъ дѣло политическая экономія. «Съ такимъ же правомъ, замѣчаетъ Мальтусъ, можно было бы назвать ренту заработной платой» [1]). Сдѣлавъ всѣ приведенныя выше оговорки, Мальтусъ совершенно вѣрно устанавливаетъ условія, при которыхъ положеніе Рикардо можетъ быть признано справедливымъ. По его мнѣнію, «если примѣнять его только къ мѣновымъ отношеніямъ между предметами и предполагать всѣ другія условія равными; т.-е. считать, что существуютъ: средній уровень прибыли и заработной платы, одинаковое отношеніе между постояннымъ и оборотнымъ капиталомъ, одинаковая прочность постоянныхъ капиталовъ и одинаковое время возвращенія оборотнаго, то въ такомъ случаѣ относительныя цѣнности продуктовъ дѣйствительно будутъ опредѣляться количествомъ человѣческаго труда, употребленнаго на нихъ» [2]).

Теорія Рикардо представляетъ ученіе объ относительной цѣнности; однако въ основѣ его лежитъ не только та мысль, что въ современномъ хозяйственномъ строѣ цѣнность опредѣляется покупательной силой предметовъ, но и та, что покупательная сила регулируется трудомъ. Послѣднее положеніе составляетъ необходимое условіе рикардовской теоріи, безъ котораго вся она теряетъ научное значеніе. Экономисты, о которыхъ говорилось выше, совершенно устранили и отодвинули на второй планъ трудовое начало и поэтому относительная цѣнность свелась у нихъ къ отношенію между двумя конкретными предметами, которые обмѣниваются другъ на друга.

---

[1]) Тамъ же. См. также стр. 100.

[2]) Тамъ же.

При такой постановкѣ вопроса устраняется самое понятіе цѣнности, какъ оцѣнки или значенія, и вмѣсто нея устанавливается понятіе цѣны, какъ конкретнаго отношенія. Противъ замѣны цѣнности цѣной нельзя было бы ничего возразить, если бы подъ понятіе цѣны можно было подвести всю совокупность явленій оцѣнки хозяйственныхъ благъ; но именно этого нельзя сдѣлать.

Вопросъ объ устраненіи изъ области Политической Экономіи категоріи цѣнности служилъ предметомъ полемики между Бэли, авторомъ спеціальнаго трактата о цѣнности, и Мальтусомъ. Аргументы, представленные съ той и другой стороны, значительно освѣщаютъ этотъ предметъ, въ виду чего мы считаемъ необходимымъ остановиться на нихъ.

Пониманіе цѣнности, исключительно какъ отношенія между двумя продуктами, составляетъ основное положеніе сочиненія Бэли[1]). Авторъ называетъ цѣнностью субъективную оцѣнку хозяйственныхъ благъ. «Цѣнность, въ своемъ конечномъ значеніи, говоритъ онъ, представляется оцѣнкой, которая дѣлается какому-либо предмету. Строго говоря, она обозначаетъ дѣйствіе произведенное на сознаніе, но такъ какъ мы привыкли въ другихъ случаяхъ давать общее названіе и ощущенію, и причинѣ, которой оно вызвано, и соединять ихъ въ нашихъ мысляхъ, то и въ этомъ случаѣ мы разсматриваемъ цѣнность какъ свойство внѣшнихъ предметовъ». Названіе цѣнности, какъ его употребляетъ политико-экономъ, не означаетъ однако оцѣнки въ обычномъ смыслѣ, напр. когда мы оцѣниваемъ предметы сами по себѣ, безъ отношенія другъ къ другу, съ точки зрѣнія удовольствія или удовлетворенія, которое они могутъ намъ доставить. Понятіе цѣнности возникаетъ лишь тогда, когда предметы разсматриваются какъ объекты предпочтенія (preference) или мѣны. Когда мы становимся на эту точку зрѣнія, то наша оцѣнка одного предмета, или наше желаніе обладать имъ, можетъ быть одинаково, больше или меньше, чѣмъ оцѣнка, которую мы дѣлаемъ другому предмету: она можетъ быть напр. въ два раза больше, или, другими словами, мы отдали бы одинъ предметъ перваго рода за два второго. Пока мы разсматриваемъ предметы въ отдѣльности, мы можемъ очень восхищаться ими и питать къ нимъ большое пристрастіе, но мы не въ состояніи

[1]) A critical Dissertation on the Nature, Measures and Causes of Value. 1825.

выражать нашихъ ощущеній въ опредѣленной формѣ [1]). Эта возможность является лишь тогда, когда передъ нами два предмета, являющіеся объектами выбора или мѣны.

Цѣнность, понимаемая въ этомъ смыслѣ, не является выраженіемъ положительной оцѣнки; она представляетъ только относительную оцѣнку, или вѣрнѣе отношеніе, въ которомъ два предмета А и Б находятся другъ къ другу по значенію, которое мы имъ придаемъ. Это отношеніе можетъ быть выражено только количественно. Цѣнность А выражается въ количествѣ Б, на которое А обмѣнивается, и точно также цѣнность Б выражается въ извѣстномъ количествѣ А. Поэтому цѣнность А можетъ быть обозначена какъ сила, которой оно обладаетъ или которую оно сообщаетъ,—сила, дающая возможность купить или получить въ обмѣнъ Б. На основаніи высказанныхъ соображеній авторъ признаетъ въ общемъ правильнымъ опредѣленіе Смита, что цѣнность какого-либо предмета «выражаетъ силу покупать другіе предметы, сообщаемую его обладаніемъ».

Изъ понятія цѣнности какъ отношенія слѣдуетъ, что цѣнность одного изъ сравниваемыхъ предметовъ не можетъ измѣняться безъ того, чтобы одновременно не измѣнилась также цѣнность другого. Было бы противно здравому смыслу предполагать, что цѣнность А по отношенію къ Б могла бы измѣниться безъ того, чтобы измѣнилась цѣнность Б по отношенію къ А. По мнѣнію Бэли, это было бы также нелѣпо, какъ предположеніе, что можетъ измѣниться разстояніе земли отъ солнца безъ того, чтобы не измѣнилось разстояніе отъ солнца до земли.

Могутъ замѣтить, что понятіе относительной цѣнности предполагаетъ существованіе положительной: если мы говоримъ, что цѣнность А равна цѣнности Б, то это выраженіе предполагаетъ присутствіе въ А и Б извѣстнаго внутренняго и абсолютнаго свойства; ибо въ противномъ случаѣ, какимъ образомъ можно было бы утверждать, что между этими двумя цѣнностями существуетъ равенство? На это Бэли отвѣчаетъ, что выраженіе «цѣнность А равна цѣнности Б», не точно передаетъ смыслъ того, что утверждается въ этомъ положеніи. Смыслъ этотъ заключается въ томъ, что А обмѣнивается на Б—положеніе, которое отнюдь не предпо-

[1]) Тамъ же. стр. 2.

лагаетъ какого-либо внутренняго или абсолютнаго свойства въ обмѣниваемыхъ предметахъ. Форма, въ которой выражается представленіе о мѣнѣ между А и Б, вызываетъ идею чего-то абсолютнаго потой причинѣ, что мы всегда подразумѣваемъ отношеніе сравниваемыхъ предметовъ къ третьему, служащему базисомъ для сравненія. Говоря, что цѣнность А равна цѣнности Б, мы утверждаемъ только, что А и Б находятся въ одинаковомъ отношеніи къ тому предмету, который исполняетъ функціи денегъ. Этотъ подразумѣваемый смыслъ положенія о равенствѣ цѣнностей двухъ сравниваемыхъ предметовъ и придаетъ понятію цѣнности характеръ чего то абсолютнаго, который въ дѣйствительности совершенно чуждъ ей.

Съ изложенной точки зрѣнія Бэли критикуетъ Рикардо, утверждая, что ему не былъ ясенъ относительный характеръ цѣнности; иначе онъ не могъ бы утверждать въ полемикѣ съ Сэ, что если бы количество труда, требуемое производствомъ всѣхъ предметовъ, кромѣ сукна, сократилось вдвое, то было бы правильно сказать, что цѣнность сукна не измѣнилась, а всѣ другіе предметы понизились въ цѣнности въ два раза. Сказать это, по мнѣнію Бэли, все равно, что утверждать, что сходство портрета съ оригиналомъ не утратилось, потому что хотя лицо человѣка, съ котораго снятъ портретъ, измѣнилось, тѣмъ не менѣе самый портретъ остался безъ измѣненій.

«Мое положеніе, говоритъ Бэли, заключается въ слѣдующемъ: если причины, вліяющія на какой-нибудь предметъ остаются безъ измѣненій, то цѣнность этого предмета не измѣнится только въ томъ случаѣ, когда причины, вліяющія на всѣ другіе предметы, также не подвергнутся измѣненіямъ. Рикардо же утверждаетъ слѣдующее: если бы причины, вліяющія на какой-нибудь продуктъ оставались всегда однѣ и тѣ же, то онъ не измѣнялся бы въ своей цѣнности по отношенію къ продуктамъ, произведеннымъ при одинаковыхъ условіяхъ, какія бы измѣненія ни происходили въ причинахъ, вліяющихъ на эти продукты, лишь бы только эти измѣненія не распространялись на пропорцію между постояннымъ и оборотнымъ капиталомъ, на прочность постояннаго или продолжительность капитала времени, требуемаго для того,чтобы доставить предметъ на рынокъ. Я утверждаю, что если бы всѣ предметы производились при совершенно одинаковыхъ условіяхъ, напр. при помощи одного труда, то и въ

этомъ случаѣ предметъ, который всегда требовалъ бы одинаковаго количества труда, не могъ бы оставаться неизмѣннымъ въ своей цѣнности, если бы всѣ другіе предметы подверглись измѣненіямъ; Рикардо же говоритъ, что такой предметъ былъ бы неизмѣннымъ въ своей цѣнности и, по его теоріи, представлялъ бы совершенное мѣрило для всѣхъ другихъ предметовъ» [1]). Бэли подвергаетъ критикѣ и положеніе Мальтуса, утверждающаго (въ Measure of Value, стр. 1 и сл.), что предметъ, который оставался бы всегда неизмѣннымъ въ своей цѣнности, могъ бы служить неизмѣннымъ мѣриломъ, и что цѣнность всѣхъ другихъ предметовъ, выраженная въ этомъ мѣрилѣ, была бы ихъ абсолютной или естественной цѣнностью, а цѣнность какого-либо предмета, выраженная въ другомъ предметѣ, подверженномъ измѣненіямъ, представлялась бы только номинальной или относительной.

Изъ основного положенія объ относительномъ характерѣ цѣнности Бэли дѣлаетъ рядъ выводовъ.

Первый выводъ заключается въ томъ, что онъ отрицаетъ какое-либо основаніе различать реальную и номинальную цѣнность, и считаетъ эти термины вполнѣ произвольными и совершенно безполезными. Указавъ на то, что Смитъ, Мальтусъ и Рикардо проводятъ указанное различіе, Бэли говоритъ: «Какія свѣдѣнія сообщаются или какой прогрессъ въ аргументаціи достигается, когда намъ говорятъ, что цѣнность, опредѣляемая такимъ то путемъ будетъ реальной, а другимъ номинальной? Такъ какъ цѣнность какого угодно предмета обозначаетъ его отношеніе въ обмѣнѣ къ какому-нибудь другому предмету, то мы можемъ говорить о ней какъ о цѣнности въ деньгахъ, цѣнности въ хлѣбѣ, цѣнности въ сукнѣ, смотря по тому, съ какимъ предметомъ производится сравненіе; поэтому существуетъ тысяча различныхъ видовъ цѣнности,—столько видовъ, сколько существуетъ предметовъ, и всѣ они въ равной мѣрѣ и реальны, и номинальны. Мы ничего не выигрываемъ въ ясности или точности употребляя эти термины; напротивъ, они взваливаютъ на насъ тяжелое бремя неопредѣленности, двусмысленности и непроизводительнаго обсужденія» [2]).

Въ подтвержденіе этого заявленія Бэли ссылается на нѣкоторыя положенія, высказанныя де Квинси. Разсматривая цѣнность какъ

[1]) Тѣмъ же стр. 20—21.

[2]) Тамъ же, стр. 39.

нѣчто положительное и абсолютное и совершенно упуская ея относительный характеръ, этотъ писатель, по мнѣнію Бэли, разсуждаетъ такъ, что если бы на свѣтѣ существовало только два продукта и вслѣдствіе какой либо причины производство каждаго изъ нихъ потребовало вдвое большаго количества труда, чѣмъ прежде, то оба эти предмета въ два раза повысились бы въ своей реальной цѣнности, хотя отношеніе между ними осталось бы безъ измѣненій. Словомъ, реальная цѣнность, по этой теоріи, разсматривается какъ самостоятельный продуктъ труда; и если поэтому вслѣдствіе какихъ бы то ни было причинъ количество труда, требуемаго на производство данныхъ предметовъ, возрастаетъ, ихъ реальная цѣнность также увеличивается. Отсюда парадоксъ «что *А* можетъ постоянно возрастать въ цѣнности (въ *реальной* замѣтьте)! и все-таки покупать постоянно уменьшающееся количество *Б.*». По мнѣнію Бэли, это положеніе рушится, какъ только мы предложимъ автору вопросъ: цѣнность *въ чемъ* онъ разумѣетъ? Такъ какъ цѣнность должна быть цѣнностью въ чемъ нибудь или въ отношеніи къ чему нибудь, то приведенное выше положеніе, если вообще оно имѣетъ какой нибудь смыслъ, можетъ значить только слѣдующее: 1) что *А* можетъ увеличиваться въ цѣнности по отношенію къ *Б* и все таки обмѣниваться на постоянно уменьшающееся количество этого самаго Б; или 2) что *А* можетъ постоянно увеличиваться въ цѣнности въ отношеніи къ другимъ продуктамъ или, что все равно, къ какому-нибудь третьему предмету *С*, въ то время какъ это *А* будетъ обмѣниваться на постоянно уменьшающееся количество *Б*. Въ первомъ случаѣ, получается абсурдъ; а во второмъ трюизмъ, на доказательство котораго не стоитъ тратить словъ [1]).

Второй выводъ, дѣлаемый Бэли изъ относительнаго характера цѣнности, состоитъ въ томъ, что цѣнность труда является столь же мало постоянной, какъ цѣнность всякаго другого предмета. Она означаетъ покупательную силу труда по отношенію къ другимъ благамъ и поэтому представляетъ, какъ и во всѣхъ прочихъ случаяхъ, отношеніе. Трудъ имѣетъ высокую цѣнность, когда за него можно купить значительное количество другихъ предметовъ, и низкую, когда онъ об-

[1]) Тамъ же, стр. 43.

мѣнивается на небольшое количество. Слѣдовательно, съ точки зрѣнія Бэли, о постоянной цѣнности труда не можетъ быть рѣчи [1]).

Дальнѣйшее слѣдствіе, вытекающее изъ теоріи Бэли, заключается въ томъ, что сравненіе цѣнности продуктовъ въ различные періоды времени неосуществимо. Изъ развитаго выше ученія необходимо слѣдуетъ, что отношеніе, составляющее содержаніе цѣнности, немыслимо между извѣстнымъ предметомъ въ одинъ періодъ и тѣмъ же предметомъ въ другой періодъ. Мы не можемъ опредѣлить отношеніе сукна въ данное время къ сукну въ другое время, какъ мы опредѣляемъ отношеніе сукна къ хлѣбу въ тотъ или другой моментъ. Все, что мы въ состояніи сдѣлать, это сравнить отношеніе, въ которомъ сукно находилось къ какому-нибудь другому предмету въ тотъ или другой періодъ времени. Когда мы говоримъ, что данный предметъ въ прежнее время имѣлъ опредѣленную цѣнность, мы разумѣемъ, что онъ обмѣнивался на извѣстное количество какого-нибудь другого предмета; но это выраженіе непримѣнимо, когда мы говоримъ только объ одномъ предметѣ въ два различныхъ періода. Мы не можемъ сказать, что пара чулокъ въ царствованіе Якова I обмѣнивалась бы на 6 паръ въ наше время, потому что цѣнность представляетъ отношеніе между предметами, сосуществующими во времени. Только такіе предметы могутъ обмѣниваться другъ на друга; и если мы сравниваемъ цѣнность извѣстнаго предмета въ данное время съ его цѣнностью въ другое время, то мы сравниваемъ лишь отношеніе, въ которомъ этотъ предметъ находился къ какому-нибудь другому въ различные періоды времени.

Сравненіе цѣнностей одного и того же предмета въ различныя времена, какъ показываетъ Бэли, необходимо предполагаетъ существованіе абсолютной цѣнности, т. е. такой оцѣнки предмета, которая основывалась бы не на отношеніи даннаго предмета къ другому въ обмѣнѣ, а на сопоставленіи оцѣниваемаго предмета съ какимъ-либо неизмѣннымъ мѣриломъ. Это замѣчаніе относится ко всѣмъ попыткамъ сравнивать цѣнности въ разные періоды, каково бы ни было мѣрило, избираемое для этой цѣли. Поэтому авторъ относится въ одинаковой мѣрѣ отрицательно къ сужденіямъ по этому предмету какъ Рикардо и де Квинси, такъ и Смита и Мальтуса. [2]).

[1]) Гл. III.

[2]) Гл. V.

Вышеизложенныя соображенія Бэли достаточно ясно опредѣляютъ его точку зрѣнія по вопросу о мѣрилѣ цѣнности. Такъ какъ цѣнность, по его теоріи, представляетъ только отношеніе одного предмета къ другому, то сравненіе цѣнностей различныхъ предметовъ въ разное время можетъ имѣть только одинъ смыслъ: сравненіе цѣнностей двухъ предметовъ при помощи сравненія каждаго изъ нихъ съ третьимъ. Такимъ орудіемъ сравненія служатъ деньги, исполняющія въ качествѣ мѣрила цѣнностей всѣ функціи, какія можетъ исполнять такое мѣрило [1]).

Точка зрѣнія Бэли на цѣнность раздѣлялась и нѣкоторыми другими экономистами. Напр. Пуллетъ Скропъ также разсматриваетъ цѣнность исключительно какъ отношеніе между двумя обмѣнивающимися предметами,—отношеніе, пріуроченное къ данному мѣсту и времени. «Когда мы говоримъ о цѣнности чего-либо, замѣчаетъ онъ, то мы должны всегда имѣть въ виду какой-либо объектъ сравненія или обмѣна». Въ обыденной рѣчи въ качествѣ такого объекта всегда разумѣются деньги; но ту же роль могутъ выполнять и другіе предметы, такъ что цѣнность представляетъ, по выраженію Смита, покупательную силу хозяйственныхъ благъ. «Дѣйствительно, говорятъ, что какой либо предметъ, золото, серебро, хлопчатая бумага или что бы то ни было другое, повысился или упалъ въ цѣнности, если за него можно получить въ обмѣнъ большее или меньшее количество *другихъ предметовъ*, чѣмъ раньше. Выраженіе «цѣнность» чисто относительное; и не можетъ быть такой вещи, какъ положительная, абсолютная, или реальная цѣнность» [2]).

Такого же взгляда на цѣнность держится и Бродгорстъ: и для него цѣнность можетъ существовать только въ качествѣ относительной, или мѣновой; она обозначаетъ лишь покупательную силу которая *измѣняется* подъ вліяніемъ причинъ, дѣйствующихъ на тотъ или на другой обмѣнивающійся предметъ. «Если *А* свободно обмѣнивается на *Б*, то *А* равноцѣнно *Б*, а *Б* равноцѣнно *А*; слѣдователоно все, что измѣняетъ цѣнность *А* относительно *Б*, равнымъ образомъ измѣняетъ и цѣнность *Б* относительно *А*» [3]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 97 и сл.

[2]) Poullett Scrope. Principles of Political Economy. 1833, стр. 165.

[3]) I. Broadhurst: Political Economy, 1842. Стр. 1 и сл.

По поводу изложеннаго взгляда на цѣнность возникаетъ прежде всего вопросъ: можно ли утверждать, что явленіе оцѣнки хозяйственныхъ благъ вполнѣ покрывается понятіемъ относительной цѣнности, т.-е. что оцѣнка можетъ быть выражена, какъ утверждаетъ Бэли, *только* въ мѣновомъ отношеніи? На этотъ вопросъ Мальтусъ совершенно основательно даетъ отрицательный отвѣтъ. Вполнѣ соглашаясь съ авторомъ «Диссертаціи», что «цѣнность въ своемъ конечномъ значеніи представляется оцѣнкой предмета», онъ спрашиваетъ: почему Бэли полагаетъ, что эта оцѣнка можетъ получить опредѣленное выраженіе только въ обмѣнѣ, т. е. при сравненіи двухъ предметовъ, и почему такое сравненіе будетъ точнымъ выраженіемъ нашей оцѣнки? Если бы напр. въ какой-нибудь странѣ имѣлось два сорта фруктовъ, *а* и *в*, которые находились бы въ изобиліи лѣтомъ и были бы очень рѣдки зимою, и если бы какъ лѣтомъ, такъ и зимою отношеніе между ними оставалось одно и то же, то по теоріи Бэли оцѣнка фрукта *а* жителями этой страны выразилась бы съ полной опредѣленностью, если бы мы сказали: такъ какъ *а* всегда обмѣнивается на одинаковое количество *в*, то цѣнность его остается неизмѣнной, т. е. и лѣтомъ, и зимой оно оцѣнивается одинаково. Затѣмъ оказывается, что въ странѣ, въ которой существовали бы только дикія козы и не было бы бобровъ или какого либо другого предмета, съ которымъ можно было бы сравнить ихъ, у жителей не могло бы возникнуть специфическаго понятія цѣнности по отношенію къ дикой козѣ, хотя бы вслѣдствіе высокаго значенія, которое придавалось бы этому предмету, каждый охотно прошелъ бы 50 миль, чтобы добыть его! [1]).

Эти примѣры показываютъ, по мнѣнію Мальтуса, что оцѣнка, которую мы производимъ предметамъ, или значеніе, которое мы имъ придаемъ, мыслимы независимо отъ мѣны и что понятіе относительной цѣнности не покрываетъ всѣхъ видовъ оцѣнки.

Въ сферѣ мѣноваго хозяйства мы имѣемъ дѣло съ мѣновой, или относительной цѣнностью; но самое понятіе цѣнности не измѣняется: его содержаніе по прежнему исчерпывается оцѣнкой благъ съ точки зрѣнія ихъ значенія для субъекта хозяйственной дѣятельности. Измѣняется только основаніе этой оцѣнки: въ изолированномъ хо-

[1]) Definitions, стр. 127—8.

зяйствѣ она основывается на потребностяхъ субъекта; а въ мѣновомъ непосредственно на покупательной силѣ предметовъ. Но какъ понимать эту силу? По мнѣнію Бэли, оцѣнка благъ въ мѣновомъ хозяйствѣ имѣетъ своимъ основаніемъ конкретное мѣновое отношеніе между двумя благами, все равно какими. Возражая противъ этого Мальтусъ доказываетъ, что конкретныя мѣновыя отношенія, или цѣны, не даютъ представленія о значеніи благъ, т.-е. не могутъ служить основаніемъ ихъ оцѣнки.

Нужно замѣтить, что Мальтусъ употребляетъ здѣсь понятіе цѣны въ широкомъ смыслѣ—какъ количество какого бы то ни было предмета, на которое обмѣнивается данное благо. Въ этомъ смыслѣ цѣна, дѣйствительно, можетъ дать намъ представленіе только о покупательной силѣ благъ по отношенію какому-либо единичному предмету, но не ко всѣмъ предметамъ вообще; она опредѣляетъ только значеніе предмета въ отдѣльномъ конкретномъ случаѣ. Между тѣмъ можно говорить и говорятъ объ общей оцѣнкѣ предмета по отношенію ко всѣмъ благамъ. Это понятіе и обозначаетъ цѣнность; и его основаніемъ служитъ общая покупательная сила предметовъ. Мальтусъ называетъ цѣнность, основанную на этомъ началѣ, абсолютной и утверждаетъ что Рикардо, основавъ понятіе цѣнности въ этомъ смыслѣ на трудовомъ началѣ, избралъ такое мѣрило общей покупательной силы предметовъ, которое даетъ во всякомъ случаѣ больше, чѣмъ можетъ дать теорія Бэли.

Если бы съ точки зрѣнія Бэли мы пожелали опредѣлить общую покупательную силу денегъ, то мы имѣли бы право воспользоваться для этого отношеніемъ денегъ къ любому предмету; такъ что было бы правильно сказать, что цѣнность одного унца серебра пропорціональна количеству яблокъ, которое можно было бы купить за него; и что увеличеніе этого количества означало бы повышеніе цѣнности серебра, и наоборотъ. «Безъ сомнѣнія, замѣчаетъ Мальтусъ, вполнѣ позволительно сравнивать два какихъ угодно предмета въ отношеніи ихъ мѣновой цѣнности, и въ томъ числѣ серебро и яблоки. Позволительно также сказать, хотя это звучало бы очень странно, что цѣнность одного унца серебра, *выраженная въ яблокахъ*, опредѣляется количествомъ яблокъ, которое можно купить за него; но необходимо прибавить къ слову цѣнность слова «выраженная въ яблокахъ», для того, чтобы показать читателю, что мы не

говоримъ объ общей покупательной силѣ серебра, но имѣемъ въ виду только очень ограниченное понятіе, именно отношеніе серебра къ одному опредѣленному предмету. Если бы безъ такой оговорки мы просто сказали, что цѣнность серебра выражается въ количествѣ яблокъ, которое можно купить за него, или, по выраженію Бэли, что «цѣнность *a* выражается въ количествѣ *в*, которое можно за него купить», то было бы совершенно ясно, что мы употребили слово цѣнность въ такомъ смыслѣ, который не согласовался бы съ опредѣленіемъ цѣнности, какъ покупательной силы предметовъ, заимствованнымъ Бэли у Смита. Представленіе о цѣнности, устанавливаемое Бэли, противорѣчитъ кореннымъ образомъ и общепринятой терминологіи обыденной рѣчи. Было бы очень странно, если бы кто-нибудь, вернувшись изъ Индіи, на вопросъ какова цѣнность денегъ въ этой странѣ, привелъ количество англійскаго сукна, на которое можетъ быть обмѣнено извѣстное количество денегъ, и отсюда заключилъ, что цѣнность денегъ въ Индіи ниже, чѣмъ въ Англіи [1]).

Исходя изъ положенія, что цѣнность даннаго предмета опредѣляется его отношеніемъ къ какому бы то ни было другому предмету, Бэли пришелъ къ заключенію, что «существуетъ тысяча различныхъ видовъ цѣнности,—столько видовъ, сколько предметовъ, и что всѣ они въ равной мѣрѣ реальны и номинальны. Такимъ образомъ, по теоріи Бэли, каждый предметъ можетъ имѣть тысячу и болѣе различныхъ цѣнностей въ одно и то же время. При такихъ условіяхъ, по мнѣнію Мальтуса, терминъ «цѣнность» можетъ только произвести путаницу въ понятіяхъ, и въ немъ нѣтъ никакой надобности, потому что цѣнность получаетъ такое же значеніе, какъ цѣна.

«Бэли, говоритъ Мальтусъ, многократно останавливается на относительномъ характерѣ цѣнности, какъ будто онъ одинъ разсматривалъ ее въ этомъ свѣтѣ; но никто изъ другихъ писателей, извѣстныхъ мнѣ, никогда, какъ мнѣ казалось, не употреблялъ термина цѣнность, не предполагая или прямо не выражая опредѣленнаго отношенія къ чему-либо другому; и когда авторъ «Диссертаціи» заявляетъ, что цѣнность всегда должна предполагать цѣнность въ чемъ-нибудь, что̀ должно быть указано, и что термины номинальная и реальная ничего не означаютъ въ этомъ смыслѣ, онъ утверждаетъ нѣчто лишенное всякаго

---

[1]) Definitions, стр. 134—5.

основанія» [1]). На это однако можно сказать, что если оба эти выраженія имѣютъ относительный характеръ, зачѣмъ же употреблять термины реальная, положительная или абсолютная цѣнность? Отвѣтъ заключается въ томъ, что нѣтъ ничего обыкновеннѣе, чѣмъ употребленіе терминовъ «реальный, положительный и абсолютный» въ отличіе отъ «относительный», когда первые термины имѣютъ отношеніе къ какому-нибудь болѣе общему предмету, въ особенности къ чему-нибудь, что считается неизмѣннымъ мѣриломъ. Абсолютная или реальная цѣнность также выражаетъ отношеніе предмета къ чему-либо, какъ и относительная; но во второмъ случаѣ рѣчь идетъ объ отношеніи къ какому-либо конкретному продукту, а въ первомъ къ чему-либо болѣе общему. Для Рикардо и его послѣдователей это болѣе общее заключается въ количествѣ труда, затрачиваемаго на производство.

Спрашивается: если считать цѣнностью значеніе предмета, то что ближе опредѣляетъ это значеніе—количество труда, затраченнаго на производство, или отношеніе къ другому предмету, условія производства котораго намъ совершенно неизвѣстны? На этотъ вопросъ Мальтусъ отвѣчаетъ, что существенно расходясь съ Рикардо и его послѣдователями во взглядѣ на значеніе труда, затраченнаго на производство, онъ тѣмъ не менѣе не можетъ не признать громаднаго преимущества этой теоріи передъ ученіемъ Бэли. Возьмемъ напр. вопросъ о цѣнности серебра передъ открытіемъ американскихъ копей, и посмотримъ, въ отношеніи къ чему она опредѣляется? Рикардо или де Квинси отвѣтили бы: въ отношеніи къ производящему труду; и хотя въ этомъ отвѣтѣ, по мнѣнію Мальтуса, опущенъ существенный ингредіентъ цѣнности—прибыль, тѣмъ не менѣе мы почерпнули бы изъ него довольно вѣрное представленіе о значеніи, которое придавалось въ то время серебру; и если при помощи сравненія мы найдемъ, что затраченный трудъ теперь въ 3 или 4 раза меньше, чѣмъ прежде, то можно съ достаточной увѣренностью заключить, что серебро стало обильнѣе и что 400 лѣтъ тому назадъ извѣстное количество его цѣнилось гораздо выше, т. е., что люди готовы были принести гораздо большую жертву, чѣмъ теперь, чтобы получить его. Съ другой стороны, если бы авторъ «Критической Диссертаціи»

[1]) Тамъ же, стр. 150.

обсуждалъ вопросъ о цѣнности серебра передъ открытіемъ американскихъ рудниковъ и мы спросили бы: цѣнность въ отношеніи къ чему? то получился бы такой отвѣтъ: «я неоднократно заявлялъ, что знать цѣнность предмета въ извѣстный періодъ времени значитъ только знать его отношеніе въ обмѣнѣ къ какому-нибудь другому предмету»; слѣдовательно, мы знали бы цѣнность серебра въ 15 ст., или значеніе, которое придавалось серебру въ то время, сравнивъ его напр. съ коленкоромъ, хотя бы намъ ничего не было извѣстно объ условіяхъ производства коленкора въ названную эпоху; и если бы мы сравнили отношеніе серебра къ коленкору въ 15 в. и въ 19 в., то увидѣли бы, что въ настоящее время за данное количество серебра можно купить больше коленкора, чѣмъ 400 лѣтъ тому назадъ, изъ чего мы должны были бы заключить, что цѣнность серебра повысилась; между тѣмъ увеличеніе покупательной силы серебра относительно коленкора въ дѣйствительности объясняется усовершенствованіемъ машинъ, при помощи которыхъ производится коленкоръ— что же касается общей покупательной силы серебра, то, какъ всѣмъ извѣстно, она понизилась, и значеніе серебра уменьшилось.

Очевидно, заключаетъ Мальтусъ, что отношеніе къ труду, затрачиваемому на производство, служитъ лучшимъ мѣриломъ общей покупательной силы предмета, или его хозяйственнаго значенія, чѣмъ отношеніе къ какому либо другому предмету; но, по мнѣнію Мальтуса, мѣрило, избранное Рикардо, примѣнимо лишь при извѣстныхъ гипотетическихъ условіяхъ, наличность которыхъ въ дѣйствительности представляется исключеніемъ [1]).

Воззрѣнія Мальтуса на теорію Рикардо, отражающія точку зрѣнія цѣлой группы экономистовъ того времени, представляютъ очень большой интересъ, потому что въ нихъ выдвигаются двѣ основныхъ идеи рикардовскаго ученія. Теорія цѣнности Рикардо, какъ видно изъ предшествовавшаго изложенія, не только утверждаетъ, что при извѣстныхъ условіяхъ продукты обмѣниваются пропорціонально количествамъ труда, затраченнаго на ихъ производство, но и то, что предполагаемыя при этомъ условія, покрывая большинство случаевъ дѣйствительной жизни, являются типическими для современнаго на-

---

[1]) См. критику мальтусовскаго ученія о мѣрилѣ цѣнности въ письмахъ 83, 86 и 87-мъ Рикардо къ Мальтусу. Ricardo-Malthus, стр. 214, 225, 232.

роднаго хозяйства. Эти два положенія одинаково важны для правильнаго пониманія Рикардо. Поэтому, одинаково невѣрно видѣть въ его ученіи теорію абсолютной цѣнности, основанной на понятіи труда, какъ субстанціи, образующей цѣнность, и разсматривать его какъ теорію относительной цѣнности, на которую трудъ вліяетъ лишь какъ одна изъ многихъ другихъ причинъ. По мысли Рикардо трудъ является въ ряду этихъ причинъ первенствующей; и это утвержденіе и дѣлаетъ его теорію трудовой.

Гораздо слабѣе, чѣмъ у Мальтуса, выдвинуты характерныя черты рикардовскаго ученія у Дж. Ст. Милля, соединившаго въ систему съ одной стороны ученіе Мальтуса о покупательной силѣ предметовъ въ зависимости отъ внутреннихъ причинъ, вліяющихъ на оцѣниваемые предметы, и съ другой основныя положенія Рикардо. Ученіе Милля совершенно неоригинально и поэтому не заслуживаетъ подробнаго изложенія, но оно представляетъ тѣмъ не менѣе извѣстный интересъ, потому что въ немъ вполнѣ ясно выступаетъ связь между гипотетическимъ закономъ цѣнности, выведеннымъ Рикардо, и данными распредѣленія. Милль прямо говоритъ, что цѣнность продуктовъ опредѣляется не только количествомъ труда, затраченнаго на производство, но этимъ количествомъ въ связи съ вознагражденіемъ за трудъ. Онъ признаетъ, что средняя заработная плата не оказываетъ своей высотой вліянія на цѣнность, но неравенства въ уровнѣ платы или неравномѣрное ея движеніе вверхъ и внизъ въ отдѣльныхъ занятіяхъ отражается на цѣнностяхъ, изъ чего вообще слѣдуетъ, по мнѣнію Милля, что «заработная плата входитъ въ цѣнность». Еще большее вліяніе на цѣнность признаетъ Милль за прибылью, которая вслѣдствіе неодинаковаго состава капиталовъ вліяетъ на цѣнность даже при отсутствіи какихъ либо отступленій отъ средней нормы.

Изложенныя мысли представляютъ не болѣе, какъ открытое выраженіе принциповъ, лежащихъ въ основѣ рикардовскаго ученія; и выводъ Милля—только логическое заключеніе изъ теоріи Рикардо. «Если два предмета, говоритъ онъ, произведены одинаковымъ количествомъ труда, и этотъ трудъ оплачивается по одинаковому уровню и если заработная плата рабочихъ должна авансироваться на одинаковый періодъ времени и характеръ данныхъ занятій не обусловливаетъ существованіе для нихъ постоянной разницы въ нормахъ при-

были; то при такихъ условіяхъ, будутъ ли заработная плата и прибыль высоки или низки и будетъ ли истрачено много или мало труда, упомянутые два предмета будутъ обмѣниваться другъ на друга». И наоборотъ: «если одинъ предметъ имѣетъ большую цѣнность, чѣмъ другой, то причина заключается или въ томъ, что для его производства требуется большее количество труда, или что одинъ родъ труда постоянно оплачивается по болѣе высокому уровню, или что капиталъ, или часть капитала, поддерживающаго этотъ трудъ, должна авансироваться на болѣе продолжительный періодъ времени; или наконецъ, что производство связано съ какимъ нибудь обстоятельствомъ, которое регулярно должно быть возмѣщаемо болѣе высокимъ уровнемъ прибыли». Всѣ эти заключенія необходимо вытекаютъ изъ рикардовской теоріи, но Рикардо выдвигаетъ гораздо сильнѣе, чѣмъ Милль, трудовое начало [1]).

Милль признаетъ, что изъ всѣхъ элементовъ, оказывающихъ вліяніе на цѣнность, трудъ, употребляемый на производство, имѣетъ наибольшую важность, такъ какъ вліяніе другихъ элементовъ менѣе существенно, хотя ни одинъ изъ нихъ, замѣчаетъ онъ, не является незначительнымъ. Рикардо же признаетъ, что колебанія заработной платы и прибыли могутъ вообще вліять на цѣнность, не утверждаетъ, что при *обычныхъ* условіяхъ ихъ вліяніеней трализуется; между тѣмъ трудъ, употребляемый на производство, не подвергается такой нейтрализаціи, и при условіяхъ, которыя Рикардо считаетъ типическими, онъ одинъ оказываетъ вліяніе на цѣнность. Эту именно сторону рикардовскаго закона Милль не отмѣтилъ, вслѣдствіе чего въ его формулировкѣ теорія Рикардо утрачиваетъ свою характерную черту, дѣлающую ея трудовой. Формулировка Мальтуса вѣрнѣе миллевской: она передаетъ оба принципа, лежащихъ въ основѣ рикардовской теоріи, и ставитъ ее въ связь съ данными распредѣленія, отъ которыхъ исходилъ Рикардо.

---

[1]) J. St. Mill. Principles of P. E. Book. III. Ch. I—VI.

ГЛАВА VI.

Трудовое начало, принятое Рикардо за основаніе всей теоретической экономіи, было выведено имъ изъ анализа эмпирическаго закона образованія цѣнъ при капиталистическомъ хозяйствѣ, предполагающемъ производство для рынка, режимъ неограниченной конкурренціи и раздѣленіе общества на классы. Простое наблюденіе показываетъ, что при указанныхъ условіяхъ среднія цѣны предметовъ, не подлежащихъ дѣйствію монополій, регулируются стоимостью производства, а послѣдняя для капиталиста—предпринимателя состоитъ изъ заработныхъ платъ и прибылей, которыя онъ выплачиваетъ рабочимъ, другимъ предпринимателямъ и капиталистамъ и, наконецъ, самому себѣ. Этотъ эмпирическій законъ былъ принятъ Смитомъ въ качествѣ ученія о составѣ цѣны, но Рикардо подвергъ его анализу и установилъ условія, при которыхъ продукты будутъ обмѣниваться пропорціонально труду, затраченному на ихъ производство. Затѣмъ онъ призналъ, что предположенныя имъ условія опредѣляютъ большинство случаевъ дѣйствительности [1]). Таково ученіе Рикардо о цѣнности.

Справедливость приведеннаго пониманія рикардовской теоріи подтверждается прежде всего содержаніемъ его сочиненій, затѣмъ его собственными заявленіями въ перепискѣ съ разными лицами и, наконецъ, смысломъ, который придавали ей очень многіе изъ ближайшихъ послѣдователей и критиковъ Рикардо.

Понимая рикардовскую теорію, какъ изложено выше, мы считаемъ совершенно неудачнымъ возраженіе Бемъ-Баверка, что Рикардо, по-

---

[1]) Говоря въ одномъ изъ писемъ къ Мальтусу о невозможности найти точное мѣрило цѣнности, Рикардо замѣчаетъ, что избранное имъ мѣрило представляется наилучшимъ, если большинство товаровъ производится при предположенныхъ имъ условіяхъ. Ricardo—Malthus. Стр. 232.

добно Смиту, ничѣмъ не доказалъ трудового принципа своей теоріи [1]) т. е. связи между цѣнностью и трудомъ. Если эту связь понимать такъ, что человѣкъ цѣнитъ хозяйственныя блага по той причинѣ, что они стоили ему труда, и въ той мѣрѣ, въ какой онъ затратилъ на ихъ производство свои силы, то совершенно вѣрно, что Рикардо ничѣмъ не доказалъ справедливости этого взгляда. Одна изъ важныхъ заслугъ австрійской школы заключается въ томъ, что она подвергла критикѣ эту мысль въ ея примѣненіи къ изолированному хозяйству и тѣмъ заставила относиться съ большой осторожностью ко всякимъ попыткамъ подтвердить теорію трудовой цѣнности соображеніями, относящимися къ условіямъ, которыя совершенно не соотвѣтствуютъ нынѣшнему историческому періоду. Тѣмъ не менѣе критическія замѣчанія Бемъ-Баверка и другихъ теоретиковъ предѣльной полезности не опровергаютъ ученія Рикардо о покупательной силѣ продуктовъ, не построеннаго на упомянутой выше идеѣ. Относительно этого ученія никакъ нельзя сказать, что оно высказано Рикардо въ качествѣ аксіомы, не требующей доказательствъ и не доказываемой имъ

Столь же мало убѣдительно возраженіе Штольцмана, что Рикардо, предполагая, будто онъ оперируетъ съ понятіемъ труда, въ сущности имѣетъ дѣло съ вознагражденіемъ за трудъ, т.-е. съ заработной платой [2]). Совершенно вѣрно, что Рикардо исходитъ отъ заработной платы, какъ одного изъ элементовъ стоимости, и всегда предполагаетъ равенство ея въ разныхъ производствахъ; но онъ приходитъ къ установленію связи между цѣнностью и трудомъ, какъ затратой энергіи, и разъ установивши эту связь оперируетъ съ послѣднимъ понятіемъ. Весьма вѣрно замѣчаетъ далѣе тотъ же авторъ, что Рикардо, признавая вліяніе прибыли на цѣнность при неодинаковомъ составѣ капиталовъ, въ сущности вообще признаетъ ея вліяніе при всякихъ условіяхъ, утверждая только, что при одинаковомъ составѣ капиталовъ она оказываетъ одинаковое вліяніе на цѣнность

---

[1]) Capital und Capitalzins. I. 1900. Стр. 511. 2-е изданіе сочиненія Бёмъ-Баверка вышло, когда печатаніе этой книги подходило къ концу. Точка зрѣнія австрійскаго экономиста на классическую школу осталась прежней. См. также Held. Zwei Bücher zur socialen Geschichte Englands. Стр. 179.

[2]) Die sociale Kategorie in der Volkswirthschaftslehre. Von R. Stolzmann. 1896. Стр. 57.

обоихъ обмѣнивающихся товаровъ [1]). Совершенно справедливо; но мысль Рикардо какъ разъ и заключается въ томъ, что прибыль не вліяетъ на цѣнность только при извѣстныхъ условіяхъ, изъ чего, конечно, слѣдуетъ, что она оказываетъ вліяніе при другихъ условіяхъ. Рикардо полагалъ, однако, что случаи, которые онъ имѣлъ въ виду, преобладаютъ въ дѣйствительности, и что измѣненія въ количествѣ труда, затрачиваемаго на производство, происходятъ гораздо чаще и въ бо̀льшихъ размѣрахъ, чѣмъ измѣненія въ уровнѣ прибыли. Поэтому онъ и остановился на трудѣ какъ регуляторѣ цѣнности, а не избралъ для этого прибыль, что̀ по мнѣнію Штольцмана было бы безразлично [2]).

Наконецъ, мы не можемъ признать справедливымъ столь часто дѣлаемаго Рикардо упрека въ двойственности его ученія [3]). Въ подтвержденіе этого упрека ссылаются на рядъ мѣстъ изъ сочиненій Рикардо, въ которыхъ онъ высказывается такъ, какъ будто трудъ составляетъ субстанцію цѣнности, между тѣмъ какъ самъ же онъ признаетъ въ другихъ мѣстахъ, что при отсутствіи предположенныхъ имъ условій вліяютъ на цѣнность и заработная плата, и прибыль. При этомъ, однако, забываютъ, что Рикардо считалъ типической ту комбинацію условій, при которой трудъ является регуляторомъ цѣнности, вслѣдствіе чего онъ всегда предполагаетъ наличность такихъ условій и разсматриваетъ измѣненія въ мѣновой цѣнности предметовъ, какъ слѣдствіе одной только причины — именно, измѣненій въ количествѣ труда, затрачиваемаго на производство.

Если представленная выше попытка выяснить основныя положенія Рикардо по теоріи цѣнности удачна, то читателю нетрудно видѣть, что возраженія Бемъ-Баверка, Штольцмана, Книса и другихъ вытекаютъ изъ неправильнаго пониманія рикардовскихъ ученій. Причины этого недоразумѣнія заключаются въ томъ, что критики Рикардо не постарались выполнить двухъ задачъ, которыя необходимо рѣшить, прежде чѣмъ разсматривать рикардовское ученіе по существу.

Первая изъ упомянутыхъ задачъ заключается въ выясненіи всѣхъ гипотетическихъ условій, которыя ставитъ Рикардо, когда выводитъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 69.

[2]) Тамъ же, стр. 54 и сл.

[3]) Knies. Der Kredit, II, стр. 61. Stolzmann, стр. 62 и сл., Böhm-Bawerk и др.

свой законъ цѣнности. Неясная формулировка этихъ условій существеннѣйшій недостатокъ изложенія Рикардо, отмѣченный весьма удачно двумя критиками его ученія о цѣнности — Маршалломъ и Гоннеромъ.

Нельзя не согласиться съ общимъ взглядомъ Маршалла на условія правильной оцѣнки изложенія, принятаго авторомъ «Началъ Политической Экономіи». Послѣднее, по замѣчанію названнаго экономиста, настолько же неясно, насколько глубока мысль, проводимая въ названномъ сочиненіи. «Рикардо употребляетъ слова въ необычномъ значеніи, котораго онъ не объясняетъ и которому затѣмъ не слѣдуетъ; онъ переходитъ отъ одной гипотезы къ другой, не заявляя объ этомъ. Поэтому, если мы хотимъ правильно понять его, то должны интерпретировать его широко,—шире, чѣмъ онъ самъ интерпретировалъ Адама Смита. Когда выраженія Рикардо неточны, слѣдуетъ придавать имъ тотъ смыслъ, который онъ самъ хотѣлъ придать имъ, насколько можно судить по другимъ частямъ его сочиненій. Если мы будемъ поступать такимъ образомъ, чтобы выяснить, что онъ въ дѣйствительности хотѣлъ сказать, то его ученія, хотя далеко не полныя, окажутся свободными отъ многихъ ошибокъ, обыкновенно приписываемыхъ имъ».

Слѣдуя такому критическому пріему, единственно правильному, Маршаллъ разсматриваетъ каждое отдѣленіе 1-й главы «Началъ Политической Экономіи» и приходитъ къ выводу, что Рикардо признавалъ трудъ только регуляторомъ мѣновой цѣнности. Его ошибка въ изложеніи этого ученія, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ Маршаллъ, заключалась въ томъ, что онъ выражался слишкомъ сжато, предоставляя читателю самому дополнять высказанное имъ. Рикардо, по мнѣнію того же экономиста, «сдѣлалъ бы лучше, если бы повторялъ, когда это нужно было, положеніе, по которому цѣнности двухъ предметовъ въ теченіе продолжительныхъ періодовъ времени пропорціональны количествамъ труда, требуемаго на ихъ производство, только при томъ предположеніи, что всѣ другія условія одинаковы: т.-е., что трудъ, употребленный въ обоихъ случаяхъ, одинаковой квалификаціи, и поэтому одинаково оплачиваемый; что капиталы оказываютъ ему содѣйствіе въ равной пропорціи, что время оборота капиталовъ одинаково, и что уровень прибыли одинъ и тотъ же» [1]).

---

[1]) A. Marshall. Principles of Economics. 1895. Стр. 557 и сл.

Гоннеръ, издавшій «Начала Политической Экономіи» съ приложеніемъ своей монографіи объ этомъ трактатѣ и его авторѣ, отзывается еще суровѣе, чѣмъ Маршаллъ, о писательскомъ дарованіи Рикардо, но изученіе идей послѣдняго на основаніи всей совокупности его произведеній, привело Гоннера къ слѣдующему выводу. По его мнѣнію, Рикардо считаетъ основаніемъ цѣнности полезность благъ; трудъ же, не являясь основаніемъ цѣнности, служитъ ея мѣриломъ, потому что между трудомъ и цѣнностью существуетъ постоянное отношеніе. «Безъ сомнѣнія, замѣчаетъ Гоннеръ, Рикардо часто склоненъ говорить о трудѣ, какъ основаніи мѣновой цѣнности. Это неточность языка въ высшей степени предосудительная, но продолжительное изученіе его работъ только укрѣпило меня въ убѣжденіи, что въ своихъ мысляхъ онъ не придавалъ труду такого значенія. Все, что онъ хотѣлъ сказать, сводится къ тому, что существуетъ постоянное отношеніе между размѣромъ усилій, затраченныхъ на производство продуктовъ, и мѣновой цѣнностью послѣднихъ; что другими словами трудъ и цѣнность измѣняются параллельно» [1]). Эту точку зрѣнія мы вполнѣ раздѣляемъ.

Другая задача, которую необходимо выполнить для того, чтобы критика Рикардо привела къ положительнымъ результатамъ, заключается въ выясненіи его терминологіи и скрывающихся за различными обозначеніями понятій. Рикардо называетъ трудъ то источникомъ цѣнности, то ея основаніемъ, то ея регуляторомъ; и намъ думается, что въ этихъ трехъ обозначеніяхъ выразились различныя точки зрѣнія Рикардо на самое явленіе цѣнности. Ему, какъ мы видѣли, не чужда была идея, что трудъ служитъ причиной цѣнности, хотя онъ не считалъ его единственной причиной, признавая на ряду съ нимъ въ томъ же значеніи и рѣдкость. Не интересуясь этимъ положеніемъ, онъ и не оперируетъ съ нимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи своей системы; тѣмъ не менѣе указанная мысль отразилась у него въ выраженіи, признающемъ трудъ источникомъ цѣнности. Затѣмъ, Рикардо, какъ видно изъ предшествовавшаго, предполагалъ, вмѣстѣ съ Мальтусомъ и другими, что субъективная оцѣнка благъ основывается на ихъ покупательной силѣ, и отраженіемъ этого взгляда, нужно полагать, явилось выраженіе, что трудъ слу-

[1]) Principles... Introductory Essay by Gonner. 1891. Стр. 41.

жить основаніемъ цѣнности. Наконецъ, основной взглядъ Рикарко, развиваемый во всемъ его трактатѣ, выразился въ признаніи труда регуляторомъ цѣнности.

Фактически Рикардо трактуетъ самостоятельно указанныя стороны цѣнности, но формально онъ не разграничиваетъ ихъ. Самой важной является для него идея о трудѣ, какъ регуляторѣ цѣнности,— идея, обоснованію которой и посвящено его вниманіе; другія же стороны явленія имѣютъ въ его глазахъ второстепенное значеніе, а вопросъ о субъективной оцѣнкѣ представлялся ему крайне неясно. Не разграничивъ этихъ понятій, онъ не установилъ и строгой терминологіи.

Намъ кажется, что критики Рикардо упускаютъ изъ вида только ьто отмѣченныя особенности его изложенія. Они забываютъ, что рикардовскій законъ цѣнности имѣетъ гипотетическій характеръ, и что трудъ фигурируетъ у Рикардо въ разныхъ функціяхъ, но преимущественно въ одной. Не признавая убѣдительными приведенныхъ выше возраженій противъ ученія Рикардо о цѣнности, мы считаемъ, что оно вѣрно въ предѣлахъ, которые поставлены его создателемъ; но оно оставляетъ неразрѣшеннымъ рядъ вопросовъ, которые мы и предполагаемъ теперь отмѣтить.

Коренной вопросъ, возбуждаемый теоріей Рикардо, касается ея отношенія къ ученію о доходахъ.

Для Рикардо, какъ и для всѣхъ экономистовъ классической школы, трудъ представлялся такимъ же товаромъ, какъ и любой продуктъ, а заработная плата являлась въ видѣ цѣны труда, опредѣляющейся по тѣмъ же законамъ, которые вообще регулируютъ цѣны хозяйственныхъ благъ. При такомъ взглядѣ на заработную плату ученіе Рикардо о цѣнности приводитъ насъ отъ одного неизвѣстнаго къ другому. Дѣйствительно, если цѣнность продуктовъ опредѣляется трудомъ только потому, что въ первой инстанціи на нихъ вліяетъ, въ числѣ другихъ элементовъ стоимости, заработная плата, вліяніе которой при извѣстныхъ условіяхъ обнаруживается и въ послѣдней инстанціи, то отсюда слѣдуетъ, что цѣнность продуктовъ зависитъ отъ цѣнности, или цѣны, труда; но послѣдняя, если оставить въ сторонѣ спросъ и предложеніе, опредѣляется, по ученію Рикардо, цѣною, или цѣнностью продуктовъ, на которые расходуется

заработная плата. Мы попадаемъ въ заколдованный кругъ, изъ котораго, повидимому, нѣтъ выхода.

Если принять взглядъ Рикардо на заработную плату, то придется признать по отношенію къ его теоріи цѣнности возраженіе теоретиковъ предѣльной полезности, указывающихъ, что законъ стоимости производства сводитъ цѣнность однихъ продуктовъ къ цѣнности другихъ и поэтому не представляетъ теоретическаго закона. Такое возраженіе пришлось бы признать справедливымъ, если бы ученіе Рикардо о заработной платѣ не вызывало серьезныхъ недоумѣній. Подводя плату рабочаго подъ общій законъ цѣнности и цѣны, Рикардо не могъ обойтись при этомъ безъ очень большой натяжки, показывающей, что его аналогія не является во всякомъ случаѣ въ такой мѣрѣ полной, какъ онъ предполагалъ. Въ то время какъ цѣнность товаровъ опредѣляется количествомъ труда, затраченнаго на ихъ производство, цѣнность рабочей силы опредѣляется количествомъ труда, затраченнаго на производство другихъ предметовъ, именно тѣхъ, которые потребляетъ рабочій. Если это количество зависитъ не отъ самого рабочаго, но отъ причинъ, всецѣло находящихся внѣ его воли и воздѣйствія, то аналогія между трудомъ и товаромъ окажется довольно близкой; въ томъ и другомъ случаѣ количество труда, затрачиваемаго на производство, зависитъ отъ причинъ техническаго характера: въ одномъ случаѣ отъ количества труда, которое приходится истратить непосредственно на производство продукта и посредственно на орудія труда, сырой матеріалъ и т. д.; въ другомъ отъ количества труда, которое нужно израсходовать на продукты, служащіе т. с. топливомъ для человѣческаго организма. Эта аналогія можетъ быть принята, если разсматривать послѣдній только какъ рабочій механизмъ и двигатель, и смотрѣть на вознагражденіе труда, какъ на возмѣщеніе того минимальнаго количества энергіи, запасъ которой долженъ вводиться въ человѣческій организмъ, чтобы дѣлать его способнымъ производить максимумъ полезной работы. Такой взглядъ, лежащій въ основѣ такъ называемаго желѣзнаго закона заработной платы, несомнѣнно, предполагался до извѣстной степени Рикардо и другими представителями классической экономіи. Однако, самъ Рикардо не выдерживаетъ этой точки зрѣнія. Заявляя, что «естественная цѣна труда, даже выраженная въ пищѣ и предметахъ необходимости», не представляется «абсолютно опредѣлен-

ной и постоянной», и признавая при этомъ, что она «существеннымъ образомъ зависитъ отъ привычекъ и нравовъ народа» [1]) и отъ спроса на рабочія руки, обусловливаемаго накопленіемъ капиталовъ, Рикардо утверждаетъ, что рабочій самъ можетъ воздѣйствовать на размѣры своего вознагражденія. Если же допустить это, то аналогія между цѣною труда и цѣною продуктовъ нарушается.

Цѣна труда, или заработная плата, опредѣляется не техническими условіями человѣческаго организма, какъ двигателя и рабочей машины, но съ одной стороны—требованіями, которыя предъявляютъ сами рабочіе, а съ другой — возможностью, которую они имѣютъ при данныхъ условіяхъ, добиться ихъ удовлетворенія. Однимъ изъ важныхъ мотивовъ при опредѣленіи требованій рабочаго, конечно, служитъ цѣна предметовъ потребленія; но этотъ мотивъ не оказываетъ непосредственнаго дѣйствія на высоту заработной платы: его вліяніе можетъ обнаружиться только при томъ условіи, что рабочіе захотятъ выдвинуть его и будутъ имѣть возможность добиться осуществленія того требованія, которое они основываютъ на этомъ мотивѣ. По ученію самого Рикардо, заработная плата опредѣляется по другимъ законамъ, чѣмъ цѣна продуктовъ, — потому что на нее оказываютъ вліяніе причины, связанныя съ стремленіями самихъ рабочихъ и соціальными условіями, опредѣляющими для нихъ возможность вліять на высоту вознагражденія труда. Если же заработная плата не представляетъ цѣны труда въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы говоримъ о цѣнѣ товара, и опредѣляется по законамъ, отличающимся отъ тѣхъ, которые регулируютъ цѣнность и цѣны, то приведенное выше возраженіе теоретиковъ предѣльной полезности, разбивающее теоріи издержекъ производства, не можетъ быть примѣнено къ ученію о цѣнности, построенному на рикардовскихъ принципахъ.

Противъ теоріи Рикардо нельзя возразить, что она сводитъ цѣнность однихъ предметовъ къ цѣнности другихъ. Однако, она приводитъ насъ къ трудовому началу, сводя объективную мѣновую цѣнность, или цѣну, непосредственно къ доходамъ; и поэтому вполнѣ законнымъ является вопросъ: какими же причинами опредѣляются сами эти доходы. Если они зависятъ отъ цѣнъ, или говоря болѣе обще отъ объективной мѣновой цѣнности, то мы попадаемъ въ заколдованный

[1]) Works, стр. 52.

кругъ, потому что цѣны сводятся къ доходамъ, а послѣдніе зависятъ отъ первыхъ. Если же доходы опредѣляются самостоятельными законами, то теорія обязана выяснить ихъ.

Рикардо этой задачи не разрѣшаетъ. Онъ признаетъ безспорнымъ фактъ, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ доходы участниковъ производства опредѣляются рыночной цѣной, вырученной за проданный товаръ; но рыночныя цѣны тяготѣютъ къ естественнымъ, которыя относятся между собою какъ количества труда, затраченнаго на производство, и однимъ изъ условій такого соотношенія между цѣнами признается существованіе среднихъ заработныхъ платъ и прибылей. Вопросъ заключается въ томъ, устанавливаются ли средніе доходы по той причинѣ, что конкуренція ведетъ къ установленію среднихъ цѣнъ; или наоборотъ: послѣднія составляютъ результатъ установленія среднихъ доходовъ. Рикардо не изслѣдуетъ этого вопроса; начиная свои разсужденія при условіи, что среднія цѣны и средніе доходы уже установились, онъ разсматриваетъ только вліянія, которымъ цѣна и цѣнность могутъ подвергнуться вслѣдствіе измѣненія въ уровнѣ доходовъ. Этимъ путемъ онъ выводитъ законъ трудовой цѣнности, но изъ его разсужденій необходимо вытекаетъ болѣе общій вопросъ: по какимъ законамъ вообще устанавливается отношеніе между доходами и цѣнами.

Какого бы взгляда ни держаться на вознагражденіе рабочаго, смотрѣть ли на него какъ на цѣнность, или цѣну рабочей силы, или какъ на доходъ аналогичной прибыли, во всякомъ случаѣ стóитъ только признать, что заработная плата имѣетъ опредѣленный минимумъ или вообще, что ея высота зависитъ въ извѣстныхъ предѣлахъ отъ самого рабочаго, чтобы этимъ самымъ было признано ея вліяніе на цѣну. Если заработная плата представляетъ величину, зависящую въ извѣстной степени отъ уровня потребностей рабочаго и не могущую на долго спуститься ниже опредѣленной нормы, то отсюда слѣдуетъ, что какова бы ни была послѣдняя, она оказываетъ вліяніе на цѣну продукта совершенно такъ, какъ цѣна производственныхъ благъ вліяетъ на цѣну товара, изготовленнаго при ихъ помощи. Допуская, что цѣна продуктовъ должна оплачивать издержки производства, мы не можемъ не допустить и того, что заработная плата вліяетъ на цѣны, по крайней мѣрѣ настолько, насколько она представляетъ устойчивую величину. Сказанное очевидно, когда рѣчь идетъ

объ естественномъ минимумѣ заработной платы, но то же разсужденіе примѣнимо и къ такому минимуму, который устанавливается подъ вліяніемъ причинъ соціальнаго характера, напр. организацій рабочихъ.

Рикардо стоитъ на указанной точкѣ зрѣнія, когда дѣло идетъ о случаяхъ, по его мнѣнію, исключительныхъ. Въ основѣ его ученія о цѣнности лежитъ, какъ мы видѣли выше, положеніе, что при извѣстныхъ условіяхъ цѣна измѣняется, чтобы установиться на такомъ уровнѣ, при которомъ всѣ участники производства получали бы средніе доходы; но изъ этого слѣдуетъ, что и въ устойчивомъ положеніи цѣны держатся на уровнѣ, обезпечивающемъ средніе доходы; если бы это было иначе, то откуда слѣдовало бы, что при повышеніи заработной платы и пониженіи прибыли должно произойти переустройство цѣнъ соотвѣтственно измѣнившимся условіямъ распредѣленія? Допустивши возможность такого переустройства, неизбѣжно признать, что цѣны вообще приноровляются къ доходамъ, слѣдовательно, опредѣляются въ зависимости отъ нихъ, а не опредѣляютъ ихъ самихъ. Но Рикардо, разсуждая объ отношеніи между заработной платой и прибылью, предполагаетъ неизмѣнность цѣнности и цѣны и при этомъ условіи приходитъ къ выводу, что заработная плата можетъ повыситься только насчетъ прибыли [1]). Это безспорно при сдѣланномъ предположеніи; но на чемъ послѣднее основано? Самъ Рикардо въ своихъ разсужденіяхъ о цѣнности постоянно разсматриваетъ цѣну, какъ величину могущую измѣняться подъ вліяніемъ колебаній въ уровнѣ доходовъ [2]). Поэтому остается совершенно невыясненнымъ, на какомъ основаніи, разсуждая о заработной платѣ и прибыли, онъ счелъ себя въ правѣ предположить неизмѣнность цѣнъ. Допустить послѣднюю въ принципѣ значитъ лишить теорію цѣнности Рикардо всякой опоры, потому что лежащее въ ея основѣ трудовое начало держится именно на томъ положеніи, что цѣна приноровливается къ требованіямъ распредѣленія во всѣхъ случаяхъ и что при извѣстныхъ условіяхъ это приводитъ къ регулированію покупательной силы товаровъ трудомъ.

---

[1]) Works, стр. 60 и сл.

[2]) „Въ концѣ-концовъ, замѣчаетъ Рикардо въ одномъ изъ писемъ къ Макъ-Кёллоку, великіе вопросы ренты, заработной платы и прибыли должны быть разъяснены при помощи пропорцій, въ которыхъ весь продуктъ раздѣляется между земельными собственниками, капиталистами и рабочими и которыя не связаны необходимо съ ученіемъ о цѣнности". Ricardo—McCulloch. Стр. 72.

Ученіе Рикардо о цѣнности представляется убѣдительнымъ только при томъ условіи, что доходы могутъ вліять на цѣны. Но какъ происходитъ это вліяніе и каковы его предѣлы, Рикардо не объясняетъ. Онъ показалъ только, что при существованіи средняго уровня заработной платы и прибыли и при условіяхъ, имъ предположенныхъ, товары обмѣниваются пропорціонально количествамъ труда, затраченнаго на ихъ производство; и это положеніе Рикардо представляетъ точный законъ, потому что при наличности предположенныхъ условій онъ необходимо долженъ осуществиться, какими бы правилами ни опредѣлялись доходы. Если бы даже доходы устанавливались по законамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ трудовымъ началомъ, все-таки въ конечномъ счетѣ послѣднее осуществлялось бы, если бы только существовали средніе уровни заработной платы и прибыли и были въ наличности гипотетическія условія Рикардо.

Изложенный законъ не приводитъ явленія цѣнности къ его конечнымъ причинамъ, но въ той мѣрѣ, въ какой соотвѣтствуютъ дѣйствительности и охватываютъ ее гипотетическія условія, при которыхъ онъ выведенъ, онъ объясняетъ эту дѣйствительность. Поэтому несмотря на отсутствіе отвѣта на указанные вопросы, Рикардо вправѣ утверждать, что въ современномъ хозяйствѣ, въ установленныхъ выше предѣлахъ, продукты обмѣниваются пропорціонально труду, затраченному на ихъ производство, т. е. что трудовымъ началомъ опредѣляется ихъ покупательная сила, или объективная мѣновая цѣнность, и цѣна.

Резюмируемъ выраженную выше точку зрѣнія на теорію Рикардо. Мы видимъ въ ней прежде всего и главнымъ образомъ ученіе объ объективной мѣновой цѣнности, развитое въ условіяхъ опредѣленнаго историческаго періода, типическія черты котораго возведены въ предпосылки устанавливаемаго закона. Послѣдній предполагаетъ: классы предпринимателей—капиталистовъ и наемныхъ рабочихъ, производство для рынка на капиталистическихъ основахъ и неограниченное соперничество, опредѣляющее заработную плату, прибыль и цѣны. Только въ такой обстановкѣ, при существованіи среднихъ доходовъ и предположенныхъ условіяхъ относительно состава и прочности капитала и времени его оборота, и мыслимъ рикардовскій законъ трудовой цѣнности. Однако, на ряду съ этимъ чисто историческимъ закономъ, у Рикардо можно подмѣтить и другую

идею, выраженную внѣ какой-либо исторической обстановки. Это та идея, что основаніемъ, или причиной цѣнности вообще служитъ трудъ, затраченный на производство, все равно, происходитъ ли оцѣнка благъ въ условіяхъ капиталистическаго хозяйства или въ изолированномъ хозяйствѣ, котораго никогда въ исторіи не существовало. Эта мысль не только поддерживается Рикардо, когда онъ задается вопросомъ: какъ оцѣниваются блага независимо отъ обмѣна, но и тогда, когда онъ имѣетъ въ виду реальныя явленія исторической дѣйствительности. Онъ пытается какъ будто подкрѣпить свой законъ объективной мѣновой цѣнности указаніемъ на то, что и внѣ обмѣна цѣнность основывается на трудѣ. Отсюда у него двоякое значеніе абсолютной цѣнности: въ одномъ случаѣ—она обозначаетъ внѣ—мѣновую цѣнность, основанную на трудовомъ началѣ, а въ другомъ—мѣновую, поскольку она опредѣляется трудомъ.

Сплетеніе отмѣченныхъ идей служитъ главнымъ источникомъ недоразумѣній, возбуждаемыхъ ученіемъ Рикардо. Положеніе о внѣ—мѣновой цѣнности ничѣмъ не доказано и очень спорно. Законъ объективной мѣновой цѣнности, основанный на трудовомъ началѣ, покоится на серьезныхъ доказательствахъ, и въ качествѣ гипотетическаго закона представляется точнымъ и безспорнымъ. Поэтому критическая оцѣнка рикардовскаго ученія приводитъ къ заключенію, что идея внѣ—мѣновой трудовой цѣнности должна быть отброшена какъ неимѣющая научнаго значенія; что же касается теоріи объективной мѣновой цѣнности, то она остается до сихъ поръ неопровергнутой и должна быть положена въ основу теоретической экономіи. Но эта теорія нуждается въ дальнѣйшемъ развитіи.

Законъ трудовой цѣнности, выведенный Рикардо, осуществляется въ тѣхъ границахъ, которыя установлены указанными выше гипотетическими условіями; слѣдовательно, степень его осуществленія зависитъ отъ того, насколько эти условія соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Къ этому вопросу сводится разногласіе между Рикардо и Мальтусомъ. Мы подошли здѣсь къ предѣлу, за которымъ начинается уже область изученія явленій экономическаго быта. Наша задача не распространяется на эту сферу, и поэтому мы ограничимся лишь нѣсколькими общими замѣчаніями о постановкѣ изслѣдованія, которое должно служить развитіемъ гипотетическаго закона Рикардо.

Поставленный выше вопросъ о реальномъ значеніи трудового начала связанъ съ изслѣдованіемъ важнѣйшихъ сторонъ современнаго хозяйства. Прежде всего, необходимо было бы выяснить, въ какихъ предѣлахъ осуществляется въ современныхъ народныхъ хозяйствахъ, т. е. въ конкретной обстановкѣ отдѣльныхъ странъ, тенденція заработной платы и прибыли къ среднему уровню; затѣмъ, каково участіе простого и квалифицированнаго труда въ разныхъ отрасляхъ производительной дѣятельности; каково отношеніе между размѣрами ихъ вознагражденія и насколько это отношеніе постоянно; дальнѣйшимъ вопросомъ должно было бы явиться изученіе состава капиталовъ и продолжительности ихъ оборотовъ въ разныхъ отрасляхъ производства; и наконецъ, необходимо было бы выяснить отношеніе между заработной платой и затратой энергіи рабочимъ.

Отчасти задачу сближенія ученія о цѣнности съ жизнью пытался выполнить Кэрнсъ. Главная поправка, внесенная имъ въ классическую теорію, касалась предположенія о неограниченной конкурренціи. Кэрнсъ справедливо замѣтилъ, что это условіе не осуществляется въ жизни въ полной мѣрѣ и что въ дѣйствительности въ современныхъ народныхъ хозяйствахъ существуютъ, напр. въ сферѣ труда, неконкуррирующія между собою группы рабочихъ; соотвѣтственно съ чѣмъ и долженъ быть ограниченъ общій законъ [1]). Однако, попытка Кэрнса имѣла очень ограниченное значеніе. Необходимо было поставить вопросъ вполнѣ на историческую почву.

Рикардо, по весьма вѣрному и глубокому замѣчанію Маркса, занимаясь вопросомъ о величинѣ цѣнности, «покрайней мѣрѣ подозрѣвалъ, что осуществленіе закона цѣнности зависитъ отъ опредѣленныхъ историческихъ предпосылокъ. Онъ говоритъ, что опредѣленіе величины цѣнности рабочимъ временемъ имѣетъ силу только для тѣхъ товаровъ, которые по желанію могутъ быть увеличиваемы въ числѣ промышленной дѣятельностью человѣка и производство которыхъ совершается при условіи неограниченной конкурренціи. Въ дѣйствительности, говоритъ Марксъ, это значитъ только, что законъ цѣнности для своего полнаго развитія предполагаетъ общество, основанное на крупномъ промышленномъ производствѣ и

[1]) Cairnes. Some leading principles of Political Economy. Стр. 57 и сл.

свободной конкурренціи, т. е. современное буржуазное общество» [1]). Къ замѣчаніямъ Маркса нужно, однако, прибавить, что Рикардо не только предполагаетъ опредѣленный историческій періодъ, но и опредѣленную стадію его развитія. Говоря о соотвѣтствіи гипотетическихъ условій Рикардо съ дѣйствительностью, нельзя имѣть въ виду вообще капиталистическій строй, потому что послѣдній не представляетъ чего либо однороднаго во всѣхъ странахъ и во всѣ періоды своего существованія. Нужно помнить, что Рикардо имѣетъ въ виду вполнѣ развитое капиталистическое хозяйство—исключительное господство крупнаго производства и вполнѣ неограниченное соперничество. Въ дѣйствительности, однако, такой формы народнаго хозяйства не существуетъ ни въ одной странѣ. Хотя капитализмъ утвердился въ крупнѣйшихъ странахъ Европы и Америки, тѣмъ не менѣе строеніе отдѣльныхъ народныхъ хозяйствъ чрезвычайно различно въ данный моментъ и весьма существенно измѣняется съ теченіемъ времени. Поэтому условія, предположенныя Рикардо, осуществляются весьма различно, и соотвѣтственно съ этимъ терпитъ измѣненія и законъ цѣнности.

Для поясненія сказаннаго остановимся напр. на вопросѣ о среднемъ уровнѣ прибыли. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что этотъ вопросъ будетъ иначе рѣшенъ для страны, въ которой конкурируютъ между собою крупныя предпріятія капиталистическаго типа, чѣмъ для такой, въ которой наряду съ крупными предпріятіями существуютъ въ большомъ числѣ и мелкія. Въ послѣдней уклоненія прибыли отъ средняго уровня будутъ несравненно значительнѣе, чѣмъ въ первой; и въ общемъ эти уклоненія окажутся тѣмъ меньше, чѣмъ шире сфера крупнаго капиталистическаго производства. Въ пользу такого положенія говоритъ между прочимъ примѣръ Америки, гдѣ синдикаты, завоевывающіе себѣ все большее и большее поприще, являются могущественными факторами уравненія прибыли. Это достигается вслѣдствіе большей устойчивости цѣнъ, осуществленіе которой составляетъ ближайшую задачу синдикатовъ; къ тому же результату ведетъ и конкуренція, заставляющая синдикаты

---

[1]) Zur Kritik etc. Стр. 38. Трудно понять, какимъ образомъ Гельдъ могъ усмотрѣть въ законѣ Рикардо „восхваленіе свободной конкурренціи“. Zwei Bücher etc. Стр. 181.

держаться средней нормы прибыли, чтобы не вызвать къ существованію новыхъ соперниковъ. Комиссія, изслѣдовавшая американскіе синдикаты по порученію конгресса и выпустившая свой отчетъ лѣтомъ нынѣшняго года, сообщаетъ рядъ фактовъ, подтверждающихъ приведенное заключеніе. Прочными оказались только тѣ синдикаты, которые довольствовались обычной прибылью; напротивъ, попытки нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр. водочнаго трёста, отступить отъ этого правила немедленно вызывали соперничество и приводили къ перепроизводству и кризису [1]). Данныя объ американскихъ синдикатахъ показываютъ, что уровень прибыли во всякомъ случаѣ будетъ устанавливаться при весьма различныхъ условіяхъ въ Америкѣ, съ ея многочисленными синдикатами, и не только формальной, но и фактической возможностью конкурировать съ ними, и въ такой странѣ, какъ Россія, гдѣ синдикаты гораздо менѣе распространены и соперничество съ тѣми изъ нихъ, которые офиціально существуютъ, встрѣчаетъ формальныя препятствія и фактически затрудняется недостаткомъ капиталовъ.

Приведенныя соображенія показываютъ, что вопросъ о прибыли не можетъ быть рѣшенъ абсолютно и долженъ разсматриваться исторически, въ зависимости не только отъ общихъ чертъ того типа хозяйственной организаціи, который обозначается именемъ капиталистическаго, но и въ связи съ конкретнымъ осуществленіемъ этого типа въ данной обстановкѣ.

То же самое можно сказать и о заработной платѣ. Достаточно упомянуть о вліяніи такого фактора, какъ рабочіе союзы, чтобы видѣть, что и этого вопроса нельзя ставить на абсолютную почву. Рабочіе союзы представляютъ въ отношеніи заработной платы такой же уравнивающій механизмъ, какимъ являются синдикаты въ отношеніи прибыли; и чѣмъ шире они развиваются, чѣмъ полнѣе они охватываютъ отдѣльныя отрасли производства и соединяются между собою въ федераціи, тѣмъ больше единообразія они вносятъ въ оплату труда и тѣмъ точнѣе устанавливается соотвѣтствіе между платой рабочаго и затратой энергіи. Достаточно припомнить пріемы, употребляемые при исчисленіи разцѣнокъ работы въ

[1]) Industrial Commission. Preliminary Report on Trusts and industrial Combinations. Washington. 1900.

разныхъ отрасляхъ англійской промышленности, чтобы убѣдиться, что съ развитіемъ такихъ организацій заработная плата должна становиться равномѣрнѣе и все больше и больше служить точнымъ выраженіемъ затраты силъ рабочаго [1]).

Различія въ заработной платѣ за одно и тоже количество затраченной энергіи гораздо значительнѣе въ странѣ, въ которой не существуетъ организацій, подобныхъ англійскимъ трэдъ-юніонамъ, чѣмъ въ такой, гдѣ подобныя организаціи существуютъ. По мѣрѣ ихъ распространенія, нужно полагать, точнѣе выполняется и другое условіе, предположенное Смитомъ и Рикардо, именно, что между оплатой простаго и квалифицированнаго труда поддерживается во всѣхъ отрасляхъ производства одинаковое отношеніе.

Наконецъ, съ развитіемъ крупнаго производства, и особенно синдикатовъ, предпріятія становятся однороднѣе въ техническомъ отношеніи. Можно предполагать, что распространеніе машинъ устанавливаетъ все болѣе и болѣе однородный составъ капиталовъ, дѣлая вмѣстѣ съ тѣмъ однороднѣе самый трудъ рабочихъ и вводя вездѣ болѣе или менѣе одинаковое отношеніе между участіемъ простаго и квалифицированнаго труда. Такимъ образомъ и эти вопросы рѣшаются различно въ зависимости отъ строенія даннаго народнаго хозяйства въ опредѣленный историческій періодъ.

Мы намѣтили очень бѣгло и въ самыхъ общихъ чертахъ тѣ вопросы, которые вытекаютъ изъ ученія о цѣнности Рикардо. Поставленная на историческую почву его теорія направляетъ изслѣдователя къ изученію дѣйствительности въ процессѣ ея историческаго измѣненія и даетъ ему теоретическій принципъ, который служитъ руководящей нитью въ лабиринтѣ фактовъ и наблюденій.

Рикардо оставляетъ внѣ круга своихъ изслѣдованій блага, которыя не могутъ быть воспроизводимы по желанію человѣка; онъ теоретически не объясняетъ колебаній рыночныхъ цѣнъ, довольствуясь эмпирическимъ закономъ спроса и предложенія; наконецъ, онъ изслѣдуетъ только объективную мѣновую цѣнность, не обращая почти никакого вниманія на субъективную оцѣнку благъ. Тѣмъ не менѣе выведенный имъ законъ имѣетъ опредѣляющее значеніе для ученія о цѣнности. Трудовой принципъ, установленный Рикардо,

[1]) См. объ этомъ превосходное сочиненіе Вебовъ: Industrial Democracy.

даетъ средство для соизмѣренія благъ, безъ чего не можетъ быть построена теоретическая экономія: принявъ въ соображеніе гипотетическій характеръ рикардовскаго закона, мы имѣемъ право считать трудъ точнымъ измѣрителемъ объективной мѣновой цѣнности. Это положеніе важно также для построенія теоріи субъективной оцѣнки при условіяхъ современнаго хозяйства. Если правильно мнѣніе, по которому основаніемъ субъективной мѣновой цѣнности при производствѣ для рынка служитъ покупательная сила хозяйственныхъ благъ, то при условіи, что покупательная сила благъ опредѣляется количествомъ труда, затраченнаго на ихъ производство, трудовой принципъ становится основаніемъ субъективной оцѣнки. Если при современныхъ условіяхъ благо имѣетъ для субъекта хозяйственной дѣятельности тѣмъ большее значеніе, чѣмъ выше его объективная мѣновая цѣнность, покупательная сила или цѣна, а цѣны относятся между собою какъ количества труда, затраченнаго на производство благъ, то отсюда слѣдуетъ, что и субъективная мѣновая цѣнность основывается на трудовомъ началѣ.

Опредѣливъ значеніе теоріи Рикардо мы вмѣстѣ съ тѣмъ подвели общій итогъ ученію о цѣнности классической школы. Все существенное, что было высказано ея главными представителями и что пережило ихъ, выражено въ законѣ трудовой цѣнности, и мы полагаемъ, что этотъ законъ, правильно понятый и поставленный на историческую почву, остается неопровергнутымъ. Но онъ требуетъ дальнѣйшаго обоснованія и развитія. Отчасти это было сдѣлано позднѣйшими изслѣдователями [1]), но ихъ работы уже потому не могли дать отвѣта на всѣ вопросы, вытекающіе изъ теоріи Рикардо, что многіе изъ этихъ вопросовъ получаютъ теперь новое освѣщеніе въ связи съ развитіемъ новыхъ явленій экономической жизни. Что же внесла въ науку литература о цѣнности послѣ Рикардо и какой свѣтъ бросаетъ въ эту область экономической теоріи современная дѣйствительность? Эти вопросы выходятъ за предѣлы настоящей работы и требуютъ самостоятельнаго изслѣдованія.

[1]) Тойнби справедливо замѣтилъ, что сближеніе экономической теоріи съ жизнью происходитъ чрезвычайно медленно. Послѣ Рикардо „потребовалось 30—40 лѣтъ, пока экономисты научились провѣрять свои выводы на фактахъ и наблюденій". См. „Промышленный переворотъ въ Англіи". Стр. 219.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Предисловіе III

ГЛАВА I. Ученіе австрійской школы о предѣльной полезности. Критика этого ученія..... 1

ГЛАВА II. Разборъ возраженій, представленныхъ противъ австрійскихъ теоретиковъ нѣкоторыми защитниками классической школы. Возраженія противъ трудовой цѣнности..... 42

ГЛАВА III. Ученіе Смита, Мальтуса и ихъ непосредственныхъ послѣдователей о значеніи труда въ теоріи цѣнности..... 60

ГЛАВА IV. Основныя положенія ученія о цѣнности Рикардо. Развитіе его идей въ трудахъ Дж. Милля, Макъ-Кёллока и де-Квинси..... 123

ГЛАВА V. Экономисты, развившіе ученіе объ относительной цѣнности. Торренсъ, Рамзэ, Бассеттъ Гопкинсъ и др. Возраженія Мальтуса противъ теоріи Рикардо. Его полемика съ Бэли. Дж. Ст. Милль..... 169

ГЛАВА VI. Общая оцѣнка теоріи Рикардо. Вопросы, которые она возбуждаетъ. Условія дальнѣйшаго ея развитія..... 204

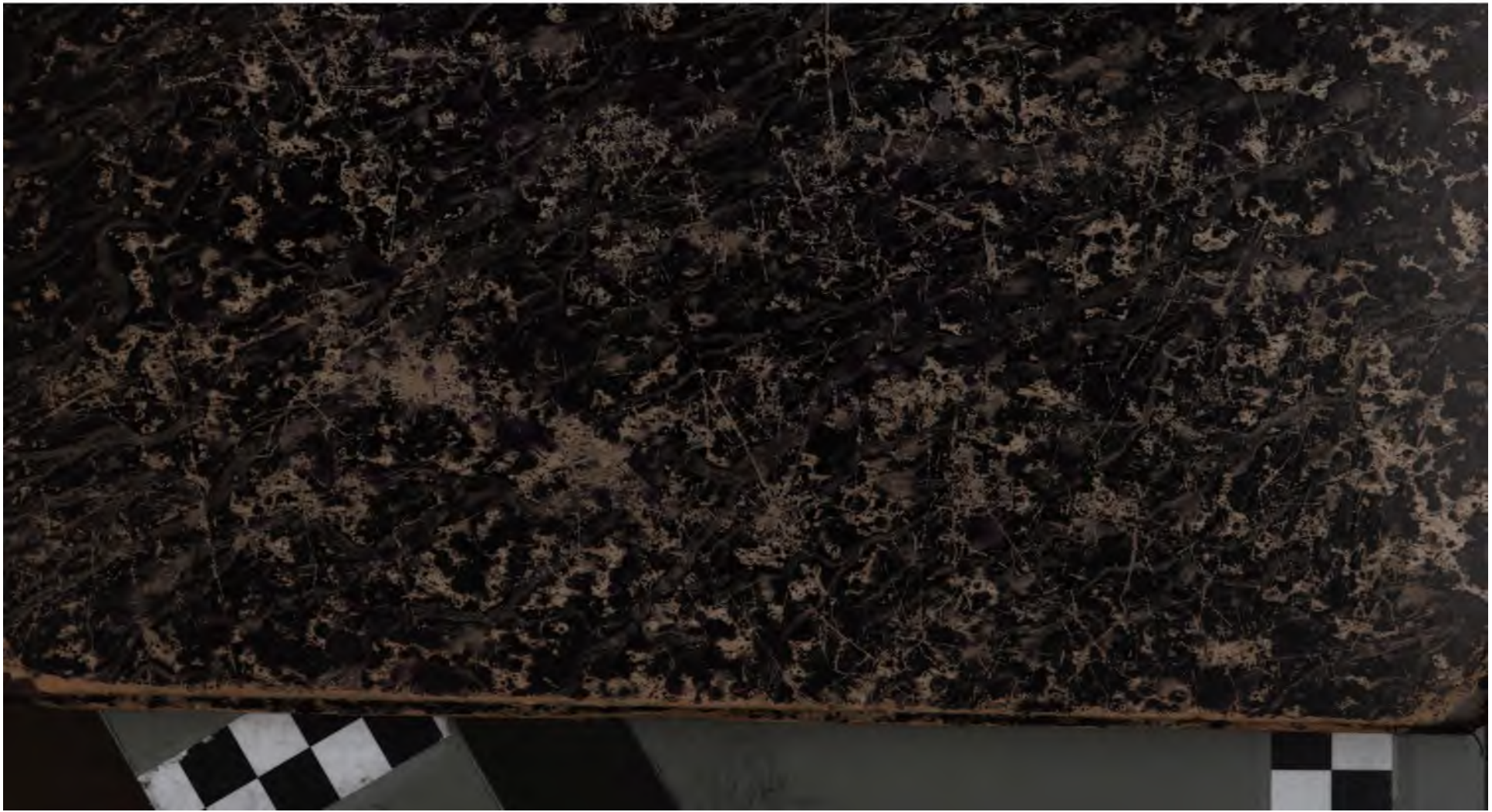
Цѣна 1 р. 50 к.

Того же автора:

Аренда земли въ Ирландіи. Москва. 1895. Ц. 2 р. 50 к.

HB
203
.M28

HB 203 .M28 C.1
Poniatie tsiennosti po uchenii
Stanford University Libraries
3 6105 035 582 449

	DATE DUE		

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305